

**РОССИЯ
РАСПРАВЛЯЕТ
КРЫЛЬЯ**

**БЕСЕДА С ГЛАВОЙ
РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО
ДОМА**

ISSN 0236-3283

МЫ

10/91

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Игорь ВАСИЛЬЕВ
(ответственный секретарь)
Андрей КОСЕНКИН
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Художественный редактор
Елена СОКОВА

На первой странице обложки
рисунок **Игоря СУСЛОВА**

Адрес редакции:
107005, Москва, Б-5, аб. ящик № 1.
По всем вопросам экспедирования
и полиграфического исполнения
обращаться в издательство «Дом»

© «МЫ», 1991
Издательство «Дом»
Издательского детского фонда
имени В. И. Ленина
Адрес: 101963, Москва,
Армянский переулок, 11/2А,
Телефон: 923-66-61

Отпечатано в типографии
А/О Принт-Юхтиёт
Соинпринт Финляндия

Сдано в набор 08.07.91 г.
Подписано в печать 23.07.91 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,1.
Уч.-изд. л. 12,72. Тираж 1000000

10/91
ОСНОВАН В 1990 ГОДУ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
для ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА**

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Новиков. Опять играют гильзами. 2

«Я исполню свой долг...» Беседа
с Главой Российского Императорского Дома
Великим Князем Владимиром Кирилловичем 72

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Рауль Мир-Хайдаров. Мать пиковая. Роман 12

Зарубежная фантастика. **Кира Сину.**
Великий эксперимент. Повесть. Перевод с греческого 87

ПРОБА ПЕРА

Стихотворение из конверта 69

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

«Посоветуйте, а?» Беседы доктора И. И. Соковни. 153

Татьяна Посысаева. Яблочко должно созреть 156

Письма в «Мы» 8

Ищу друга 189

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Сильвестр Сталлоне —
символ мужественности и героизма духа 178

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Сергей Цебаковский. Поиск аварийных НЛО. Продолжение. . 159

Виктор Кудрявцев. Под зеленой звездой эсперанто 65

Мозаика 175

На малом экране. Видеообзор 192

СЕГОДНЯ

ОПЯТЬ ИГРАЮТ ГИЛЬЗАМИ.

А ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА?

С каким сочувствием, помню, читали мы в школьные годы поучительные истории о детях военной поры. И одеты они были кто во что, и ели что Бог послал... А вместо игрушек у них — и это преподносилось как самое страшное — стреляные гильзы, осколки мин да снарядов...

Но на войне как на войне.

Но война идет и сегодня.

Говорят — необходим взвешенный подход. Да, дело политиков — определять, какой подход

наиболее эффективен для прекращения огня — взвешенный или не совсем. Но право журналистов — напомнить всем заинтересованным сторонам о дне завтрашнем. Общем нашем завтрашнем дне.

О детях.

Сколько лет мы клялись: все лучшее — им, детям. А они в ответ скандировали: «За детство счастливое наше — спасибо, родная страна!»

...И?

На армяно-азербайджанской границе — окопы полного профиля. Мешки с песком и цементом вполне профессионально прикрывают огневые точки. На всех до-

рогах — заставы, вооруженные не только стрелковым оружием, но и пушками, крупнокалиберными пулеметами. В небе над этим благодатным краем барражируют военные вертолеты.

Здесь не один месяц уже льется кровь, убивают людей. Ожидается богатый урожай винограда, но гроздья наливаются соком без людского присмотра — нет охотников работать под обстрелом, а то и попасть в плен. Профессия пастуха стала исключительно опасной. Пастухов убивают, чтобы забрать чужой скот.

Все принимающие участие в конфликте клянутся в справедливости своих целей. И все, по-

хоже, выбрали единственное средство для их достижения — автомат.

Вертолеты гоняются за гражданскими машинами. На заставах автоматными очередями разгоняют журналистов, пытающихся получить хоть какую-то достоверную информацию.

И еще — началась депортация. Этого не было в нашей стране аж со времен «отца народов». По одной версии, все эти люди — жители сел Гадрутского района НКАО — вдруг в одночасье захотели в Армению. Да так сильно захотели, что почти все свои вещи побросали там, где жили.

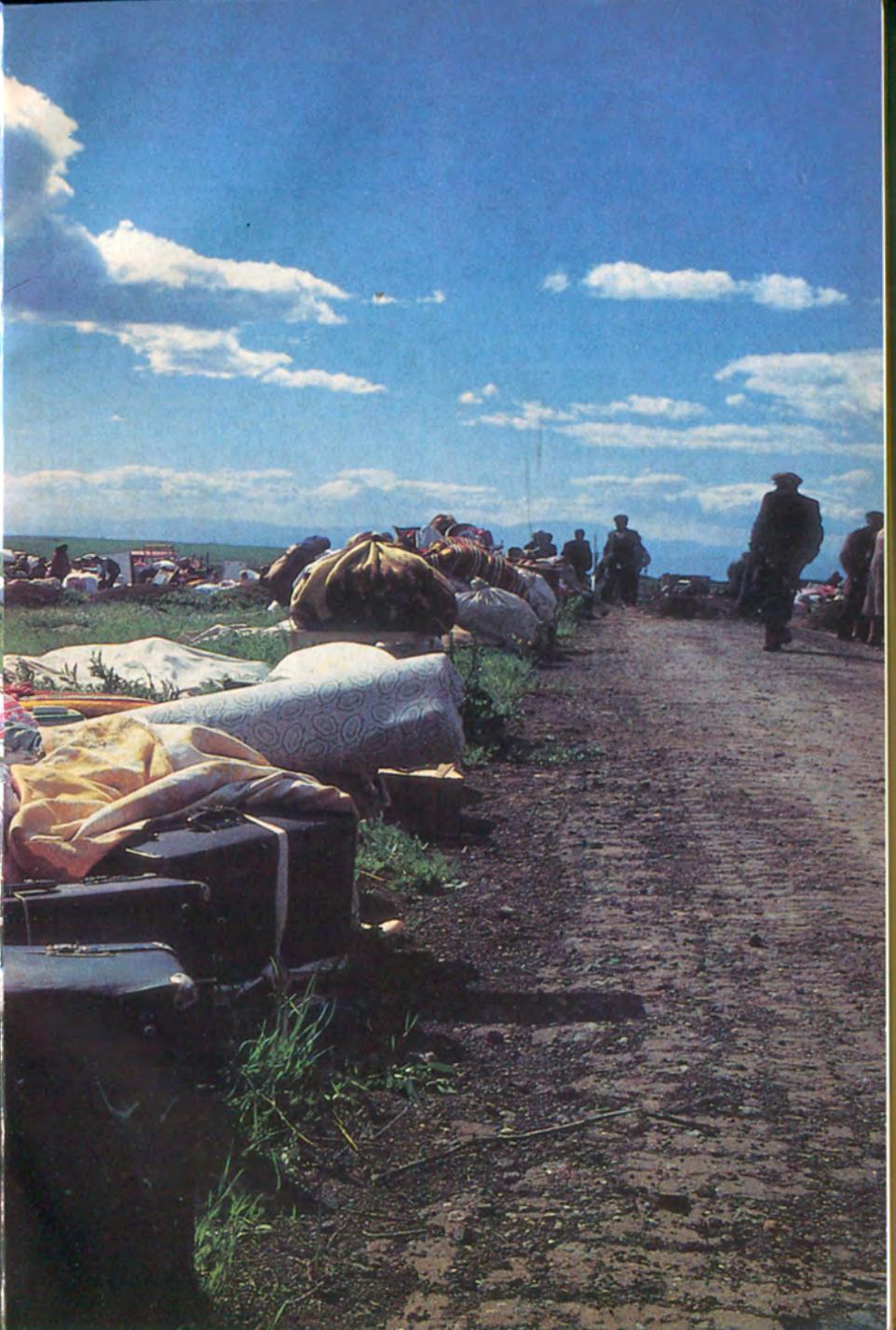
И что самое страшное — даже

не всех своих детей взяли с собой!

По рассказам гадрутцев, многие мальчишки и девчонки испугались массовой погрузки в автобусы и разбежались по окрестным горам. Взрослым не было разрешено их искать... Где сейчас эти ребята?

А их деды и бабки, отцы и матери — вот они, в открытом поле, под пулеметами и пушками армейской заставы.

Пока что детишкам — из тех, что с родителями, — в открытом поле вольготно. Лето. Тепло. Каникулы. Но в войну никто не играет — насмотрелись. Я в их возрасте довольно слабо представлял себе детали солдатского

вооружения. Дети приграничья давно уже с легкостью ориентируются в силуэтах вертолетов (который с ракетами, который без). Осколки от мин не спугают с другими.

Эти ребята знают, как вести себя при артобстреле, на слух отличают стрельбу из ДШК от автоматных очередей. А уж стреляные гильзы найдутся в кармане любого пацана. Между тем нравы на границе такие, что даже стреляная гильза в кармане может послужить обвинением в террористической деятельности. Со всеми последствиями, невзирая на возраст...

Это ли — счастливое детство?

Что будут думать о нас эти мальчишки и девчонки — те, что уцелеют, — когда, умудренные жизненным опытом, с иронией будут листать пожелтевшие газеты сегодняшних дней?

Политиком виднее: они всегда сумеют объяснить, ради чего и чем следует пожертвовать. Но сам ребенок никогда не поймет, почему он должен в одночасье возненавидеть своего самого лучшего друга. Почему он должен добровольно навсегда уйти из дома, где родился.

Да, возможно, в результате взвешенного или какого-нибудь еще другого подхода кое у кого из ныне живущих взрослых жизнь действительно станет лучше. Но мы — ныне живущие — стареем. И будут ли почитать нашу старость эти вот ребята, играющие гильзами?

Петр НОВИКОВ
Фото автора

ПИСЬМА В «МЫ»

ГОТОВЫ ПРОСТИТЬ ВАМ ВСЕ

Я хочу через журнал обратиться ко всем девчонкам и мальчишкам, которые не ладят с мамой, чем-то обижают ее.

Дело в том, что моя мама серьезно больна. Врачи молчат, когда она спрашивает их: «Сколько я еще проживу?» Если бы вы знали, как ужасно и больно в 16 лет думать не о радостях в жизни, а лишь о том, что же еще сделать, чтобы моя мама ЖИЛА!

Я не прошу о помощи, о жалости к себе. Я прошу всех — жалейте своих матерей, любите их, ведь они единственные люди на свете, готовые простить вам все — обиду, оскорбление, боль. Мне неприятно читать — «мама меня не понимает» и т. д. Наверное, они сами не понимают своих мам. Ведь каждая мать хочет своему ребенку только добра. Вот и все.

Оля
Оренбургская обл.

ЛУЧШЕ ПРОЧИТАТЬ «АНЖЕЛИКУ»

Сейчас многие говорят, что с подростками мало говорят «про это». У меня претензии

иного рода: мало говорят «не про это»! И где — на уроках этики и семейной жизни!

Вот у нас были уроки по этому предмету. Ну, вначале поговорили о любви. А потом в течение полутора месяцев учительница читала нам статьи про секс. Статьи все похожи одна на другую, в них полно всяких терминов, в которых и не разберешься, только разве по смыслу. Да и сама этичка, как выяснилось, многих терминов не знала. По-моему, лучше и полезнее прочитать «Анжелику», а не лезть в дебри науки.

Потом были тесты, потом опять пошли статьи. Сначала про дядю, который накачивал девочек таблетками, насиловал и т. д. Позвольте, это что — семейная жизнь? Потом поведали историю о том, как один товарищ пил оттого, что его жена пилила. Первая. А вторая молчала, так он и пить бросил. Такие вот советы мы получили.

Вот я и думаю: зачем я ходила на эти уроки целый год? Ничего не узнала. Ну, только про интим. Не спорю, это тоже важно, и без этого супружества не бывает. Но ведь одним интимом сыт не будешь, а для будущей семейной жизни уроки этики ничего не дали. Действительно, намного интересней и полезней читать классиков, и в этом я согласна с Александром Фоменко.

**Виолетта К.
Москва**

ТАКИЕ ВОТ КАНИКУЛЫ

Нас четыре подружки: Света, Алена, Таня, Жанна. Мы десятиклассницы, симпатичные и привлекательные девчонки, из хороших семей. Парни к нам так и липнут.

Но мы хотели познакомиться с порядочными и симпатичными ребятами. И познакомились... Им было по 17—19 лет. Начали встречаться, гулять. Вроде бы все нормально. Однажды они пригласили нас домой «на чашечку кофе». И мы пошли, ничего не подозревая. Все было сначала нормально, тихо и скромно. Выпили две бутылки вина (потом выяснилось, что пили больше всего мы). А потом они начали к нам приставать. Ну и...

Одним словом, последствия таковы: у одной венерическое заболевание, другая не сможет рожать вообще, у третьей все обошлось, а четвертая стала мамой — родила сына. Воспитывает его теперь одна. Отец, естественно, отказался.

Такие вот получились каникулы...

Девочки из Киева

ЧТО ЗА ПИСЬМА?!

Ну, ребята, вы даете! Что за письма вы пишете! «Умоляю помочь... Хочу рассказать... Не сложилось, не получилось... Прошу...» Ну, я понимаю: инвалиды, наркоманы. Но

вот чтобы обыкновенные ребята, девчонки и пацаны, жаловались и спрашивали: «Я не пью, не курю. Так кто я?». Кто? Обыкновенная, не деградировавшая девчонка, которая может стать хорошим другом. Другая пишет: «Я иду, но меня никто не замечает...» Тебя замечают, не волнуйся. Наверное, один из ста парней может познакомиться сразу, на улице. Да и стоит ли так? Представьте, что вижу я на улице симпатичную девчонку, подхожу и говорю: «Прошу прощения, разрешите с вами познакомиться и проводить до дому». Оригинально будет выглядеть, правда? Может быть, движение откроем «Знакомство на улице»?

И вот еще. «Мне нужно миллион в валюте...» На миллион и дурак проживет, а вот ты попробуй на 130 рублей в месяц. Слабо? Так вот, чтобы дойти до миллиона, надо хотя бы свой «деревянный» рубль поднять. Работать надо!

**М. А.
Москва**

из-за какой-то дворняжки! Успокойся и перестань реветь».

Да, она была обыкновенной дворняжкой, но разве беспородная собака не может стать настоящим другом? После школы я всегда торопилась домой, мне было с ней интересно, я разговаривала с ней, как с человеком, и она умела слушать, она смотрела на меня очень внимательно и слушала. Когда я рассказывала ей о чем-то, что меня очень тревожило, она вместе со мной переживала это. В моей собачке было поразительно много человечности и доброты. Она все, все понимала.

Теперь мне очень трудно. Когда я думаю о ней, ком подкатывает к горлу. Сейчас я совсем не тороплюсь домой после школы, задерживаюсь у подруги. Дома очень одиноко и тоскливо. Мне сейчас решительно на все наплевать. Я стала хуже учиться, бросила музыкальную школу.

Она была моим лучшим другом!

**Настя Ф.
Приморье**

ОНА БЫЛА МОИМ ЛУЧШИМ ДРУГОМ

Я не прошу помощи. Я хочу лишь, чтобы меня выслушали и поняли. Мне сейчас очень плохо. У меня была собака, но она умерла от чумки. Я так переживала! Родители говорят: «Нельзя так волноваться

ВИНОВАТ САМ

Мне нравится одна девчонка. Но дело в том, что она меня просто не замечает. Я в этом виноват сам.

Еще в шестом классе я «показывал ей свою силу», часто обижал из-за пустяка. Теперь я страдаю сам. Она совсем не

обращает на меня внимание, даже когда оказываемся вместе, видно, что ее аж передергивает от отвращения, когда я пытаюсь прикоснуться к ней. Конечно, кому же понравится пацан, который при тебе курит на углу, заворачивает разные словечки. Который унижал слабых, чтобы возвыситься перед тобой. Все же это было.

Дурак я, дурак! Какую девочку потерял. Никогда себе этого не прошу. Дружит с другом. Он лучше меня, хотя я тоже симпатичный.

Трудно пережить, что к тебе так относится девочка, от которой чуть не падают парни. Когда она пойдет в класс легкой походкой, я не могу отвести от нее глаз.

Но все равно надо жить. Но как?

**Сергея
Без адреса**

Я СЧИТАЮ ИХ ДУРНЯМИ

Я смеюсь над мальчишками,
Я считаю их дрянными!
Потому что словечками
Умы глупеньких ранены,
Потому что на улице
Взгляды наглые падают
На фигуры красивые!
Вам девочку на вечер бы
С поцелуями грязными.
А потом ее душу
Меж собой обзывали бы!
Вам напиться до одури,
Чтоб в глазах все трюлося,

А потом под заборами
Чтобы черти вам снились!
Я смеюсь над мальчишками,
Я считаю их дурнями.
А таких, как вот этих,
Всей душой презираю я!

**Л.
г. Таллинн**

ПОЧЕМУ НАШ ГОЛОС НЕ УСЛЫШАН?

Пишет вам девочка из города Братска.

У нас в городе такой туман от промышленных выбросов, что не видно соседнего дома. У многих ребят кашель, рвота, одышка.

Однажды в школе у меня и еще четверых одноклассников заболела голова. Нас отпустили домой. А на следующий день пришла телефонограмма, и опять уроков не было. Все сидели дома. И вот сейчас, когда я вновь не увидела соседнего здания, мне захотелось написать о нашей жизни.

Уже несколько раз у нас теплилась надежда, что те, кто виноват в этой ситуации, одумаются и примут меры. Наша школа устраивала митинг возле здания райисполкома. Все напрасно. Про эти митинги пишут в газетах, говорят в местной телепередаче. Но что толку? Хочется возмутиться и спросить — почему наш голос не услышан? Или те, к кому мы обращаемся, дышат другим воздухом?

**Без подписи
г. Братск**

Трилогию известного узбекского писателя Рауля Мир-Хайдарова, объединенную общим названием «Черная зная», завершает роман «Масть пиковая». Два предыдущих романа «Пешие прогулки» и «Двойник китайского императора» быстро нашли своего читателя и принесли заслуженную популярность их автору. И это не случайно, так как произведения Мир-Хайдарова, максимально приближенные к реальной жизни, особенно нужны сейчас, когда еще свежи события, давшие начало многим уголовным делам и судебным процессам.

В романах Мир-Хайдарова четко указан адрес — республика, в которой разворачиваются события. В числе основных действующих лиц — реально существовавшие или существующие и сейчас представители правящей элиты. Свыше четверти века трудолюбивым народом правили люди, которые, прикрываясь демагогическими речами и заверениями в преданности народу и партии, под бурные аплодисменты творили произвол, бессовестно попирая закон и нормы морали. Роман «Масть пиковая» — одна из серьезных и обоснованных попыток рассказать о действительных масштабах преступности

Рауль МИР-ХАЙДАРОВ

МАСТЬ ПИКОВАЯ

РОМАН

ЧАСТЬ 1

Сухроб Ахмедович Акрамходжаев появился в здании Прокуратуры республики намного раньше назначенного для совещания часа. Дело в том, что вчера вечером близкие друзья, те, которые в узком кругу называли его Сенатор, доверительно сообщили ему, что в инспекционной поездке по Каракалпакии от инфаркта умер Шараф Рашидов. Особых причин сожалеть о смерти хозяина республики у Акрамходжаева не было. Уже много лет он работал в районной прокуратуре Ташкента, но шансов на продвижение не имел, хотя был кандидатом юридических наук. Все места, на какие он метил, занимали люди, с

Журнальный вариант

в высших органах власти, внести ясность в случившееся, дать ему правильную оценку, чтобы не допустить повторения ошибок, столь трагично сказавшихся на жизни многих людей.

Тема романа, на первый взгляд, не имеет ничего общего с проблемами молодежи: и возраст героев совсем не юный, да и заботы — не мальчишеские. Но вот что совершенно очевидно: когда в обществе начинается разлад и безрадостной становится жизнь, — хуже всего приходится детям и старикам. Потому что дело не в возрасте; проблемы, которые копились годами и вдруг лавиной обрушились на нас, — наши общие боль и забота. Этот роман помогает понять процессы, происходящие в стране, разобраться в сложных перипетиях нашей сегодняшней жизни, а значит — помогает определить свое место в ней. А что сейчас может быть важнее, особенно для молодежи?

**Старший следователь по особо важным делам
при Генеральном прокуроре СССР,
государственный советник юстиции 3 класса Б. СВИДЕРСКИЙ**

которыми ему тягаться было не по силам; за каждым стояли богатые и влиятельные кланы, а то и покровительство самого Рашидова или его приближенных. А к Шарафу Рашидовичу Сенатор, как ни пытался, не смог приблизиться.

Но все-таки смерть главного человека Узбекистана влекла за собою перемены, которые следовало бы предугадать, чтобы наилучшим образом сориентироваться в новой ситуации. Об этом Сухроб Ахмедович и хотел поговорить до начала совещания кое с кем из своих коллег, которые, конечно, также были в курсе произошедшего, хотя официального сообщения о смерти первого секретаря ЦК КП Узбекистана ни в печати, ни по радио и телевидению еще не поступало.

К его удивлению, на месте не оказалось никого из руководства, с кем он намеревался встретиться; не было видно и тех коллег, с которыми его связывали приятельские отношения. Видимо, многие работники прокуратуры кинулись за помощью к своим родственникам и покровителям, чтобы попытаться свой шанс при смене власти. Скорее всего, о совещании не могло быть и речи, хотя никто не удосужился его отменить.

Он шел безлюдным коридором второго этажа к широкой мраморной лестнице, ведущей в просторный холл, как вдруг внизу резко распахнулась тяжелая входная дверь, и в вестибюль влетел пожилой, совершенно седой человек с дипломатом в руках. Секундой позже следом за ним ворвался молодой, спортивного вида мужчина, явно преследовавший пожилого. Постовой милиционер растерянно проводил их глазами. Человек с дипломатом уже взбежал по лестнице, и Сухробу Ахмедовичу даже представился шанс помочь ему, но, повинувшись какому-то

мгновенному импульсу, он спрятался за колонной. Пожилой человек неожиданно оступился, выронил из рук дипломат, который с грохотом полетел вниз, а следом и сам человек скатился с лестницы к ногам преследовавшего. Тот ловко подхватил дипломат и зло пнул расprostертого у его ног человека. Вдруг за спиной у него послышался шорох. Постовой милиционер, опомнившийся от растерянности, расстегивал кобуру. Мужчина ловко, как в пируэте, развернулся и, прикрывая грудь дипломатом, прошипел:

— Брось пушку, не то пристрелю! — В руках у него действительно поблескивал тяжелый вороненый пистолет. Милиционер отбросил оружие в сторону. И тут произошло неожиданное: старик вскочил на ноги, вцепился в руку преследователя, державшего «вальтер», и прохрипел:

— Коста, отдай документы...

Тот, которого он назвал Коста, криво усмехнулся, явно не считая старика за серьезную помеху, и резко рванул дипломат на себя, но руку с пистолетом освободить не удалось, и тогда он, резко выгнувшись, ударил пожилого головой в лицо. Тот разжал руки, и Коста выстрелил в него.

В этот миг в прокуратуру ворвался человек в милицeйской форме. Сухроб Ахмедович узнал полковника Джураева, начальника уголовного розыска республики, о невероятной храбрости которого ходили легенды. Эркин Джураевич чуть ли не с порога прыгнул на человека по имени Коста, молниеносным приемом сломал его пополам и отбросил к стене, где вахтенный милиционер уже нашаривал на полу свой пистолет, а сам успел подхватить на руки окровавленного хозяина дипломата.

На шум выстрелов высыпали люди из кабинетов, кинулись мимо Сухроба Ахмедовича в вестибюль. Полковник Джураев, склонившись над убитым, простонал:

— Прости, прокурор, не успел, прости...

И тогда Сухроб Ахмедович понял, кто этот человек, жизнью заплативший за то, чтобы дипломат с документами остался в стенах прокуратуры. Ну, конечно, это бывший областной прокурор Азларханов! Но, Боже, как он постарел, поседел! Сухроб Ахмедович не раз встречал его в этом здании на разных собраниях и совещаниях, имя его было на слуху. Ему прочили славную карьеру! Реформатор — иронически называли его недоброжелатели и завистники. Азларханов шесть лет тому назад ввязался в борьбу с влиятельным и сильным родовым кланом и очень скоро поплатился за это. Сначала его сместили с поста прокурора области. Потом убили его жену. После этого Азларханов надолго исчез из поля зрения Сухроба Ахмедовича.

Сенатор не сводил глаз с кейса, который был теперь в руках Джураева. В голове у него мелькнула мысль, от которой его кинуло в жар: завладеть кейсом. Наверняка там были документы огромной

важности. Иначе не стал бы рисковать жизнью прокурор Азларханов. Значит, он выследил крупную дичь. Хладнокровие постепенно вернулось к Сенатору. Не мешало бы вместе с документами в кейсе заполучить и этого отчаянного парня, размышлял он, прижавшись спиной к колонне, за него можно крепко поторговаться с теми, кто его послал.

Сухроб Ахмедович снова осторожно выглянул из-за колонны.

Он видел, как молоденький дежурный из приемной прокурора республики звонил в «скорую помощь», как убитого Азларханова положили на носилки с инвентарным номером имущества гражданской обороны. Затем он увидел, как кинулся к телефону полковник Джураев:

— Срочно передайте всем постам ГАИ: немедленно принять меры к задержанию белых «Жигулей» модели 2106 с номерным знаком ТНС 85—04. Будьте крайне внимательны: преступники вооружены.

Видимо, еще подъезжая к Прокуратуре республики, начальник уголовного розыска успел увидеть, что Азларханова кто-то преследует, и опытный глаз его сразу приметил подозрительную машину, страховавшую преследователя. Скорее всего, Джураев появился тут не случайно, у него была назначена встреча с бывшим прокурором.

Сухроб Ахмедович заметил, что к Джураеву энергично пробирается начальник следственного отдела, и понял: кейс с драгоценными бумагами сейчас исчезнет в одном из сейфов второго этажа.

Как бы в подтверждение его мысли, Джураев протянул дипломат начальнику следственного отдела и сказал:

— Пожалуйста, спрячьте дипломат у себя в сейфе, но прежде в присутствии коллеги из другого отдела опечатайте его: там бумаги чрезвычайной важности. Завтра утром лично передадите документы прокурору республики, поскольку сегодня его уже не будет: в ЦК партии экстренное совещание, и окончится оно не скоро. Акрамходжаев еще некоторое время постоял у колонны. Он слышал, как врач из медсанчасти МВД, прибывший за Коста, просил помощника прокурора связаться с институтом травматологии, чтобы помогли срочно сделать рентген — их установка не работала третий месяц.

Внизу две женщины швабрами оттирали окровавленный пол, а вахтенный милиционер сидел понурившись. Ему предстояло дежурить до утра. И скорее всего, это дежурство будет последним. После происшедшего ему явно придется подыскивать другую работу.

Сенатор наконец оставил свое укрытие, спустился вниз и вышел из здания прокуратуры. Завел машину и медленно поехал в сторону Алайского базара. И тут он заметил вынырнувшие из подворотни белые «Жигули» шестой модели с номерным знаком ТНС 85—04. Машина повернула ему навстречу. Акрамходжаев помнил команду полковника Джураева всем городским постам ГАИ. Видимо, «Жигули», вспугнутые машиной начальника угрозыска, выжидали где-то во дворе и только сейчас выскочили из укрытия.

И снова, повинувшись неясному импульсу, Сенатор подал фарами сигнал тревоги, которым водители предупреждают друг друга о зададе, устроенной работниками ГАИ. Его поняли. За рулем сидел молодой парень, крупные очки скрывали половину его лица. Как только машины поравнялись, водитель высунул из открытого окна сжатую в кулак мощную руку, в запястье охваченную кожаным ремнем, и приветственно потряс ею. «Шестерка» свернула в кварталы жилых домов. Конечно, они срисовали мой номер и через час-два узнают, кому принадлежит машина, подумал Акрамходжаев. В эту минуту мимо него промчалась «скорая помощь», и он догадался, что это Коста повезли в институт травматологии.

Сенатор поехал следом.

Он не ошибся. Убедившись, что это именно Коста вносят на носилках в приемный покой, он подрулил к черному входу и вошел в здание. В глубине коридора спиной к нему стоял врач медсанчасти МВД.

— Не можем мы его оставить на ночь, он преступник и должен находиться под стражей, — говорил врач своему коллеге из института, склонившемуся над Коста.

— Куда же он убежит с поврежденным позвоночником, да еще со второго этажа? Но если вы уж так боитесь, в изоляторе два места, пусть останется с ним сопровождающий, не возражаю... А утром ему сделают снимок.

После короткого раздумья врач из МВД сказал охраннику:

— Сабиров, тебе придется здесь переночевать...

... На втором этаже помещалось отделение острой травмы, и больных в коридоре не было. Из палаты с надписью «Изолятор» вышла санитарка с ведром и шваброй. Сенатор остановил ее:

— Вы не подскажете, как зовут медсестру с этого этажа и когда она меняется?

— Да только заступила. Будет дежурить до утра, а величают ее Халимой Насыровой. Но она больно строга и шумлива, может не пустить к больным в гражданской одежде, так что лучше вертайтесь вниз и попросите у бабы Нюры в вестибюле халат.

— Спасибо, спасибо, — сказал Сенатор, — я, пожалуй, последую вашему совету и не стану нарушать больничный порядок. — И он повернул назад.

В вестибюле он узнал номер телефона дежурной медсестры, затем отыскал глазами автомат в холле, набрал номер своего помощника в прокуратуре.

— Салим, я сейчас буду. Если у тебя на вечер есть дела, отмени все. Нам предстоит срочная работа. Пожалуйста, предупреди наших друзей, сегодня они могут понадобиться.

Он посмотрел на часы и отметил для себя, что с этой минуты началась задуманная операция. Лишним временем он не располагал.

Через десять минут Салим, его правая рука, старый университетс-

кий товарищ, встречал Сенатора у порога. Из краткого телефонного разговора он понял, что шеф затеял что-то очень важное. Они давно работали вместе и понимали друг друга, как пара профессиональных картежных шулеров. Лидером в этой связке являлся Сухроб Ахмедович, как более родовитый по происхождению. Но Салим Хасанович Хашимов вряд ли уступал своему другу, он был силен и в тактике, и в стратегии, и, как правило, организовывал наиболее рискованные операции. Не зря у него была кличка: Миршаб¹ — Владыка ночи. В общем, они стоили друг друга.

Они сразу прошли в приемную и плотно затворили двойные двери с тамбуром, обитым звукопоглощающим ковроланом.

Некоторое время они молчали. Миршаб пристально смотрел на Сухроба Ахмедовича, но вопросов не задавал. Он вообще никогда не говорил ничего лишнего, и Сенатор очень ценил в товарище это качество.

— Вот что, Салим, — начал он, — дело нам предстоит серьезное, я бы сказал, неординарное. О нем — позже. Для начала мне надо забрать из института травматологии одного человека, но так, чтобы об этом никто ничего не знал.

— Ты хочешь сказать — похитить? — после недолгой паузы спросил Хашимов. — Это друг или враг? Или родственник?

— Ни то, ни другое, ни третье, — проговорил Акрамходжаев, — но этот человек мне очень нужен. Забрать, похитить... Сказать точнее — его следует выволочь из беды. Парню грозит тюрьма.

— И надо, чтобы он туда не попал, — раздумчиво произнес Миршаб. — Извини, шеф, у тебя нет времени, чтобы все-таки посвятить меня в подробности?..

— Позже, — повторил Сенатор. — Сейчас главное — заполучить этого парня. Позвони Наргиз. Не бойся, — сказал он, заметив недовольство товарища, — у нее он пробудет недолго.

— Хорошо, — коротко отозвался Миршаб.

— А теперь слушай дальше. Сейчас ты пригласишь ко мне того работника ОБХСС, Кудратова, на которого есть материал о взятке и вымогательстве. Потом поезжай в катран² и найди двух карманников. Кудратову понадобятся ассистенты, у которых есть выдержка. У Коста, кажется, поврежден позвоночник. Нужны носилки и два белых халата. Пока все.

Как только помощник покинул кабинет, Сенатор достал из недр старинного двухтумбового стола початую бутылку коньяка, плеснул себе на дно пузатого бокала, залпом выпил, затем открыл сейф и, секунду помедлив, сунул за пояс оружие. Оно сегодня ему могло пригодиться.

¹ Миршаб (узб.) — На востоке существовала ночная стража, ее начальник назывался Миршаб.

² Катран — дом, где играют в карты.

Спрятав бутылку, он достал папку с материалом на капитана ОБХСС Кудратова и принялся его изучать. До сих пор у него не было времени детально ознакомиться с бумагами, тем более что он знал: все равно придется замять дело, уж слишком высокие люди ходатайствовали за капитана. С обэхээсниками надо быть осторожным, там народ собрался тертый, и за каждым кто-то стоит — туда за красивые глаза и большие способности не берут.

Раздался робкий стук в дверь, и на пороге появился щеголеватый капитан. Он заметно нервничал. Сухроб Ахмедович сразу понял, как следует вести себя с этим парнем.

— Как же ты дошел до такой подлой жизни? — яростно рявкнул он и хлопнул об стол папкой с делом капитана так, что из нее разлетелись бумаги: заявления, жалобы, акты экспертизы. Одна из них спланировала к ногам Кудратова.

Кудратов наклонился, поднял документ и дрожащими руками протянул его прокурору. Взгляд Акрамходжаева не сулил для него ничего хорошего.

— Ну, давай-давай, расскажи-ка о своей трудной жизни, о голодных детях и маленькой зарплате: я включил диктофон.

Прокурор хотел добавить: «Что ж ты, мерзавец, так круто обложил торговлю; как дальше деловым людям жить, если им на одного тебя столько воровать приходится. Да и кто ты, сопляк, чтобы хапать за всех в районе? И повыше тебя начальники есть, место свое знать надо».

Но, разумеется, он этого не сказал, не деньги ему нужны были от ушлого капитана, который, конечно, охотно поделился бы награбленным с прокурором, если бы тот произнес все это вслух.

Изменив тон, Сенатор сухо поинтересовался:

— На сколько лет, думаешь, потянут твои шалости?

Кудратов молчал.

— Тогда я скажу. Ущерб, который ты нанес универсаму, беспричинно опечатав склады, после чего тебя не могли два дня отыскать, составляет примерно семьдесят тысяч. В двух других магазинах по твоей милости отключили холодильники, и товаров пропало на пятьдесят тысяч. Короче, тебе ясно, чем это пахнет?

Удар был нанесен мастерски. В эти минуты капитан крепко засомневался в силе своих покровителей.

— Помогите, вовек не забуду, — прохрипел он.

— Ты знаешь, как зовут тебя в торговле? Чума! Такие, как ты, и есть чума для народа! — патетически продолжал прокурор.

Кудратов поднял на него глаза. У него был безошибочный нюх на людей. Минута растерянности прошла. Кудратов сообразил, что он зачем-то понадобился прокурору, иначе разговор шел бы в ином тоне. Но на всякий случай он сделал жалобную гримасу и взмолился:

— Не губите, рабом вашим буду...

— Думаешь, легко мне закрыть такое дело? Да и почему я должен рисковать из-за тебя? Ты кто мне — брат, сват?

Кудратов опустил голову и уставился в пол.

— Ладно, — как бы смягчившись, продолжал Сенатор. — Но только так: услуга за услугу.

Внимание отразилось на лице капитана Кудратова.

— Один парень попал в автомобильную переделку. Сейчас он в институте травматологии, без сознания. Ничего такого он не натворил, но мало ли к какому формалисту может попасть в руки его дело. Личность парня пока не установили. Мне бы хотелось, чтобы он выздоравливал под присмотром друзей, которые сейчас появятся. Ты можешь им вынести больного из института и погрузить его в наш «рафик». По дороге тебя высадят. Согласен?

— Все для вас сделаю, — энергично сказал капитан.

В эту минуту на пороге появился Хашимов. Увидев Кудратова, он вопросительно посмотрел на Сенатора. Тот еле заметно кивнул.

— Все готово, — сказал Миршаб. — Они в машине. «Рафик» присоединится по дороге.

...Подъехав к институту травматологии, Сухроб Ахмедович позвонил из уличного автомата.

— Отделение острой травмы?.. Это Халима Насыровна?.. Вас беспокоит начальник караульной службы городской тюрьмы майор Саидов. Мне доложили, что на вашем этаже, в изоляторе, лежит больной преступник. Наш врач без согласования с начальством оставил его на ночь, а это грубейшее нарушение устава...

— Да куда ж он денется, — перебила его медсестра, — он же с переломанным позвоночником.

— Он, конечно, не убежит, но инструкция для нас закон, мы обязаны ее выполнять. Поэтому сейчас мы высылаем транспорт и людей, чтобы доставить преступника в нашу больницу. Утром привезем его на рентген.

— Пожалуйста, забирайте, если у вас такие строгости.

— Да, еще, чуть не забыл. Там рядом с ним должен быть наш охранник Сабилов, у него смена в пять часов заканчивается. Скажите ему, если еще не ушел: пусть едет домой, к ним гости из Башкирии нагрянули.

— Хорошо, хорошо, я передам, — трубку на другом конце провода положили.

Сенатор вытер платком вмиг ставшие влажными руки и отправился к машине. Немного отъехав от больницы, он развернулся и остановил машину так, чтобы хорошо просматривался вход в здание. Краем глаза он видел «рафик», который стоял на некотором расстоянии от его машины.

Прокурор нервно посмотрел на часы. По его расчетам, Сабилов должен был уже выйти. «Неужели догадался позвонить своему на-

чальству?» — мелькнула лихорадочная мысль. Этого варианта он не предусмотрел. Если так, следовало спешно ретироваться. Вскоре он увидел охранника. Тот задержался у ворот, стрельнул у прохожего сигаретку, потом постоял несколько минут в раздумье, но, увидев подхаживший травмай, сорвался с места и побежал к остановке.

Прокурор перевел дыхание. Руки его предательски подрагивали.

Включив дальний свет, мигнул раз, другой, как условились с Салимом, на середине пути пересевшим в «рафик» с Кудратовым. «Рафик» медленно подкатил к воротам травматологии. Территория больницы хорошо освещалась, и прокурор отчетливо видел, как капитан легко спрыгнул с переднего сидения, подождал мгновение, пока вышли из салона карманники в белых халатах, и они вместе направились вверх по мраморной лестнице. Капитан держался молодцом, уверенно, он на ходу что-то объяснял своим подельщикам.

Сенатор закурил. Операция должна была занять минут семь, не больше. Он нервно затягивался, не сводя взгляда с мраморной лестницы. Прошло немного времени, и из дверей института вышли люди с носилками. Они двигались, не убыстряя шага. Оглядевшись, навстречу им выскочил шофер Салима, и очень скоро носилки с Коста исчезли в чреве машины. «Рафик» рванул с места. Сухроб Ахмедович поехал следом, соблюдая заметную дистанцию. Возле гостиницы «Узбекистан», где обычно собирались карманники и прочие дельцы, Салим высадил щипачей и капитана Кудратова, которые мгновенно растворились в толпе.

Пропетляв еще минут двадцать по улицам, «рафик» въехал в махаллю¹, где Хашимов недавно приобрел дом для своей любовницы Наргиз. Машина остановилась у глухого кирпичного забора, который трудно было назвать традиционным восточным дувалом, ибо он скорее походил на тюремную ограду, только без колючей проволоки, но Сенатор не сомневался, что по верху высокой стены в слой бетона вмуровано битое бутылочное стекло. «Рафик», а за ним и машина прокурора въехали во двор. Сухроб Ахмедович, не выходя из машины, смотрел, как Салим с шофером вносят в дом Коста. Потом его помощник вернулся и затворил хорошо смазанные железные ворота.

«За таким забором можно долго держать оборону», — подумал Сенатор, и в этот момент с веранды его окликнула Наргиз, в прошлом танцовщица известного фольклорного ансамбля. Прокурор поднялся на хорошо освещенную веранду, где уже был накрыт стол.

— Ну, здравствуй, прекрасная Наргиз, вот пришел к тебе на новоселье, — гость обнял и поцеловал ее.

— Я счастлива приветствовать вас в своем доме, Сухроб-ака, и надеюсь видеть вас с Салимом теперь почаще, — приветливо проговорила Наргиз своим мелодичным голосом и, извинившись, поспешила

¹ Махалля — жилой район.

на кухню, пообещав пригласить к дастархану через полчаса.

Любезное выражение тут же сошло с лица Сенатора. Он обернулся к Миршабу.

— Коста в сознании?

— Да, но ни о чем не спрашивает. Кажется, он не слишком удивлен тем, что его похитили.

— Сейчас я пойду познакомлюсь с ним, а ты позвони нашим друзьям, пусть приезжают втроем: Сергей, Погос и Артем Беспалый. Пусть Артем захватит инструмент. Он понадобится, чтобы вскрыть один сейф.

— А где находится этот сейф? — почти равнодушным тоном спросил Миршаб.

— В республиканской Прокуратуре, — таким же тоном ответил Сенатор.

— Если тебе нужна какая-нибудь информация из прокуратуры, проще найти человека-посредника и купить ее, — осторожно заметил Миршаб.

— У нас на это нет времени, — веско сказал прокурор. — Документы из этого сейфа нужны мне сегодня.

— Откуда выплыли эти документы? Что в них?

— За ужином введу тебя в курс дела. Но, поверь, у нас редкий шанс сыграть по-крупному, ва-банк. А теперь проводи меня к Коста.

Салим больше не стал задавать вопросы и сделал знак Сенатору следовать за ним. Он показал прокурору спальню, где находился неожиданный гость, а сам отправился звонить Беспалому, который уже был предупрежден и ждал с друзьями вызова у себя дома.

Сенатор на секунду остановился перед дверью, понимая, какой непростой предстоит разговор, сколь непредсказуемы последствия контакта с таким решительным человеком, как Коста, не говоря уж о тех, кто стоит за ним. Прокурор отчетливо осознавал не только риск, связанный с похищением Коста и предстоящим налетом на Прокуратуру республики, но и ясно представлял угрозу, которой себя подвергал, если по каким-то причинам проведенная им операция не устроит владельцев дипломата. Тут плата одна — голова. Но зато в случае удачи...

У Сенатора от волнения учащенно забилось сердце, и он решительно толкнул дубовую дверь с тонированным стеклом.

В безоконной спальне с высоким потолком на низкой жесткой тахте у самой стены, поглаживая ворс роскошного афганского ковра, лежал Коста. Хорошо смазанная дверь на медных петлях открылась бесшумно, и Коста не слышал или ловко притворился, что не слышит, как в комнату вошел человек. Он не повернул головы, не прервал своего занятия, хотя наверняка почувствовал, как дохнуло ветерком из распахнутой двери.

— Добрый вечер, — поприветствовал его прокурор.

Коста лениво повернул голову, но более внимательный, чем прокурор, человек заметил бы, каким цепким взглядом окинул он вошедшего.

— Добрый, добрый,— ответил Коста без видимого волнения и интереса и вдруг застонал.

— Что с вами? — кинулся к нему прокурор, желая помочь, но Коста затих и попросил поправить подушку.

Как только Сенатор склонился над ним, Коста левой рукой огреб у него на груди рубашку, а правой выхватил из-за пояса прокурора пистолет и тут же приставил к его виску. Тот, не ожидая от пострадавшего такой прыти, опешил.

— Ты, что...— прохрипел Сенатор, кожей ощущая холодную сталь,— он боялся случайного выстрела.

— Не дергайся,— ответил Коста тихо,— ты сегодня уже видел, как я пристрелил одного, ты будешь вторым. Я видел тебя в прокуратуре, ты прятался за колонной. А теперь говори, где дипломат?

— В прокуратуре,— отозвался Акрамходжаев. Коста разжал руку. Сенатор, не глядя на него, поправлял ворот. Коста усмехнулся и сунул оружие ему в карман.

— У вас есть возможность выкрасть дипломат? — властным тоном спросил он.

Акрамходжаев не ответил.

— Буду откровенен,— снова заговорил Коста.— В дипломате документы на людей, претендующих на место Рашидова. И решайте сами, кем вы хотите их иметь, друзьями или врагами? Там компрометирующие материалы на многих деловых людей, миллионеров нашего края, и тех, кто по существу правит уголовным миром в республике.

— Я догадался,— проговорил Акрамходжаев.— Итак?..

— Я запишу вам телефон, по которому вы от моего имени потребуете встречи с Японцем. С Артуром Александровичем, наверное, вам знакомо это имя. Постарайтесь обдумать, чем вы можете нам помочь.

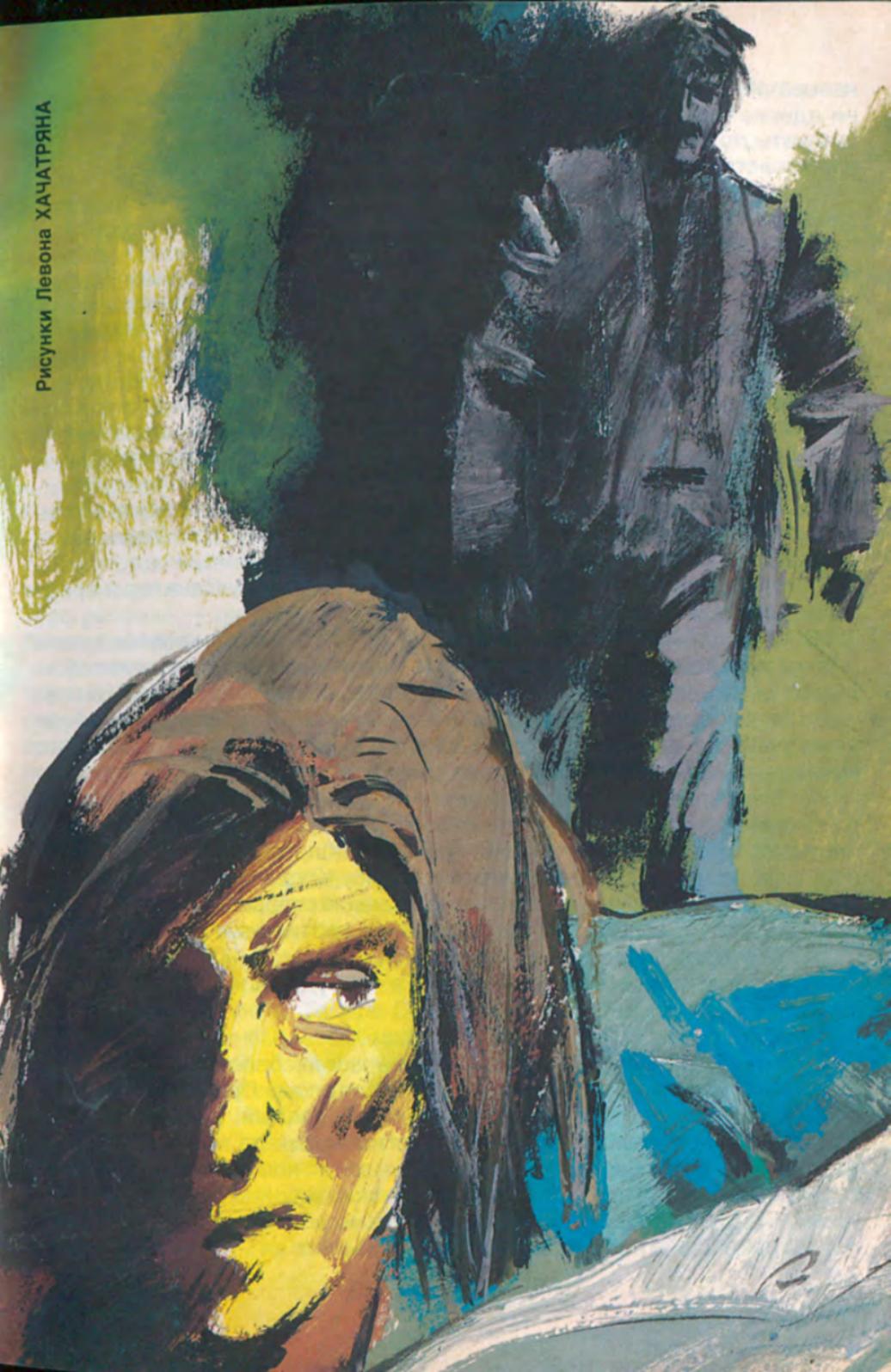
— Да, да,— задумчиво кивнул Сенатор. Он мысленно считал свои варианты.

— Пожалуйста, ручку, бумагу,— потребовал Коста, и Сенатор машинально протянул ему свою записную книжку и «Паркер». Коста быстро черкнул в ней и протянул книжку обратно.

Прокурор мельком взглянул на телефонный номер и кивнул.

— Отдыхайте. Я подумаю над вашим предложением.

Выйдя от Коста, Сухроб Ахмедович крепко пожалел о том, что предупредил владельцев белых «Жигулей» о грозящей им опасности. Этим он прежде всего обозначил себя, и не исключено, что сейчас у его дома в старом городе пасутся дружки Коста, люди Артура Александровича, человека со странной кличкой Японец, которую прокурор уже не однажды слышал. Теперь даже пожелай он по какой-то причине избавиться от Коста, уже не получится, спрос будет только с него. И на суде том, в отличие от нашего, народного, не сможешь юлить, лгать,

изворачиваться, пользоваться лжесвидетелями: не поможет ни судья, ни адвокат, и телефонное право там не имеет силы. Ответ придется держать по всей строгости. Вот что значит необдуманно включить прерывистый свет дальних фар.

Выходило, он основательно загнал себя в угол. Теперь даже при желании он никак не мог отступиться от налета на прокуратуру; правда, был и такой ход, когда он предоставлял сделать этот рискованный шаг самому Артуру Александровичу. А что он имел в этом случае? Конечно, на денежное вознаграждение они не посядут — и за Коста, и за информацию о том, в каком кабинете находится кейс — можно считать, что тысяч сто уже в кармане.

Но деньги его не волновали. Ах, как бы вертелись перед ним разные чванливые господа, мечтающие занять кабинет на пятом этаже белоснежного здания ЦК на берегу Анхора, заполучи он дипломат!

Распорядиться компроматом он сумеет, в этом Сенатор не сомневался.

Размышления его прервали Салим и Наргиз. Хозяйка дома поставила посреди стола большой ляган с горячей закуской: перепелки, фаршированные свежей бараньей печенью и курдючным салом.

— Ну, Наргиз — волшебница! — похвалил хозяйку Сенатор и предложил тост за нее.

С перепелками справились быстро, от печеночной начинки тушки получились нежными, мягкими, хотя и жарились в кипящем оливковом масле, а это совсем не то, что перепелки на вертеле. Когда Наргиз ушла за следующими горячими закусками — слоеной самсой с рублеными ребрышками молодого барашка и с курдючным салом матерого кучкара, Сухроб наконец раскрыл свои карты.

— Мероприятие я затеял нешуточное, — начал он. — Документы, о которых я упоминал, представляют для нас с тобой большую ценность. За ними охотился бывший прокурор области Азларханов, который сегодня погиб на моих глазах от руки Коста. Если нам удастся добыть этот кейс, мы сможем тем людям, которые стоят за Коста, диктовать свои условия. А это очень могущественные люди.

— Понятно, — медленно сказал Миршаб.

— Я с ребятами поеду за кейсом, а ты будешь ждать нас в моем кабинете.

Миршаб кивнул.

Принесли пышущую жаром самсу, и запах баранины забил все другие ароматы, витавшие над богатым столом. Прокурор мельком глянул на часы и подумал, что Артем-Беспалый как раз успеет с дружкой к плову. Обычно плов Наргиз подавала не простой, а из красного намаганского риса девзира, мясо к нему Миршаб покупал только каракучкара — черного барана, оно особой калорийности; вот отчего не пьянеют мужчины за восточным дастарханом, хотя и тут потребляют спиртного не меньше, чем где-либо.

Хозяйка дома, увидев, что гость тайком глянул на часы, и истолковав это по-своему, сказала:

— Я уже заложила рис, и минут через десять — пятнадцать подам плов. Пожалуйста, налегайте на закуски, никто еще не притронулся ни к икре, ни к казы, а я так старалась...

...Едва Наргиз успела расставить новые блюда и приборы для других гостей, о которых ее предупредил Салим, как раздался звонок у железных ворот. Это прибыл Беспалый с друзьями.

Вряд ли в трех молодых мужчинах, вошедших в дом, кто-нибудь мог заподозрить преступников: милые, обаятельные, на первый взгляд, хорошо воспитанные люди, прекрасно одетые, с неплохими манерами. Кто бы мог сказать, что Сергей, архитектор проектного института, коммунист, активный общественник, заядлый филателист, заботливый семьянин, причастен к другой, тайной, жизни? Или Погос, высокий, красивый, волоокий, таких женщины не оставляют без внимания, тоже член партии?.. Он служил в Министерстве сельского хозяйства. Сейчас Погос как раз оформлял документы на круиз вокруг Европы. И деньги, что обещал ему Беспалый за ночную вылазку, были весьма кстати. Какая предстоит операция, что придется делать — грабить, убивать, воровать, выколачивать из кого-то должок, выкрасть у должностного туза ребенка, — он не спрашивал и даже не думал об этом, знал, что Беспалый зря не позовет.

Только третий, Артем Паргесян по кличке Беспалый, не был членом партии, не имел высшего образования, зато хранил память о двух сроках отбывания в тюрьме. Он работал сварщиком в системе «Пивоводы». На службе особенно в глаза не бросался, но здороваться с ним подбегал первым сам управляющий трестом, не говоря уже о начальниках рангом пониже. Ходила за ним репутация человека с золотыми руками и светлой головой. Он восстанавливал неподдающиеся ремонту импортные холодильники, поточные линии, установки для мороженого. Свою кличку он привез с места первой отсидки в Караганде; там-то, ввязавшись однажды в драку, он перехватил острую, как бритва, финку и остался без одного пальца. Поговаривали, что в сезон полсотни его личных автоматов с газированной водой работало день и ночь в самых горячих точках Ташкента: аэропортах, автовокзалах и на железной дороге. Теперь Беспалый копил деньги, чтобы купить пай в игорном бизнесе — так называли между собой дельцы комнаты игровых автоматов, заполнившие столицу. Ведя подобный образ жизни, Артем Паргесян нуждался в поддержке, особенно людей из правовой среды, поэтому он очень дорожил дружбой с прокурором Акрамходжаевым, и примчался на помощь своему покровителю по первому зову.

Сухроб Ахмедович, представив ночных гостей хозяйке дома, широким жестом пригласил за дастархан. Прежде чем сесть за стол, Беспалый оглядел его и, не скрывая восторга, произнес:

— Я затрудняюсь, с чего начать, здесь настоящее поле чудес, и я даже вижу мой любимый салат из молодых ростков бамбука...

Наргиз улыбнулась, ей нравилось, что оценили ее кулинарные заботы. Аппетит опоздавших к столу словно заразил остальных, и все снова дружно принялись за еду, не особенно налегая на спиртное; Беспалый не пил совсем. Вскоре Салим с хозяйкой дома подали плов в двух больших ляганах. Перед тем как приступить к нему, пропустили еще по маленькой рюмке коньяка.

Когда подали целый поднос разноцветных чайников с зеленым чаем, Сухроб Ахмедович глянул на своего помощника, тот на Наргиз, и женщина незаметно исчезла из-за стола. Сенатор посмотрел на часы и сказал:

— Пора приступать к делу, ночь не резиновая. Итак, друзья, в одной организации в сейфе лежит опечатанный дипломат. Что в нем? То, что интересует и вас, и нас — деньги, драгоценности, которые конфискованы в Джизакской области.

— Значит, есть там и жемчуг. Армяне-репатрианты с Ближнего Востока именно туда сбывают его, — подал голос Беспалый.

— Возможно, — спокойно сказал Артему прокурор. Отвечая Беспалому, он мельком глянул на своего помощника, как тот среагировал на заведомо ложное сообщение о деньгах и драгоценностях в дипломате. Миршаб хранил спокойствие, понимая, что прокурор зачем-то решил блефовать.

— Операция непростая, но не сложнее, чем любая другая такого рода. Надеюсь, результат оправдает нашу смелость. Здание, где находится кейс, охраняется, но я его хорошо знаю. Подробности на месте. Ставка такая: половина ваша, половина наша с Салимом, идет?

— На каком этаже находится сейф? — спросил Паргёсян.

— На втором. Комната безоконная, поэтому вначале проникнем в холл у лифта, окно там незарешеченное... А почему, Артем, тебя волнует этаж? — встревожился прокурор, зная, что Беспалый просто так вопросов не задает.

— Третий день что-то сводит правую ногу. Сказываются бетонные полы штрафного изолятора — первый срок я оттуда почти не вылезал.

— Скажи, смогут Сергей или Погос вскрыть сейф, если с тобой что-случится?

— Вряд ли, — сказал неуверенно Беспалый и посмотрел на своих компаньонов.

— Что же вы так, кругом в стране растут комплексные бригады, все совмещают профессии, а у вас непорядок, — вступил в разговор помощник, и все невольно рассмеялись.

— А нельзя ли кого со стороны подключить? — спросил Сенатор. Беспалый задумался, потом после тягостной паузы сказал:

— Есть один парень, по кличке Кащей, он из Ростова, полгода как освобожден. Он ас, рекомендовали авторитетные люди. Никогда не

был в Ташкенте, захотел наши края посмотреть, погреться, да и фруктов, как он говорит, хоть раз в жизни досыта наесться, в тюрьме с витаминами туго, а он провел там треть жизни.

— Идет, Кашей так Кашей, только не оказался бы он в этот час в стельку пьян, — проговорил прокурор.

...К счастью, Кашей отыскался в ближайшем катране и был трезв. Когда он в сопровождении Артема подошел к машине, в голове у прокурора мелькнула мысль, от которой сердце забилося сильнее.

— Посмотри, пожалуйста, внимательно по карманам, нет ли каких документов с собой, не дай Бог случайно выпадут, — обратился он к Кашею, плюхнувшемуся на сиденье рядом с ним. Машина, в которой ехали Сергей с Погосом, следовала за ними.

— Я ведь на дело не собирался, ксива с собой, — гость протянул Сенатору новенький паспорт, и тот сунул его в карман. — Еще билет на Ростов есть, — добавил он.

Вот это была удача! «Сам черт помогает», подумал Сенатор.

— Бог с ним, с билетом, не выпадет, — сказал небрежно Акрамходжаев. Он очень хотел, чтобы билет остался у Кашея в кармане.

Подъезжая к площади Пушкина, Акрамходжаев мельком глянул на часы. Время подходило к трем, до цели осталось пять — семь минут езды. Как только они въехали в переулок за старым роддомом, территорией, примыкавшей к двору прокуратуры, Артем Паргесян заволновался: он догадался, куда они приехали, но вслух говорить ничего не стал. Когда они вышли из машины, не выдержал:

— Сухроб, это же республиканская Прокуратура!

— Ну и что, — спокойно ответил прокурор, — уголовный кодекс не учитывает разницы между ограблением банка или прокуратуры.

— Но все же... — с сомнением, нерешительно ответил Беспалый, — такого налета я еще не совершал.

— Вот и прекрасно, появится новый опыт. Мы с тобой пойдем на рекогносцировку, а они пусть дожидаются нас в машинах и сидят тихо, не курят.

Беспалый подошел ко второй машине, дал команду, вернулся к Акрамходжаеву, и они вдвоем исчезли в темноте.

Сначала они перелезли через забор, перекинув заранее приготовленную нейлоновую лестницу. Стараясь действовать бесшумно, по очереди спрыгнули на землю и направились к энергетическим шкафам здания. Акрамходжаев сказал, что будет страховать подельщиков прямо во дворе, с этой целью он прихватил оружие.

Подготовив щит, Паргесян отправился за Сергеем с Погосом, которые должны были выставить стекла в окне второго этажа и обеспечить дорогу к сейфу для Кашея. После этого они вернутся в машину и будут ждать окончания операции. Дальше в дело вступал ростовчанин. Кабинет с сейфом, где был кейс, находился рядом с коридорным окном, в котором надо было вынуть стекла. Для того чтобы открыть простей-

ший замок финской фирмы «Бодэ» на двери кабинета и систему запоров орловского сейфа, у Кащея, по расчетам Сенатора, должно было уйти минут семь-восемь.

Появились Погос и Сергей. По тому, как они ловко одолели забор, Акрамходжаев понял, что в спортзалах они тренируются регулярно. В машине парни переоделись, и сейчас оба были в простых трико и мягких тапочках, у Сергея на шее болтался рулон особой самоклеющейся пленки; пленка наклеивалась на оконное полотно, и стекло вырезалось бесшумно, никогда не раскалываясь при этом. Алмазный стеклорез, фонарик, нож-стамеска и моток шелковой бечевки составляли все их снаряжение. Показав нужное окно, Сухроб Ахмедович вывел из строя щит и мягко подтолкнул парней в спину — вперед!

С зажженной сигаретой в одной руке, с пистолетом в другой, он держал на прицеле дверь прокуратуры, где в любой момент мог появиться охранник, услышь он шум во дворе. Чуткое ухо Сенатора уловило, как раз-другой что-то хрустнуло, осыпалось под ногами сообщников, штурмующих второй этаж, уловил краем глаза, как дважды шарил по стене мгновенный луч фонарика, но дверь, ведущая в здание, оставалась запертой. Видимо, милиционер, уставший за день, дремал, время для сна самое коварное.

Операция со стеклом немного затянулась. Наконец Сенатор увидел, как на шелковой бечевке спустили на землю первое оконное полотно. На второе уйдет минуты две, не больше.

Прокурор, пытаясь скрыть волнение, сказал:

— Нормально, все идет по графику. Через две-три минуты они будут здесь, и последний этап за маэстро. Ты, Артем, теперь ступай в машину. Нас с Кащеем жди за рулем.

— Правильно, дуй, Беспалый, в «Жигули». Нам зрители и аплодисменты ни к чему, — поддержал Акрамходжаева ростовчанин.

Второе стекло было вынуто. Сергей и Погос спрыгнули на землю. Приблизившись, они, как эстафету, передали фонарик Кащею.

— Ну, я пошел, — спокойно сказал ростовчанин и трусцой двинулся к зданию; видимо, для него это было делом обыденным. У него на шее болтался небольшой кожаный мешочек с инструментом.

Прокурор сказал Сергею и Погосу, что они могут уезжать и ждать их в старом городе, у районной прокуратуры, где он работал. После того как они перелезли через забор, он снова занял свою позицию и взял на прицел дверь.

Сначала он не сводил глаз с двери, но потом, нервничая, все чаще стал поглядывать на окно, за которым скрылся Кащей. Когда по расчетам Сенатора время, отведенное на эту часть операции, уже истекло и он подумал, не случилось ли чего с ростовчанином, тот появился в проеме окна.

«Ура!», — захотелось крикнуть прокурору. Он не сводил с Кащея глаз, боясь, чтоб тот не оступился, не загрохотал чем-нибудь.

Это волнение, азарт, нетерпение подвели Сенатора. Акрамходжаев не заметил, как бесшумно открылась дверь, которую он долго держал на прицеле, и на бетонном крыльце появился милиционер. Если днем он долго не мог открыть кобуру пистолета и не помешал Коста пристрелить прокурора Азларханова, то сейчас он держал оружие в руках и был полон решимости действовать. Он дремал, когда вдруг погас свет. Милиционер тут же открыл глаза и вскочил на ноги. Подспудно он всю ночь ожидал нападения. Станный дипломат, из-за которого на его глазах убили человека, не давал ему покоя. Погасло электричество, и в этот же момент он услышал невнятные шорохи на втором этаже и понял, что налетчики находятся в здании.

Как только Кащей с дипломатом в руках появился во дворе, с крыльца раздался окрик:

— Стоять не двигаясь, иначе пристрелю!

Милиционер двинулся к ночному грабителю, держа обеими руками пистолет. И тут грохнул выстрел. Охранник, вскрикнув, упал. Сенатор с дымящимся стволом бросился навстречу Кащейю.

— Ну, ты молодец, шмаляешь что надо! — сказал ростовчанин, протягивая кейс. Сенатор кивнул, медленно поднял пистолет и выстрелил в него. Пуля, пробив навывлет голову Кащейя, впилась в росший у крыльца дуб.

Прокурор вырвал дипломат из рук Кащейя и побежал к забору. Одолев шаткую нейлоновую лестницу, сдернул ее и сунул в карман. К машине он бежал не таясь, знал, что Беспалый, услышав выстрелы, догадался включить мотор. Артем, завидев шефа, развернул машину и подогнал ее ближе.

Едва прокурор ввалился в салон, Беспалый спросил:

— А Кащей?

Сенатор, хватая ртом воздух, кинул ему на колени пистолет, и Артем понял, что означали выстрелы во дворе. Да и жест «оминь», который сделал сообщник, не оставлял никаких сомнений. Машина рванула с места. Беспалый оценил тактическую мудрость шефа, отправившего Погоса с Сергеем с места еще пятнадцать минут назад: прорываться сейчас двум машинам было бы рискованно.

Все получилось на редкость удачно.

Даже не имея обратного авиабилета в кармане убитого, опытный следователь по татуировкам написал бы биографию Кащейя, а через час по картотеке установил подлинную его фамилию. По долгу службы Акрамходжаев знал, что в прокуратуре находится несколько дел по жестоким разбойным нападениям бандитских групп из Ростова, которые трясли в Узбекистане подпольных миллионеров, не брезгуя никакими средствами. Тем более если в течение дня следователь выяснит, отбывал ли взломщик по кличке Кащей когда-нибудь тюремный срок с ташкентскими, то ответ только упрочит версию, высчитанную коварным Сенатором. И розыск преступников, минуя Ташкент, уйдет за

пределы республики, а затем тихо-тихо заглохнет, на что и рассчитывал прокурор, хорошо знавший методы работы правоохранительных органов.

Когда подъехали к районной прокуратуре в старом городе, машина Сергея уже стояла там, и парни заметно нервничали. Увидев, как из машины вышел Сенатор с дипломатом, они сразу повеселели: операция удалась. О Кашее они как-то сразу и не вспомнили.

Миршаб дожидался шефа в его кабинете. Сухроб Ахмедович широким жестом метнул тяжелый дипломат на длинный полированный стол для совещаний, вплотную примыкавший к его — старинному, двухтумбовому.

Прежде чем вскрыть кейс, он достал из недр своего громадного стола початую бутылку коньяка, налил себе на дно бокала, а остальное пустил по кругу. Напряжение читалось на лицах. Хозяин кабинета жестом потребовал нож, и Артем, достав кнопочную финку, срезал шнуры с сургучной печатью. Сенатор попытался улыбнуться, громко сказал:

— Раз, два, три! — и распахнул дипломат.

Сообщники невольно столкнулись лбами, дружно склонившись над кейсом. Вздох разочарования вырвался разом.

— Кашей схватил, видимо, не тот дипломат, — растерянно сказал Артем и выругался.

Акрамходжаев молча сидел, обхватив голову руками, большего отчаяния не удалось бы сыграть и самому выдающемуся актеру. Салим, как всегда, проявлял выдержку. Погос был готов заплакать.

— У меня столько долгов, я должен оплатить круиз, а завтра мне еще обещали включить счетчик за карточный проигрыш. — Его положению завидовать не приходилось, каждый из присутствующих здесь знал, что такое включенный счетчик, он снится только в кошмарных снах.

— Наверное, там был еще один дипломат, сейф-то большой, напольный. Сплоховал ваш Кашей, да будет земля ему пухом, — прервал свое театральное молчание прокурор, потом, словно спохватившись, добавил: — Друзья, я беру ответственность на себя. Салим, открой мой сейф, — и, подойдя к Погосу, обнял за плечи. — Не горюй, парень, твоя беда поправима. Отдашь долги, не такие мы люди, чтобы бросать своих в беде.

Подойдя к распахнутому сейфу, прокурор достал три банковских пачки сторублевок — по десять тысяч в каждой — и бросил их на стол со словами:

— Вот ваша доля, ребята, вы свое дело сделали.

Вмиг повеселели лица у сообщников, а Беспальный обратился к помощнику:

— Салим, нет ли еще бутылки, надо обмыть щедрый жест шефа. Тот молча кивнул головой и скрылся у себя в кабинете. Через

минуту он вернулся с двумя бутылками коньяка.

Прокурор небрежно захлопнул дипломат и, с усмешкой обращаясь к помощнику, сказал:

— А теперь, Салим, ты должен изучить документы и найти покупателей, но меньше чем за пятьдесят кусков не отдавай, иначе мы действительно погорим на тридцать тысяч.— И кейс снова исчез в сейфе.

Выпив, Сергей, Погос и Беспалый заторопились домой, чтобы отдохнуть пару часов перед работой, а для прокурора с помощником дела еще не начинались.

Как только сообщники уехали, они снова кинулись к сейфу.

— Дешево отделались, я думал, выйдет гораздо дороже,— сказал Салим.

«Если бы ты знал, чем я заплатил за тайны этого дипломата!» — подумал прокурор, но даже однокашнику, старому другу, не стал говорить о двух убийствах, которые он совершил всего лишь час назад.

Прокурор сел за свой стол, а помощник, положив перед ним дипломат, намеревался примоститься рядом, но шеф твердо проговорил:

— Дипломат мы должны вернуть хозяевам утром. Но владеть им мы будем еще целых четыре часа, так что ты не особенно расслаживайся...

— Отдать кейс? Зачем же мы рисковали? — растерянно спросил помощник.

— Как не отдать? Из нас просто души вытрясут. Друзья Коста все равно нас вычислят.

— Судя по тому, что Коста, прикованный к постели, ведет себя, как посланник аллаха на земле, наверное, ты прав,— согласился Миршаб.

— Теперь слушай меня дальше. Мы вернем дипломат, но прежде чем это сделать, ты должен снять копии со всех документов, что я тебе дам. А я прослушаю выборочно вот эти четыре кассеты,— он достал их из кейса,— и на скоростной записи перепишу их. Затем мы снова вложим документы и кассеты в дипломат, опечатаем и вернем хозяевам.

Он достал бумаги, лежавшие сверху. Это оказались расписки и странные ведомости на зарплату, аккуратно вырезанные из бухгалтерских отчетов. Мельком пробежав страницу за страницей, Сенатор от удивления присвистнул: весьма любопытные фамилии фигурировали в ведомостях, особенно в стопке расписок, видимо, до сих пор тщательно оберегаемых от постороннего глаза.

— Неплохо для начала,— возбужденно сказал он помощнику, вносившему магнитофон в комнату, и показал ему десятки аккуратно сколотых расписок в получении крупных сумм от некоего А. А. Шубарина. И тут до него дошло, что Артур Александрович, Японец, на немедленной встрече с которым настаивал Коста, и есть Шубарин. Фамилия поставила все сразу на место. Он уже слышал об этом

миллионере, одном из хозяев теневой экономики; по его душу прикаты-вала в прошлом году ростовская банда, вдруг бесследно пропавшая, хотя приезд ее в Ташкент работники угрозыска по своим источникам-осведомителям зафиксировали в отчетах.

Салим, видя необычайное возбуждение шефа, взял стопку расписок, стал машинально листать их и вдруг воскликнул:

— А, знакомая фамилия!

Прокурор отвлекся от очередной бумаги и спросил с любопытством:

— Кого ты там выловил?*

— Мамлатова, тестя нашего обэхээсника, капитана Кудратова.

— Подумаешь, валет пиковый. Там людей и повыше его хватает.

Акрамходжаев подкинул помощнику еще стопку бумаг, которые успел наспех проглядеть; все они, безусловно, представляли интерес, и Салим с первой партией документов отправился в подвал к множительной установке.

— На всякий случай делай по три экземпляра, — крикнул прокурор вслед однокашнику.

Прослушивать записи, даже выборочно, он не стал. Содержимое дипломата уже с первого взгляда представляло огромный интерес и, конечно, требовало более внимательного прочтения, анализа, выборки. А в кассетах наверняка комментарии к документам или тайны, не подтвержденные документами. Но переписать их следовало. Сенатор включил магнитофон и, убрав звук, включил скоростную запись. На четыре кассеты по инструкции «Шарпу» требовалось 86 минут.

Сенатор ощущал смутную тревогу, понимая, что владельцев кейса необходимо успокоить как можно раньше, чтобы они не наломали дров. Прокурор вновь углубился в документы. Он понимал, что обзавелся сверхмощным оружием. Салим, возвратившись в кабинет за очередной порцией бумаг, спросил его:

— А что, тесть Кудратова катает в карты по-крупному? Почему ты назвал его «пиковым валетом»?

Не отвлекаясь от просмотра бумаг, прокурор ответил:

— Ты что, до сих пор не слышал это выражение? Оно, кстати, родилось в стенах республиканской Прокуратуры. Сам знаешь, если раньше мы имели дело с карманниками, домушниками, угонщиками автомобилей, скупщиками краденного, с фарцовщиками, валютчиками, артельщиками, то сейчас обнаружилась мощная прослойка, не относящаяся ни к одной из ранее известных категорий преступников — костяк ее составляют партийные и советские руководители, да таких рангов, что людей из правоохранительных органов оторопь берет. И наши коллеги из Прокуратуры республики стали называть таких лиц «валетами пиковыми».

— Ясно.

Миршаб забрал очередную пачку документов и вернулся к ксероксу. «Интересно, — подумал он, — как можно классифицировать нас

с шефом? Пиковые короли, тузы? Да и куда ни глянь, кругом масть пиковая, масть черная, вор на воре сидит и воров погоняет. Катимся к какому-то взрыву...» — обреченно думал рассудительный Хашимов. Он и не надеялся уцелеть от гнева народного, оттого и держал втайне от шефа в домашнем сейфе пистолет и жил, пока веревочка вислась. Не что-то неясное уже дышало в затылок, мучило в страшных снах.

Акрамходжаев тем временем просмотрел еще пачку документов. Какую бумагу ни возьми, она имела вес, требовала внимательного прочтения. Можно было безошибочно размножать все подряд. Так он и решил поступить.

На самом дне дипломата он обнаружил два больших плотных конверта и с новым приливом волнения достал их. Может, в них главная тайна?

С первых же страниц хорошо отпечатанного текста понял, что бумаги эти не имели ничего общего с тем, что он отложил для размножения. Это были научные рассуждения прокурора Азларханова о праве, о нашем государственном устройстве, его юстиции, судопроизводстве, прокуратуре, о законах, которые он предлагал незамедлительно принять. Не зря его называли Реформатор, одобрительно подумал Сенатор. И вдруг его осенило: так это же готовая докторская диссертация! От радости он встал и заходил по комнате.

«Конечно, научный трактат теперь Азларханову ни к чему, — рассуждал прокурор, — а мне очень кстати, если я намерен штурмовать новые рубежи. Доктор юридических наук Акрамходжаев — это звучит, к этому титулу вполне подойдет самая высокая должность. Это не для размножения», — усмехнулся Сенатор и спрятал оба толстых конверта в стол. Он решил, что и Миршабу об этом не скажет, пусть тот потом подивится уму и скромности шефа, который втайне от всех подготовил докторскую. Был у него на примете человек, клепавший за солидные деньги диссертации. Теперь можно было пойти к нему, передать бумаги и сказать: вот, мол, работал долгие годы, помоги оформить, довести до кондиции, не привнося ничего со стороны, только опираясь на мои труды.

Уже заканчивалась третья кассета, и, чтобы ускорить работу, он сам отнес в подвал остальные бумаги.

— Через полчаса я перепису монолог бывшего коллеги Азларханова и пойду наводить контакты с Артуром Александровичем. Чувствую, что это интереснейший человек, хотя даже заочно внушает страх, — и прокурор поспешил к себе, чтобы записать последнюю кассету.

Заправив «Шарп», Сенатор достал записную книжку и открыл страницу с телефоном, который черкнул Коста. Он уже собрался позвонить, как вдруг подумал: а что если они нагрянут раньше, чем будет вновь опечатан дипломат? Нет, спешить не следовало. В бутылке на дне осталось еще грамм сто пятьдесят коньяка, и ему

неожиданно захотелось выпить. Нервы были на пределе, а впереди еще предстояла встреча с Шубариным. От того, как она пройдет, зависело очень многое. Размышляя о предстоящей встрече, прокурор не заметил, как в комнате появился Миршаб.

— У меня все готово, — сказал он и бросил на стол три пачки копий документов.

Акрамходжаев хотел вначале положить их в сейф, но передумал, попросил помощника спрятать бумаги у себя в кабинете, а сам принялся укладывать подлинники в кейс. В это же время «Шарп» выдал последнюю кассету.

Как только они опечатали кейс и спрятали его в сейф, шеф взялся за телефон, а помощник пошел в чайхану, чтобы принести пару чайников чая и горячих лепешек. Прокурор набрал номер телефона, трубку тотчас подняли. Ответил женский голос.

— Мне, пожалуйста, Артура Александровича, — спросил он как можно спокойнее и беспечнее.

— Одну секунду, кто его спрашивает?

— Прокурор Акрамходжаев, — таиться не имело смысла — они о нем, наверное, уже немало знали.

— Наконец-то, — радостно вырвалось у женщины; потом, спохватившись, она добавила: — Не могли бы вы назвать номер своего телефона, он непременно позвонит вам в течение десяти минут.

Сенатор продиктовал телефон и положил трубку.

Как только появился Миршаб, прокурор сказал:

— Я уже позвонил, они начеку и наверняка скоро будут.

Помощник поставил поднос с чайниками, горячими лепешками и большой пиалой густой домашней сметаны на стол и спокойно сообщил:

— Мне кажется, они уже здесь. Я видел три машины, которые пронесли мимо прокуратуры.

— Не было ли среди них белых «Жигулей» шестой модели ТНС 85—04? — спросил Акрамходжаев. Миршаб кивнул.

— Они, — сказал прокурор, и в этот момент раздался телефонный звонок.

Сухроб Ахмедович поднял трубку и, настраиваясь на разговор, уселся поудобнее. «Я буду у вас через пять минут», — сказал спокойный мужской голос и оборвал разговор.

— Он будет здесь через пять минут, — сказал растерянно прокурор помощнику. Акрамходжаев сразу понял, что ему трудно будет разговаривать на равных с таким человеком, как Шубарин.

— Не дал и чаю попить, — невозмутимо сказал Миршаб. — У него, видимо, в машине японская телефонная установка на сто номеров, или, как минимум, связь через систему «Алтай», на которую тоже не всякий имеет выход. Хорошо, собаки, работают! — закончил он восхищенно.

В эту минуту распахнулась дверь, и в комнату вошел человек.

— Здравствуйте, — сказал он с порога и, подойдя к столу, протянул руку: — Шубарин Артур Александрович.

Назвались и хозяева кабинета. Впрочем, чувствовалось, что вошедший и без того сразу определил, кто есть кто: видимо, ему уже подробно описали их.

Сенатор пытался вспомнить, где он видел этого собранного, волевого человека, в котором чувствовались одновременно интеллект и сила. Что-то неуловимо выдавало принадлежность Шубарина к партийной элите, номенклатуре, к касте, в которую входил и сам прокурор. Но, судя по манерам, умению владеть собою и даже экипировке, это был человек иного круга, не поддающийся классификации. Редко встречаются ныне личности с ярко выраженным чувством достоинства, проявляющимся в каждом движении, — вот такой человек и сидел перед Акрамходжаевым.

— Извините за столь ранний визит, прокурор, — сразу, без восточных экивоков начал гость, — но обстоятельства, к которым вы, видимо, случайно оказались причастны, требуют того, чтобы вы прояснили кое-что, а в лучшем случае помогли, — Шубарин говорил спокойным тоном, ничуть не смущаясь кабинета, где он находился и где его слова могли записывать. Видимо, он настолько был уверен в своей силе и власти людей, стоящих за ним, что ранг прокурора не мог произвести на него впечатления.

Наверное, внезапный гость, как и сам Сенатор, в эту ночь не сомкнул глаз, но по его внешнему виду нельзя было сделать такой вывод. Он походил на пружину, готовую разжаться с огромной силой. С таким партнером всегда следовало держаться начеку.

Безукоризненно выглаженная бледно-голубая рубашка, однотонный, на американский манер галстук со скромным, но многозначным парижским оттиском «Карден» на нижнем поле... Светло-серого цвета костюм с едва заметной голубой полоской известной португальской фирмы «Маконда» и мягкие туфли «Ренбергер» на низких каблучках вишневого цвета, в тон галстуку... Все говорило о том, что они отовариваются в одних и тех же распределителях, но и там все это не каждому дают. Прокурор знал расклад, потому что торговая база «Узбекбрюляшу», куда поступал дефицит из дефицита, находилась на его территории.

Черт возьми, он выглядит и держится так, словно пришел на званый ужин, а хозяин дома — его крупный должник, с завистью подумал Сухроб Ахмедович. Медлить дальше было нельзя, молчание становилось неприличным: следовало отвечать, и отвечать напрямую, любые уловки только запутали бы его самого и подорвали доверие, которое он хотел внушить Шубарину. Прокурор заговорил:

— Так получилось, что я случайно оказался свидетелем того, как молодой человек по имени Коста не сумел отобрать дипломат

у бывшего прокурора Азларханова и сам попал в руки милиции. Я догадался, что документы в кейсе представляют большой интерес для определенной группы лиц. Мне пришла в голову совершенно абстрактная мысль, что неплохо бы завладеть тайной этого кейса. Мне понравился Коста, его отчаянность, чувство долга и преданность своим хозяевам, и я решил, что попытаюсь спасти его, это казалось мне по силам.

Сухроб Ахмедович умолк и жестом попросил помощника налить чай.

— Я не понимаю мотивов вашего поступка, — проговорил Шубарин, — вы вполне преуспевающий прокурор, вас ценят как профессионала, вы не бедны... Есть шанс сделать карьеру. И зачем вам симпатизировать преступнику, и тем более желать спасти его от справедливого наказания?!

«Кто из нас прокурор?» — подумал Сенатор и окончательно понял, в каких жестких руках он оказался.

— Спасибо, лестно было слышать аттестацию из уст такого человека, как вы, Артур Александрович. Но вы в одном ошиблись, я не имел шансов по-настоящему сделать карьеру, не смог найти ходов ни к Шарафу Рашидовичу, ни к его приближенным. Людей, недовольных своим положением, — тьма, я один из них...

— Что ж, спасибо за откровенность. И вы решили заполучить Коста, чтобы добиться расположения его хозяев?

— Если честно, то да. Но, видимо, следует учесть, что вчера я спас и ваших ребят из белых «Жигулей». По городу уже была объявлена облава на эту машину, но я успел их предупредить.

— Мы оценили ваш жест и ожидали, что вы вступите с нами в контакт.

— С кем? — искренне удивился хозяин кабинета. — С ветром в поле? Машина вполне могла быть угнанной или с фальшивым номером.

— Что ж. Логично. Вполне. Но, в конце концов, вы вышли на нас, и у вас, к нашему изумлению, оказался номер телефона, которым пользуются в экстренных случаях. Откуда он у вас?

«Не знает, что Коста у меня», — удивленно подумал Акрамходжаев, а вслух сказал:

— Этот номер дал мне Коста.

— Значит, Коста у вас? — Шубарин от неожиданности привстал.

— Да.

— А мы решили, что его все-таки забрали в тюрьму, и сокрушались, что опоздали всего лишь на какой-то час... — и после паузы, заметив, что прокурор наслаждается произведенным эффектом, добавил: — В вашей расторопности есть резон — я имею в виду ваш недавний звонок. Опоздай вы с ним еще на полчаса, не знаю, чем бы закончился инцидент. Мои ребята уже около часа крутятся возле прокуратуры.

Теперь для меня многое прояснилось, и я, с вашего позволения, дам отбой, ведь там, на улице, не знают, как здесь идут дела: не дай Бог, у них сдадут нервы и они ворвутся в окно с автоматом.

— Вы это всерьез? — позволил себе улыбнуться прокурор.

— Вполне. Вот в это самое окно за вашей спиной. — И, не дожидаясь ответа хозяина кабинета, негромко позвал: — Ашот!

И тотчас в комнату вошел угрюмого вида мощный парень. Спортивная куртка на узкой талии немного бугрилась. Сенатор сразу понял, что за поясом у Ашота пистолет.

— Ашот, а ты единственный оказался прав. Прокурор Акрамходжаев действительно спас нашего Коста.

Что-то наподобие ликования промелькнуло на угрюмом лице парня, но Ашот тут же унял свой восторг.

— Пожалуйста, дай отбой и отправь ребят домой. И занеси дипломат, что заготовил с вечера.

Ашот вернулся быстро, и они продолжили разговор.

— Вы сказали, что Коста дал вам телефон... Наверное, он настаивал на немедленной встрече со мной? — спросил Шубарин, буравя прокурора глазами, в которых не читалось ни симпатии, ни признательности. Все это походило скорее на допрос, особенно теперь, в присутствии Ашота, расстегнувшего куртку. И только сейчас Сухроб Ахмедович понял, что подписал бы себе смертный приговор, не поставь он Шубарина в известность о том, что кейс уже у него — тут пощады не знали, не стали бы колебаться, как Беспалый перед прокуратурой.

И все-таки отвечать даже на самые неприятные и жесткие вопросы хорошо, когда знаешь, что ответы устроят экзаменатора. И поэтому он отогнал неожиданно навалившийся страх и ответил спокойно, взвешивая слова:

— Да, Коста настаивал на встрече с вами, угрожал. Но время было позднее, и вам без моего участия все равно ничего сделать бы не удалось, даже если бы вы взорвали прокуратуру. Мой звонок означал бы лишь предложение о сотрудничестве, которое, конечно, не могло быть на равных. Другое дело, если б дипломат оказался в моих руках. Это давало бы мне право на достойное отношение ко мне. Я бы не хотел диктата над собой, этим я сыт по горло.

Сухроб Ахмедович видел, как Шубарин весь напрягся, он с трудом удерживал себя от вопросов, так и просившихся на язык.

— Я тоже располагаю определенной силой и решил все-таки добыть дипломат сам, хотя вначале и считал это для себя неприемлемым. Коста убедил меня, что в кейсе находятся бумаги чрезвычайной важности и они касаются даже тех, кто завтра может занять место Шарафа Рашидовича. Я подумал, что не имею морального права подводить таких людей, вносить сумбур в сложившуюся кадровую политику. Кроме этого, он открыто сказал, что мне не простят малодушия, остановки на полпути.

— Дипломат у вас? — не сдержался гость, чуть наклонившись вперед.

— Да, кейс у меня, — ответил Акрамходжаев и увидел, как на глазах меняется Шубарин. Только сейчас на его лице проявилась усталость долгого дня и долгой ночи. «Как много сил, воли надо иметь, чтобы так держать себя в руках», — восхищенно подумал Сенатор и откинулся на спинку кресла, внутренне торжествуя: наконец-то он сломал Шубарина.

Артур Александрович сидел некоторое время молча, слегка ослабив узел своего карденовского галстука, потом поднял голову, и Сенатор вновь увидел прежнего Шубарина. Минутный шок прошел, он снова взял себя в руки и в прежнем тоне спросил:

— Где дипломат? — вопрос не сулил ничего хорошего в случае отказа или промедления. Прокурор это понял сразу, почувствовал, как напряжился за спиной Шубарина Ашот.

Но Акрамходжаев ни тянуть, ни отказывать не собирался, поэтому сказал помощнику:

— Салим Хасанович, пожалуйста, откройте сейф.

Звякнули ключи, появился из стальных недр невзрачный дипломат венгерского производства. Прокурор чуть привстал с места и подтолкнул его по полированной поверхности длинного стола для совещаний. Кейс проскользнул по столу и благополучно застыл перед Артуром Александровичем.

Шубарин положил на него руку, словно раздумывая о чем-то, и потом вдруг не то спросил, не то сообщил:

— Сегодня ночью во дворе прокуратуры прозвучали два пистолетных выстрела...

— И нашли два трупа, — закончил прокурор. — Такова цена дипломата, мы потеряли там хорошего залетного человека.

Хозяин кейса кивком головы попросил Ашота вскрыть дипломат, и тот, как недавно Беспалый, тоже вынул кнопочную финку и срезал шнуры с сургучной печатью. Шубарин слегка приподнял крышку, достал верхнюю стопку бумаг, знакомые прокурору расписки на крупные суммы, тут же вернул их на место и сказал:

— Наш дипломат.

Ашот молча подал Шубарину другой, более изящный, с цифровым кодом, лакированный, бычьей кожи атташе-кейс.

— Буду откровенен. Документы в дипломате представляют особую ценность. Одним они могут сломать карьеру, другим жизнь, а большинству сулят неприятности и потерю доходов. Поэтому вы без обиняков должны назвать сумму. Я не буду торговаться, ваш риск того стоит, — и он щелкнул замком кода.

— Я отдаю вам дипломат, возвращаю Коста и не настаиваю ни на какой денежной компенсации. Как вы верно заметили, я не беден...

— Отказываетесь от такой суммы? — Артур Александрович рас-

пахнул крышку атташе и развернул его к прокурору. Кейс до краев был заполнен тщательно уложенными деньгами в банковских упаковках.

— Деньги я могу найти доступными мне средствами,— хладнокровно заметил прокурор, не глядя на плотно уложенные пачки купюр. Он понимал, что если примет вознаграждение, Шубарин и его друзья посчитают, что теперь они с ним в расчете.

Твердость, с какой прокурор отказался от денег, несколько смутила Артура Александровича. Он с интересом посмотрел на прокурора.

— Извините, Сухроб Ахмедович, я неверно понял вас,— сказал Шубарин.— Но мой жизненный принцип — всякая стоящая и ответственная работа должна щедро вознаграждаться. Если деньги для вас в данном случае не являются мерой оплаты, я найду способ отблагодарить вас. Отныне вы можете рассчитывать на мою помощь и на покровительство моих друзей. Своим поступком вы уже выразили отношение к нам. Еще раз извините за жест с деньгами, наверное, вам наше желание откупиться показалось обидным, оскорбительным, я недооценил вас... В связи со смертью Рашидова у моих друзей есть шанс занять его место, и наверняка произойдут крупные кадровые перемещения, поэтому для вас, безусловно, найдется достойное место...

— А кто, на ваш взгляд, заменит Рашидова? — вырвалось у долго молчавшего Миршаба.

— Скорее всего, это будет Анвар Абидович Тилляходжаев, секретарь Заркентского обкома партии, старый друг Шарафа Рашидовича, но не меньше шансов и у двух ставленников Акмаля Арипова, аксайского хана. К любому из них у нас есть ходы. На этот раз вы поставили на верную карту,— Шубарин достал из верхнего кармашка пиджака визитную карточку, протянул ее прокурору и, считая разговор оконченным, заключил: — Наверное, мы встретимся с вами завтра на похоронах хозяина?

— Вы переоценили мои возможности, Артур Александрович... У меня нет приглашения, и вряд ли кто мне его предложит.

— Ну, это не проблема. Вот вам два приглашения, оба без фамилий. Заполните их на свое имя и на имя Салима Хасановича. Пусть для многих не покажется потом неожиданным ваше повышение. Он протянул на прощание руку хозяину кабинета и в последний момент спохватился: — Мне хотелось бы в столь непростой день нашего знакомства сделать вам какой-нибудь памятный подарок, чисто символический. Пожалуйста, примите эти часы, они даже там, на Западе, редкость. Часы будут означать, что вы наш человек.— Артур Александрович снял с запястья «Роллекс» и передал их Акрамходжаеву. Тот не посмел отказать, жест был искренен, подарок щедр.

...Поезд несся в ночи, грохоча на стыках плохо уложенных путей, вагоны мотало в стороны. Казалось, состав сейчас выскочит из колеи.

Но Сухроб Ахмедович этого не замечал, углубившись в свои мысли...

Нужно было вздремнуть хотя бы два-три часа, но сон не шел. Сенатор теперь и со снотворным засыпал трудно. Ритм его жизни за три года, прошедших со дня смерти Рашидова, резко ужесточился.

— Три года... — сказал вслух нараспев прокурор, ощущая их такими долгими в своей жизни. Он взял чайник и направился в коридор за чаем, окончательно решив, что спать ему сегодня не придется. Попросив проводника заварить покрепче, он заодно справился о ходе поезда. Скорый шел по графику, и ничего пока не вызывало тревоги. Он много работал по ночам, и помощником ему в ночных бдениях всегда служил чай. Хозяин вагона постарался и заварил чай такой, какой требовался, и Сенатор вновь ушел в свои мысли.

...Ко времени похорон Рашидова страна уже год жила с преемником Брежнева, Юрием Владимировичем Андроповым, человеком, знавшим истинное положение дел в государстве. Среди многих неблагополучных районов державы его внимание привлекал и Узбекистан. Еще в бытность свою председателем Комитета государственной безопасности он знал, что американцы вели аэрофотосъемку нашей территории и каждый раз с поразительной точностью прогнозировали виды на урожай в СССР: эти цифры, не в пример данным Госкомстата, всегда оказывались верными. В американских, да и в других зарубежных источниках не раз уже появлялась информация о том, что в Узбекистане ежегодно приписывают около миллиона тонн хлопка. Как бы в подтверждение слухов в стране как раз вспыхнул текстильный кризис, и это при сборе в девять миллионов тонн. Не было в Москве ни одного серьезного ведомства, ни партийного, ни советского, ни одной значительной газеты, куда бы простые дехкане из республики и коммунисты, не променявшие совесть на подачки, не писали бы об обмане государства, о повальных хищениях вокруг. Уже намечались дела, позже названные «хлопковыми», появились в республике первые следователи из Прокуратуры СССР, но еще никто не предполагал истинных масштабов хищений...

Прогноз Шубарина оказался верным, Рашидова сменил человек Акмаля Арипова, хотя Артуру Александровичу хотелось, чтобы это был его личный друг из Заркента Анвар Абидович Тилляходжаев, но ташкентские не уступили чужаку места, да и аксайский хан на поверку оказался сильнее, чем думал Японец. Заменив Рашидова, преемник этой же осенью приписал очередной миллион, на меньшее рука уже не поднималась.

Человек расчетливый и осторожный, Акрамходжаев удивлялся беспечности, царившей вокруг. Никто не верил в серьезные перемены, а они должны были грянуть. Страна неудержимо скатывалась к кризису — экономическому, экологическому, политическому, международному. Сухроб Ахмедович пошел ва-банк — напечатал в партийной газете серию статей, передав редакции многолетние размышления

убитого прокурора Азларханова о правовом государстве. Статьи вызвали шок в республике. Смелость суждений, неординарность взгляда говорили о новом мышлении, принципиальности автора, широте охвата проблем. Такой оценки действительности и перспективы не позволял себе еще никто.

Неделю у него на работе и дома обрывали телефоны. Друзья удивлялись, спрашивали — чего это на тебя нашло? Он отвечал кратко — наболело! Сначала не было никакой серьезной реакции сверху, но и она вдруг последовала. На одном крупном совещании Андропов высказал мысли, очень созвучные тем, которые заключались в статьях Акрамходжаева. Вот тогда его впервые и пригласили в ЦК.

Там, в долгой беседе с одним из новых секретарей ЦК, он признался, что публикации, вызвавшие столь бурный интерес в республике, — это часть его докторской диссертации, которая уже несколько лет лежит в столе. С докторской, то есть с двумя украденными папками прокурора Азларханова, по просьбе ЦК пришлось ознакомить ведущих правоведов республики. С учетом небольших замечаний ему предложили защиту докторской в стенах местной Академии. Так через год он стал доктором юридических наук. Правда, надо учесть, что идею встретиться с прокурором Акрамходжаевым новому руководителю ЦК подал секретарь Заркентского обкома партии Анвар Абидович Тилляходжаев, а того, естественно, попросил об этом Шубарин.

Продвинулся он за год со своим помощником и по службе, получив высокое назначение в Верховный Суд республики. О нем заговорили как о крупном перспективном юристе, прочили завидную карьеру. Сенатор знал, что это Артур Александрович щедро рассчитывается за дипломат и за Коста.

Шубарина трудно было разгадать, хотя, казалось, почти всегда он говорил в открытую, не скрывая своих намерений. Он явился к Акрамходжаеву на банкет по случаю защиты докторской. Когда они остались одни, Шубарин вскользь заметил, что подобную широту и демократичность взглядов на наше право имел и убитый прокурор Азларханов. Сухроб Ахмедович внимательно посмотрел на него. Лицо его покровителя было, как всегда, непроницаемо.

— Идеи витают в воздухе, важно их публично обнародовать, за столбить свой приоритет, — сказал Сенатор в ответ.

...Медленно, но твердо страна шла к переменам. Но вдруг болезнь и неожиданная смерть генсека, взявшегося вывести в державе казнокрадство, взяточничество, землячество, коррупцию, бесхозяйственность и разгильдяйство, начавшего чистку в партии, положила конец всем переменам.

Назначение новым генсеком бывшего приближенного Брежневского говорило об откате политики на прежние позиции. В Узбекистане

обрадовались приходу к власти безликого Черненко. В те дни по долгу службы Сухроб Ахмедович приходил несколько раз в ЦК. Какое ликование видел он на лицах, восторг нельзя было спрятать, а ведь там работали люди, хорошо владеющие собой. Переменялось отношение и к нему самому. В глазах некоторых прежних приятелей он читал: «Ну, что, писака, прошли твои времена? Свободы, демократии, правового государства захотел?»

В те дни он долго не мог найти Артура Александровича, собирался даже поехать к нему в городок, который в уголовном мире называли «Лас-Вегас», где находилась его основная резиденция, но Шубарин словно почувствовал настроение своего нового друга. Он нагрянул как-то поздним вечером к Акрамходжаеву домой, и проговорили они тогда до полуночи.

— Не паникуй... — говорил Шубарин, как всегда, спокойно и взвешенно. — Государству радикальных перемен не миновать, поверь мне, я знаю экономическую ситуацию в стране. Она плачевна. Мы проедаем больше, чем зарабатываем, и абсолютно нечего предложить внешнему рынку, все допотопно, громоздко, некачественно. Пустые прилавки и обесцененные деньги толкнут страну к реформам. Конечно, они невозможны с такими людьми, как нынешний лидер Черненко. Но здоровье его ни у кого не вызывает сомнений, едва ли он с год протянет... Это будет еще год агонии государства...

Разговор с Шубариным внес спокойствие в душу. Сенатор даже выработал после встречи с ним особую тактику поведения, демонстративно подчеркивая кое-где, что он находится в опале у верхних эшелонов власти.

Сухроб Ахмедович так вжился в роль сторонника перемен, что позволял себе время от времени рассылать редакторам газет и журналов Узбекистана предложения написать для них статью, обзор, комментарии. Темы, которые он предлагал для обзора, бросали в дрожь руководителей прессы, и они под всякими надуманными предлогами любезно отказывали ему. На это и рассчитывал лукавый Сенатор. Получив желанный ответ, он подшивал его в специальную папку и при случае показывал коллегам, друзьям, возмущаясь, что ему не дают дышать, развернуть его научной мысли, закрывают дорогу в Академию, в стенах которой он так блестяще защитил докторскую.

Очередное его продвижение по службе обошлось без помощи и протекции Артура Александровича, который в это время по туристической путевке находился во Франции. Освобождалось место заведующего административным отделом ЦК. Сенатор узнал об этом случайно, впрочем, о таких вакансиях не трубят в трубы. Знал Сенатор и того, кто метит на это место, знал, от каких людей зависит назначение: должность эту он давно примерял на себя. В последнее время, прослав просвещенным и широко мыслящим юристом, он и впрямь уверовал в свою исключительность. Однако шансов занять это место

не имел никаких, тем более без помощи Шубарина. И тут он вспомнил про бумаги Азларханова, в его документах при удачной комбинации открывался ход ко многим могущественным людям. Но пользоваться взрывоопасным материалом слишком явно он не решался. Акрамходжаев не забыл намек Шубарина, что основные положения его докторской диссертации перекликаются с некоторыми мыслями убитого Азларханова, с которым, говорят, Артур Александрович был в большой дружбе. Он не хотел, чтобы Японец вычислил, что прокурор Акрамходжаев ведет нечестную игру и имеет тайное досье на него самого и его ближайших друзей, чтобы догадался, что есть копии с документов, выкраденных им из Прокуратуры республики ценой жизни двух людей. Играть с огнем не следовало. Тот же Коста, давно восстановивший форму в лучших клиниках и на курортах страны, если что, выколотит любые признания или из него самого, или из Салима — опыта им не занимать.

...Два дня, субботу и воскресенье, они с Салимом не выходили из дома. словно пасьянс, раскладывали документы из дипломата и так и эдак, час за часом прослушивали записи Азларханова, искали вариант, который никак не должен был насторожить Артура Александровича. Но тщетно — все представляло определенный риск. Беспроигрышный расклад не выстраивался. В понедельник утром Миршаб оставшийся ночевать в особняке прокурора, приводя в порядок разбросанные по столу документы, обратил внимание на одну ведомость по выдаче зарплаты с особо крупными суммами.

— Сухроб! — позвал он из другой комнаты своего друга, — посмотри, пожалуйста, вот эту фамилию. Не родной ли это брат нашего уважаемого Тулкуна Назаровича?

«Назаров Уткур», значилось в ведомости. Дружья хорошо знали, что в Узбекистане единокровные братья часто живут под разными фамилиями.

— Нет, Тулкун Назарович родом из Ферганы, это всем известно а ведомость из другой области, — ответил огорченно прокурор.

— А знаешь, где отец Тулкуна Назаровича начинал свою карьеру? Именно в Маргилане! У него было семь сыновей... Уткур Назаров видимо, старший брат Тулкуна Назаровича.

— Любопытно, любопытно, — сразу повеселел хозяин дома, — если так, я прижму этого партийного бонзу. Ты сегодня же должен выехать на место и осторожно собрать материал на Уткура Назарова, если, конечно, он действительно родственник уважаемого Тулкуна-ака.

Вечером того же дня Салим позвонил шефу домой и радостно сообщил, что они верно взяли след, и обещал завтра вернуться в Ташкент не с пустыми руками.

Вот он, вариант без риска, хотя ниточка тянулась все из тех же бумаг. Теперь он крепко прижмет к стенке спесивого Тулкуна Назаровича и Шубарину заодно утрет нос.

Помощник появился к концу работы на следующий день. Войдя в кабинет, он сказал шутя:

— Еще не обжили как следует кабинет в Верховном Суде, а теперь придется перебираться в Белый дом...

— И всего-то на третий этаж, — ответил в тон шеф.

— А ты хотел сразу на пятый? — спросил помощник, и они вместе рассмеялись.

Салим расстегнул портфель и бросил на стол три казенные папки с краткой, как выстрел, надписью — «Дело». Две из них были старые, из плотного картона с хорошим, ясным тиснением, вероятнее всего, записи в них велись чернилами еще до эры шариковых ручек. Третья, самая толстая, заведена год-два назад, и фамилия «Назаров» на обложке писалась добротным фломастером. Акрамходжаев, казалось, не проявил к папкам никакого интереса, даже брезгливо отодвинул их на край стола. Но все же спросил:

— Что, умен, талантлив, невероятно изворотлив братец Уткур?

— С чего ты взял? Примитивен до раздражения. Обычная схема для нашего края: один брат идет работать в правоохранительные органы, другой в партийный аппарат, третий в советский, а остальные занимают хлебные должности: на мясокомбинате, на лесоскладе, винно-водочном заводе, торговле, строительстве, в автотранспорте, нефтебазе и тянут, что только могут. Да при такой страховке со всех сторон и самый осторожный станет тащить день и ночь. Потом, как ты знаешь, такие люди рождаются с себе подобными; если в клане нет выхода на прокуратуру, они отыщут его через молодоженов — в каждом доме найдется и жених, и невеста, которые никогда не пойдут против воли родителей. Говорят, однажды Уткур Назарович похвастался, что на всей длинной цепи проверок и контроля, в каждом звене у него есть родня, она и предупредит его заранее, и не заметит, чего не надо, и защитит, если потребуется. Уткур возглавлял там в разное время три особо чтимые на Востоке места: мясокомбинат, лесоторговлю, а в последние годы крупный автокомбинат с парком междугородных автобусов, автобазой рефрижераторов и большегрузных автомобилей-дальнобойщиков. Место даже почище, чем мясокомбинат вместе с винзаводом... Два первых дела завели, когда он возглавлял мясокомбинат и лесоторговлю, но их замяли старые сослуживцы и выдвиженцы отца, хотя не обошлось и без помощи Тулкуна Назаровича, который тогда работал в народном контроле республики. А в третий раз Назаров вряд ли бы выкрутился, но изменилась обстановка в стране в связи с приходом Черненко, когда к власти вернулись многие друзья и коллеги его отца. Но самое большое влияние на ход дела оказал наш общий друг Артур Александрович Шубарин. Все до одного водители забрали свои заявления о том, что директор автокомбината облагал их непомерной данью за каждый рейс. Видимо, крепко поработали Ашот и Коста с друзьями, шофера народ вольный, упря-

мый, но сдались, дружно сказали, что оговорили директора за принципиальность и твердость...

Время поджимало, и они решили действовать безотлагательно. Акрамходжаев набрал по вертушке четырехзначный номер телефона Тулкуна Назаровича в ЦК и твердым голосом попросил принять его утром. На вопрос, по какому поводу, Сенатор ответил туманно: «На телефонный разговор...»

...Проговорили они час пятнадцать минут. Был момент, когда важный хозяин кабинета даже порывался выставить нахального шап-тажиста из Верховного Суда за дверь, но тот начал выдавать такие подробности, что Тулкун Назарович сразу перешел на примирительный тон, а в конце концов, добитый, устало спросил:

— Чего вы хотите, чего добиваетесь?

— Я бы не хотел, чтобы меня несправедливо оттесняли от должностей в Узбекистане, — сказал тот веско и с достоинством. Урок Шубарина и общение с ним пошли на пользу Акрамходжаеву.

— Разве служба в Верховном Суде не устраивает вас? — удивился Тулкун Назарович.

— Нет. И я знаю, что моя кандидатура не рассматривалась ни на один серьезный пост, я не числюсь у вас даже в резерве. Разве это справедливо? По-партийному? Я спрашиваю вас, как коммунист коммуниста. Я — доктор наук, человек с большой практикой, наверное, вам и мои взгляды на правовую реформу известны, они широко обсуждались в республике.

— В каком отделе ЦК вам хотелось бы работать? — хмуро спросил Тулкун Назарович.

— Я знаю, у вас сейчас есть место заведующего отделом административных органов... — небрежно бросил Сенатор.

— Это сложно, мы сейчас рассматриваем две кандидатуры... — уклончиво начал хозяин кабинета.

— Вот вы и предложите третью. Вашу кандидатуру и рассматривать будут более внимательно.

Уходя, Сенатор оставил Тулкуну Назаровичу для ознакомления три папки с делами его брата Уткура и с новейшими комментариями к ним над которыми они с Салимом трудились всю ночь. Тут было над чем призадуматься...

Через три недели, когда Артур Александрович вернулся из Франции, он тут же позвонил Акрамходжаеву. Решили обмыть новое назначение Сенатора. Шубарин приглашал к себе домой, Сухроб Ахмедович настаивал на приеме в своем особняке. Спор разрешил Салим Хасанович. Он тоже собирался отметить свое повышение. Впервые за долгие годы работы их пути с шефом разошлись. Хашимов остался в Верховном Суде, должность шефа автоматически перешла к нему, на этом настоял Сенатор в разговоре с Тулкуном Назаровичем. Друзья долго размышляли и решили, что держать под контролем дела в Верховном

Суде важнее всего, все-таки последняя инстанция, суд — венец правосудия. Тут и дела можно делать крутые, и иметь с этого приличные деньги — отведи от вышки иного дельца и тут же получишь миллион.

Итак, Миршаб предложил отметить важные события в их жизни в доме своей любовницы Наргиз.

— У Наргиз?.. — переспросил Шубарин. Он всегда должен был четко знать, куда идет, и страховал себя не хуже, чем иной заокеанский президент.

— Там, где находился Коста, — пояснил Сенатор.

— Ах, у Наргиз, — сразу вспомнил тот, — у той, которая чудесно фарширует перепелок паштетом из печени? Коста с ума свел Икрама Махмудовича, моего помощника в «Лас-Вегасе», рассказывая о кулинарных чудесах хозяйки дома. Я согласен...

За богато накрытым столом у Наргиз Артур Александрович, поздравив Акрамходжаева с высоким назначением, все же чуть позже, выбрав момент, немножко попенял ему за самостоятельность, проявленную Сенатором в его отсутствие.

— Ну, ты, Сухроб, даешь! Брать за горло моего друга Тулкуна Назаровича! Это же беспредел, как выражается Ашот. Надо, милый, чтить авторитеты, ты же на Востоке живешь...

Сенатор, словно не понимая, ответил:

— Дорогой Артур Александрович, откуда же я мог знать, что уважаемый Тулкун Назарович ваш давний друг. Да и ждать я не мог. Вы далеко, наслаждаетесь в Париже, гуляете по Елисейским полям, а место могло ускользнуть от меня, меня же в расчет не принимали. Вот я и решил напомнить о себе.

— Не осуждаю, я просто поражен вашей хваткой, целеустремленностью. Припереть к стенке такого скользкого и тертого пройдоху, как Тулкун Назарович, — задача не для дилетантов.

— Спасибо, Артур Александрович, — перебил прокурор.

— В чем-то, наверное, вы правы. Надо заставить их считаться с собой. И если откровенно, они не могли дожидаться меня, чтобы выяснить, какие истинные намерения у вас, чего вы хотите, чего добиваетесь?

— Да что уж, Артур Александрович, — поспешил успокоить Сенатор, — друзья моих друзей для меня святы, ничего дурного против Тулкуна Назаровича я не затевал. Я хотел одного: чтобы со мной считались, поняли, что и мое время пришло.

— Да, твое время пришло, и давай выпьем за твое здоровье, — проговорил Шубарин.

Через два месяца после прихода Сухроба Ахмедовича в отдел административных органов ЦК умер генсек Черненко, и вновь залихорадило партийный аппарат и руководство в республике. Какой курс дальше возьмет Кремль?

С первых шагов нового генсека стало ясно, что он продолжит

начатое Юрием Владимировичем Андроповым обновление и оздоровление общества. Курс на перестройку объявлялся программным в действиях партии. И сразу же к Акрамходжаеву стали поступать предложения из газет и журналов. Одним он вежливо отказывался, ссылаясь на занятость, для других, центральных, подготовил несколько публикаций, благо работы Азларханова позволяли освещать немало проблем, накопившихся в Узбекистане.

Изменилось к нему и отношение аппаратчиков. Повсюду, куда бы он ни приходил, с ним вежливо здоровались, раскланивались, улыбались.

Работы у отдела административных органов прибавилось: видимо, со злоупотреблениями, хищениями, коррупцией, приписками в республике решили окончательно разобраться. С каждым месяцем увеличивалось число областей, где начинали работать следователи Прокуратуры СССР. Их прибывало все больше и больше. Они занимали старую гостиницу ЦК на Шелковичной. Такой наплыв опытных криминалистов сам по себе становился опасным, потому что выпадал из-под контроля даже отдела административных органов.

Московские следователи и их коллеги, привлеченные Прокуратурой СССР из других регионов, не имели привычки знакомить местных с ходом дел — утечка информации могла свести на нет всю работу.

Сенатор всячески старался помочь следователям, заботился об их быте, питании, вступал при возможности в личный контакт с каждым, чтобы иметь хоть какое-то представление о направлении и масштабах проводимой работы, о ее перспективах.

У тех, кто координировал в Прокуратуре СССР работу привлеченных следователей по особо важным делам, наверное, быстро сложилась общая картина хищений, и, по расчетам Сухроба Ахмедовича, они скоро должны были выйти на людей на таких постах, что рядового гражданина от неожиданности мог хватить удар.

Но наверху царил беспечность, никто всерьез не воспринимал огромный десант приезжих следователей. Скорее всего, по аппаратному опыту прежних лет рассчитывали на очередную кампанейщину, косметический ремонт фасада здания новой власти: ну, пересаживают две-три сотни председателей кохозов, сотню директоров хлопкозаводов, еще тысячу людей рангом пониже, к чьим рукам тоже прилипла золотая пыльца с хлопковых миллионов, и на том, мол покончат, и все пойдет по-прежнему.

Но постепенно в обществе сложились две равные по мощи, но разные по задачам силы, хотя люди, составляющие их, и те, и другие, имели в карманах партийный билет единого образца. Одна часть общества, окрыленная разрешенными свободами и поверившая в большие перемены, не обладала опытом борьбы за реальную власть, не имела заметных постов. Реально сторонники перемен располагали только возможностью выговориться — печатно или с экранов телевизоров.

Другая часть, внешне одобрявшая курс партии, противилась перестройке изо всех сил. Она располагала всем: и опытом, и средствами, и должностями.

Сухроб Ахмедович в силу своей природы хотел представлять обе половины общества одновременно: и ту, искренне жаждавшую перемен, за которые он ратовал в своих статьях и докторской, и эту, желавшую жить по-старому. И вдруг он с удивлением обнаружил, что в самом аппарате началось размежевание. Но как бы там ни было Акрамходжаев видел, что в обществе нет достаточной опоры ни для перестройки, ни для очередного возврата к застою. Власть ныне зависела от случайностей. Сенатор чувствовал, что общество, устав от шараханий, неопределенности и хаоса, от пустых прилавков и очередей, от грабежа и насилия, вновь востребует сильного человека, сильную личность. Оттого Сенатор хотел сегодня стать заметным и в той, и в другой части расколовшегося общества, везде быть нужным, полезным, консультировать и тех, и других, внушить всем, что он — сильный и образованный человек, чтобы в некий час «икс» на нем скрестились лучи прожекторов с обеих сторон баррикад. Люди из нового окружения Акрамходжаева на службе, растерявшиеся от быстро сменяющихся событий, не уверенные в завтрашнем дне, инстинктивно тянулись к нему, державшемуся ровно, с достоинством. Эту тягу к себе он умело использовал: одних успокаивал, другим обещал содействие, у третьих ловко выпытывал то, что ему требовалось. Оттого для него не оказался неожиданным вызов на пятый этаж в кабинет первого секретаря ЦК, где в узком кругу коллеги и следователи по особо важным делам поставили вопрос об аресте Анвара Абидовича Тилляходжаева — того самого, который еще совсем недавно метил в кабинет, где сейчас решалась его судьба. Для всех без исключения, включая и самого преемника Рашидова, решение Прокуратуры СССР оказалось неожиданным.

Сухроб Ахмедович, вернувшись домой, сразу связался с Шубариным в «Лас-Вегасе» и попросил вечером непременно быть в Ташкенте.

Вечером Артур Александрович объявился в доме Акрамходжаева. Он знал, что Сенатор по пустякам не отвлекает, значит, стряслось что-то серьезное. Хозяин дома встретил гостя приветливо. Внешне он мало походил на озабоченного проблемами человека, и это понравилось Японцу, он уважал людей сдержанных. Шубарина ждали и встретили накрытым в зале столом. Бывал он здесь не часто, но хозяйка дома запомнила вкусы и привычки необычного среди друзей мужа человека, который никогда не приходил в дом без цветов и подарков, причем всегда изысканных и редких. Когда они перешли в домашний кабинет прокурора и удобно расположились друг против друга в добротных, мягких кожаных креслах с высокими спинками, хозяин дома некоторое время театрально молчал, словно хотел показать, как важно то, что он сейчас скажет.

— Я должен раскрыть вам, — наконец-то заговорил он, — секрет государственной важности: сегодня принято решение об аресте Анвара Абидовича Тилляходжаева...

Ни один мускул не дрогнул на лице Шубарина.

— Когда это должно произойти? — спросил он, наверняка в уме стремительно высчитывая варианты, связанные с неожиданной новостью.

— Наверное, недели через две. Арест первого секретаря обкома Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР должен быть согласован с Москвой. Обвинения ему будут предъявлены серьезнейшие.

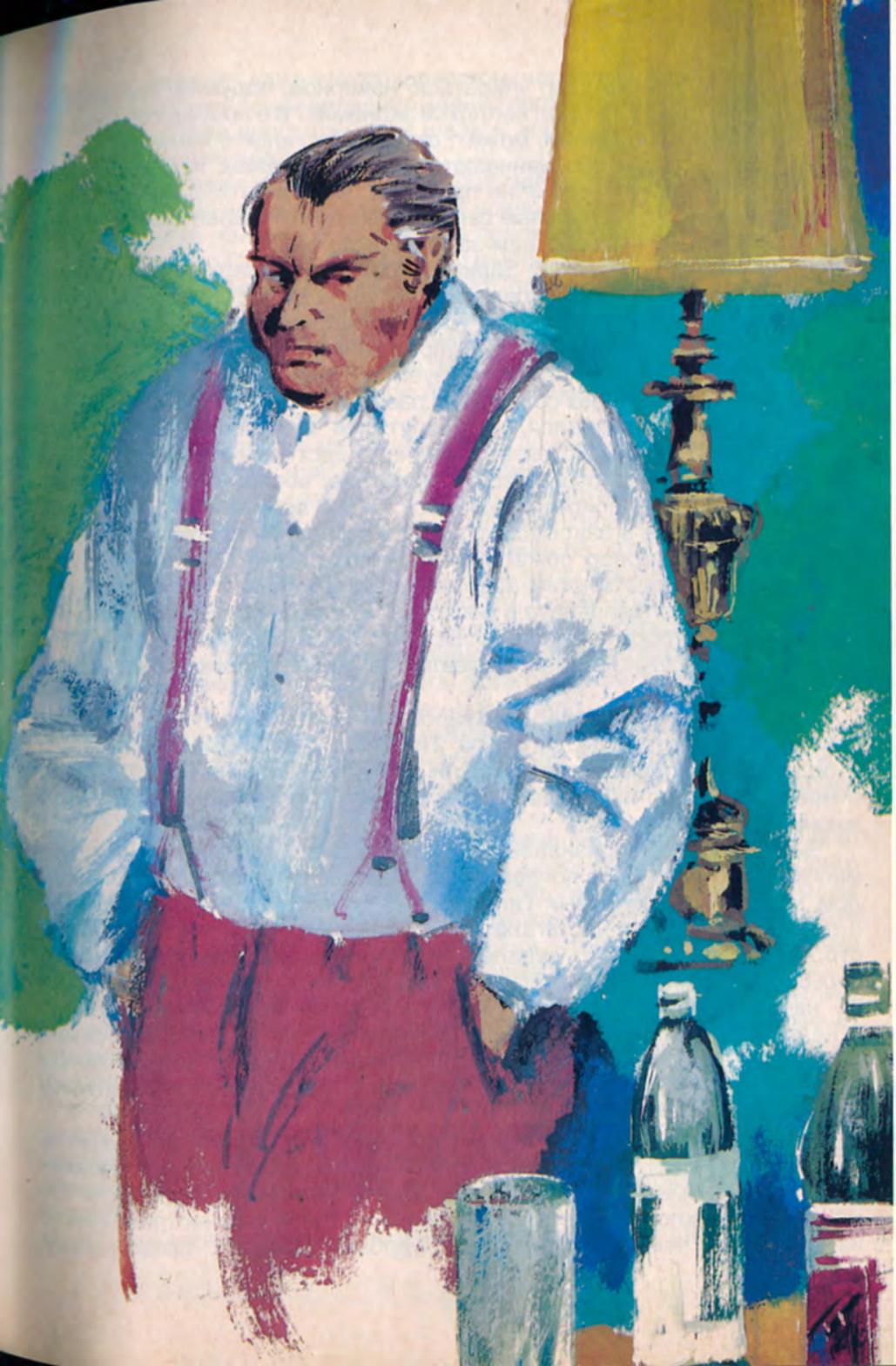
— Я догадывался об этом и предупреждал Тилляходжаева, — сказал вдруг Шубарин, — я это почувствовал, как только арестовали его свояка, начальника ОБХСС области, полковника Нурматова...

— Вы думаете, оттуда пойдет главный материал обвинения?

— И оттуда тоже. За год до ареста, случайно узнав, что полковник копил золото, Анвар Абидович отобрал у него двенадцать килограммов собранного, большей частью в царских монетах. Нурматов долго этого не мог пережить, хотя знал, что Тилляходжаев без ума от монет. Когда полковника арестовали, я предложил отравить его. Был у нас один шанс, Анвару Абидовичу позволили встретиться с ним. Он должен был угостить Нурматова сигаретой, а через сутки тот неожиданно бы скончался, и ни одна экспертиза, тем более наша, советская, с ее дотошным оборудованием и средствами, не установила бы причины. А Анвар Абидович пожалел Нурматова... Но к делу. Меня всерьез беспокоит судьба Анвара Абидовича. Может, я старомоден, сентиментален, но я обязан ему многим и не хочу уходить в сторону при первой беде Хозяина. Убедить в грозящей опасности мне его не удалось, но кое-что я все-таки предпринял. У него большая семья, шесть детей, уже пошли внуки.

— Да, двое его сыновей заканчивают юридический факультет нашего университета, — вставил свое слово прокурор, давая понять, что и он хорошо осведомлен о семье человека, недавно претендовавшего на место Шарафа Рашидовича.

— Толковые ребята, раз в месяц непременно обедаю с ними в чайхане на Бадамзаре. Мы с Анваром Абидовичем решили, что они останутся в Ташкенте. Каждому я помог приобрести кооперативную квартиру в уважаемом районе, есть у них и загородные дома, купленные отцом на подставных лиц еще пять лет назад. Будущее молодых людей мы успели все-таки продумать. После ареста полковника Нурматова я попросил Хозяина ссудить миллион одним моим знакомым, затеявшим крупное дело и имеющим надежное прикрытие, заверил, что этот миллион и будет страховать его семью, что бы с ним ни случилось. Отдавая деньги, он автоматически становился пайщиком, и на одни проценты с оборота мог обеспечить даже своих малолет-

них внуков. Тут он не стал упираться, наверное, подумал: какая разница, где они лежат. Он был неплохой экономист и в последние годы не жаловал бумажные деньги, может, оттого расстался с ними без сожаления, зная, что они обесцениваются с каждым днем. Как бы там ни было, пока я жив, его семье не придется бедствовать, даже если он, несмотря на его колоссальные связи, и не сможет вырваться из беды, в которую попал. Спасибо вам за информацию...

Арест первого секретаря Заркентского обкома партии, вызвавший в регионе шок, оказался роковым не для него одного. Сухробу Ахмедовичу до конца было не ясно, что успел предпринять Тилляходжаев за две недели до задержания, предупрежденный верным вассалом, но действия его оказались непредсказуемыми для многих.

Он добровольно и без сожаления расстался с наворованным богатством, сердечно признался, что запутался в жизни, нанес партии непоправимый вред и хотел бы помочь следствию, чтобы хоть этим искупить вину перед обществом. Следствие, воспользовавшись раскаянием секретаря обкома, пустилось на тактический ход, объявив, что Тилляходжаев в закрытом судебном заседании приговорен к расстрелу и что приговор обжалованию не подлежит. Как оживились, приподняли головы многие арестованные чиновники из партийного и государственного аппарата в московской тюрьме под романтическим названием «Матросская тишина». Все, что только можно было свалить с себя, они дружно перекладывали на Анвара Абидовича, какой с мертвеца спрос.

Следователи терпеливо фиксировали заведомую ложь, а потом показывали протоколы допросов Тилляходжаеву. Бывшие коллеги в подлости и коварстве превзошли все его ожидания. И он в свою очередь не щадил их... Одним словом, ему удалось выторговать себе жизнь.

Чистосердечное признание и раскаяние бывшего хозяина Заркента многим в республике не понравилось. Дважды пытались подпалить его дом, чтобы укоротить язык Тилляходжаева, но дважды поджигателей в последний момент настигала пуля в затылок. Двое убитых с канистрой бензина у глухого дувала дома Тилляходжаевых наводили на серьезные размышления. От семьи отступились, третьего смельчака не нашлось. Артур Александрович оставался верен своему слову и надежно страховал семью своего покровителя. Ровно год в семье под видом родственника жил незаметный парень по имени Ариф, который в темноте стрелял на звук, пользуясь глушителем, без промаха.

Вслед за Анваром Абидовичем последовали аресты целого ряда крупных деятелей, что явилось полной неожиданностью для населения, да и партийного аппарата тоже. Взяли под стражу всю коллегия министерства хлопководства республики во главе с министром. Никто из них ни в чем не отпирался. Судебный процесс, проходивший

в Москве, поразил даже такого циничного человека, как Сухроб Ахмедович. Члены коллегии ведущего министерства хлопкосеющей республики выглядели просто жалкой шайкой жуликов, погрязших в беспросветном воровстве и пьянстве.

То, что ни один член огромной коллегии хлопковой промышленности Узбекистана не избежал соблазна приворовывать из государственной казны и за деньги шел на любые приписки, подлог, фальсификацию, натолкнуло Сенатора на важную мысль. Он раньше других вычислил, что весь номенклатурный аппарат, сложившийся при Рашидове, рано или поздно будет сметен подчистую. Нет, ни на одну карту из прежней номенклатурной колоды человеку с долгосрочной и твердой программой ставку делать нельзя. Все эти деятели повязаны старыми грехами, и за любым из них при нарождающейся в стране гласности потянется грязный хвост.

Ставку нужно делать на других, и прежде всего на таких, как он сам, кого раньше по тем или иным причинам не подпускали к делу пирога. Наверное, они мало чем будут отличаться от своих предшественников, зато у них нет дурно пахнущего хвоста.

Но как привести к власти себе подобных, не затусованных в прежней затрепанной колоде? Как бы он ни раскладывал новую колоду карт без замусоленных валетов, королей, тузов, новый пасьянс никак не складывался. Разве только следовало держаться подальше от самых одиозных, скомпрометировавших себя пиковых валетов, рассуждал он, понимая всю тяжесть политической возни, в которую окунулся и вне которой себя уже не мыслил.

Крепко замусоленная рашидовская колода номенклатурных карт таяла на глазах, слишком уж часто стали выпадать из нее тузы и короли, о возврате в колоду не могло быть и речи, битой оказывалась пиковая масть.

Если когда-то арест Анвара Абидовича Тилляходжаева вызвал в республике шок, то теперь взятие под стражу людей подобного ранга воспринималось со спокойным любопытством; спрашивали, кто же следующий? Покончил с собой при задержании туз бубновый, каратепинский хан, секретарь обкома, любивший, чтобы его называли «наш Ленин», не меньше. Располагал информацией Сухроб Ахмедович и о том, что нити хищений в особо крупных размерах потянулись к некоторым секретарям ЦК, и опять рушилась концепция, где расчет строился на людей из прежней колоды, валетов пиковых и прочей пиковой масти. Но не только крушение, крах партийной элиты республики расстраивал его, с этим он смирился и считал неизбежным, уж слишком они дискредитировали себя перед народом и даже без тех сенсационных тайн, что вскрывались чуть ли не каждый день в республиканской и центральной печати и выплескивались на судебных процессах.

Кто останется равнодушным к пудам золота, к миллионам, припря-

таным в тайниках и у родственников, к коврам ручной работы, гниющим в сараях и на чердаках, и это в крае, где многодетный дехканин за тяжкий труд на хлопковых полях от зари до зари получал в лучшем случае сто пятьдесят рублей в месяц. Край, где он жил, для посвященного человека открывался еще одной неожиданной стороной. При всей неограниченной пока еще власти партийного аппарата, как и везде в стране, тут на равных правили и тайные силы, что-то наподобие теневого кабинета.

Если сказать кому-то, что назначение иного министра решается не в Ташкенте, а в скромном горном кишлаке Аксай под Наманганом, наверное, многие приняли бы это за байку и посмеялись. Но смеяться не следовало, Сенатор знал расклад сил в Узбекистане как никто другой. Скромный директор агропромышленного объединения, дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета, ценитель чистопородных скакунов, бывший учетчик тракторной бригады, недоучка Акмаль Арипов чуть ли не подменял собою Верховный Совет республики. Сюда, в Аксай, тянулись за поддержкой соискатели министерских портфелей. Арипов и самого всесильного Шарафа Рашидовича называл по-домашнему Шуриком. Шурик звонил ему чуть ли не ежедневно. Отладили дорогостоящую правительственную связь с резиденцией аксайского хана. Не смог Сенатор в свое время найти дорогу ни к Шарафу Рашидовичу, ни к аксайскому хану, они вполне обходились и без районного прокурора Акрамходжаева, но сегодня без него, как он считал, не обойтись могущественному Акмалю Арипову. Дело в том, что следователи по особо важным делам все теснее сжимали кольцо вокруг аксайского хана.

Сенатор знал, что главное богатство Креза из Аксая составляли не деньги, не золото и не табун чистокровных скакунов. Арипов имел настоящее, профессиональное сыскное бюро, куда люди приходили ежедневно из года в год, как на службу. Располагал он огромным досье практически на всех должностных лиц Узбекистана; велись и отдельные папки на людей из Москвы, посещающих республику. Правовые органы много, наверное, отдали бы за то, чтобы заполучить такой бесценный архив, хранящийся в специальных железобетонных катакомбах Аксая. Может, обладая невероятным компроматом на того, он когда-то сблизился и с Шарафом Рашидовичем? Отсюда, из Аксая, из его подвалов шли подметные письма на негодных людей, отсюда запугивали, шантажировали, провоцировали, дискредитировали, и для всего этого хан располагал штатом людей, служивших ему верой и правдой. Вот почему спешили в кишлак, затерянный в горах, окольцованный не одной сетью охраняемых шлагбаумов, на поклон к Арипову самые высокопоставленные лица. Только заручившись поддержкой аксайского хана, получив от него посвящение в сан, можно было считать себя, например, полномочным министром. И вокруг такого человека сжималось кольцо. В один день могли исчезнуть в государ-

ственной казне сотни миллионов рублей и пропасть в недрах КГБ бесценные архивы. В печальном исходе судьбы аксайского хана Сенатор уже не сомневался. Не проходило ни одного крупного закрытого совещания, где бы не заходил разговор о нем. Уже готовились документы в Верховный Совет СССР о лишении Акмаля Арипова депутатской неприкосновенности и множества высочайших наград страны, включая и две «Гертруды», как шаловливо называл хлопковый наполеон золотые звезды Героя Социалистического Труда.

И тут Сенатору пришла неожиданная мысль — завладеть архивом аксайского хана. Если уж содержимое небольшого дипломата Амир-хана Даутовича Азларханова принесло ему такую пользу, то можно представить, чего он сможет добиться, если завладеет архивом и многочисленными досье аксайского хана!.. От таких перспектив кружилась голова: как в лихом танце, начинало стучать сердце.

А к архиву заполучить бы и людей, много лет занимавшихся слежкой и сбором компромата, всех этих изощренных фотографов с их фоторужьями и приборами ночного видения, каллиграфов, профессиональных шантажистов, поднаторевших в судебных заседаниях. Говорят, у Акмаля-ака был даже человек, читавший по губам, и табиб, готовивший яды.

А деньги? Какой суммой располагал аксайский Крез? Тут мнения расходились, одни называли сумму, приближающуюся к миллиарду, другие настаивали на пятистах миллионах. Следовало рискнуть, вступить с аксайским ханом в контакт, подать ему руку помощи в трудную минуту. Может, удастся стать наследником его архивов и миллионов. И деньги, и архивы хороши и полезны при любой власти, при любом знамени.

Но и риск нешуточный! Если узнают, что он ищет подходы к аксайскому хану при нынешнем к тому отношении официальных властей и правовых органов, то это может стоить Сенатору не только поста, к которому он так долго стремился, но и партбилета, а, возможно, и свободы. Он знал множество тайн, служебных секретов, и выдача их заинтересованной стороне иначе как предательством государственных интересов не квалифицировалась бы. Это ли не риск? Сухроб Ахмедович не решился поделиться своими планами даже с Шубариным.

Он не имел никаких гарантий успеха. Куда ни кинь — риск. И реакцию Арипова на добрый жест невозможно предугадать, все знали, какой он самодур. Можно и вовсе не вернуться домой: убьют и бросят труп в пропасть на радость шакалам, гиенам и горным орлам. Ни могилы, ни следа не останется на земле, по этой части Акмаль-ака большой дока. А может, придумает еще более изощренную смерть — кинет избитого и связанного в клетку к голодным свиньям, которые сгрызут человека до последней косточки. И такое он практиковал. А то запрет в подвал и напустит туда змей. Кровожадный народный депу-

тат, обласканный государством, обвешанный орденами, обладал невероятной фантазией. Как отправить на тот свет человека — тут равным ему не сыскать.

Конечно, все это могло испугать любого, но Сухроб Ахмедович верил в свою удачу. Ему припомнилась присказка: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского!». Он, конечно, без особого риска мог пить шампанское до конца дней своих, но теперь ему больше, чем шампанского, хотелось власти. Вот такая жажда его мучила, она и толкала его в Аксай.

Долго взвешивать не приходилось, все подвигалось к аресту Арипова. Он понял это после двух последних совещаний в КГБ и в кабинете у первого секретаря ЦК и решил на отчаянный шаг.

...В поезде Ташкент — Наманган Сенатор все-таки пожалел, что не оставил жене письма на тот случай, если он к понедельнику не вернется домой. Ей следовало немедленно связаться с Артуром Александровичем и назвать место, куда он тайно отбыл. Шубарин, конечно, тут же примчится на выручку, ему нет смысла терять своего человека на таком посту, да и аксайского Креза он хорошо знал, бывал с Тилляходжаевым у него в гостях, смотрел редкие по нынешним временам схватки бойцовских псов и злых двухгодовалых жеребцов, забытые жестокие развлеченья римских патрициев и ханов Золотой орды.

Ехал он почти на авось, никакой четкой программы не имел, никого, кроме себя, не представлял, ничьих поручительств и рекомендаций не вез, все должно было решиться в ходе разговора. Все зависело от того, как примет его аксайский хан, посчитает ли человеком, на которого можно всерьез рассчитывать.

...Поезд замедлил движение и стал тормозить на маленьком, ничем не примечательном полустанке.

«Пора», — сказал Сенатор вслух и рассовал по карманам сигареты, зажигалку, расческу, носовой платок. Из портмоне достал трешку и положил ее под чайник. После этого он суеверно «присел на дорогу», которая, считай, у него только начиналась, сделал «оминь» и только тогда вышел из купе, неслышно закрыв за собой дверь. Сенатор прошел в тамбур, открыл дверь, глянул вдоль состава, выждал почти минуту и, когда состав чуть тронулся с места, спрыгнул на щебеночную насыпь. Слева от вокзальной пристройки дважды мигнули фары машины, и «Жигули» медленно двинулись ему навстречу. Машина зажгла свет ближних фар, и он узнал белую «шестерку» Шавката, двоюродного брата своей жены. Свояк намеревался выйти из машины, но прокурор жестом остановил его и сам распахнул переднюю дверцу.

...Машина отъехала от разъезда и через несколько минут уже катила по асфальтированному шоссе, ведущему в Наманган.

— Ночи в наших краях прохладные, чувствуется близость гор, да и осень на дворе, — сказал Шавкат, заметив, что свояк пожегился, и,

открыв бардачок, протянул ему хромированную фляжку.— Это вас согреет, я захватил на всякий случай.

— Спасибо, молодец,— ответил Сенатор и, отвинтив крышку с удовольствием отхлебнул несколько раз.— И коньяк неплохой...

— Я же знаю ваши вкусы, настоящий армянский,— заулыбался свояк.

— Как с вертолетом?

— Все в порядке. Пилот ждет. Я ему оформил путевку в Папский район.

— Как ты объяснил ему столь ранний вылет?

— Он знает, что в Аксай постоянно наведываются большие люди. Хозяйство Акмаля Арипова словно визитная карточка Узбекистана, как пишут в газетах. Я сказал, что сегодня там с утра какое-то совещание, а вы не смогли прибыть вовремя.

— Молодец, вполне логично...

— Впрочем, доставил бы и без всяких объяснений, я же главный диспетчер, и от меня зависят все выгодные рейсы,— сказал самодовольно Шавкат.

— Не зазнавайся,— мягко пожурил Сенатор, но остался доволен хваткой свояка и подумал, что надо как-нибудь поохотиться в горах с вертолета.— А что собирается делать пилот в Папском районе?

— Как что? Дефолиация в полном разгаре, опыляем с воздуха хлопчатник.

— Значит, травят народ не только с земли, но и с воздуха? — спросил гость.

— Мы люди маленькие, нам что скажут, то и выполняем. Это вам, в Ташкенте, с вашими коллегами в ЦК решать: травить народ или нет. А вообще-то беда, конечно. В дни опыления столько жителей страдает, особенно дети. А скот, которого и так мало в сельских подворьях, сколько его травим.

— Белое золото! Хлопок — гордость узбекского народа! — мрачно съязвил Сенатор и больше на эту тему не говорил: он-то знал, что хлопок стал бедствием, проклятием для всех: и селян, и горожан. Он еще раз отхлебнул из фляжки, откинулся на спинку сидения, чуть отбросив ее назад, с удовольствием закурил, перед этим любезно протянув длинную дымчато-серую пачку сигарет свояку.

Вскоре промелькнули огненно-красные неоновые буквы на фронтоне вокзального здания. И тут Акрамходжаев вспомнил об оплошности, что допустил перед отъездом. Он достал портмоне, где имелся вкладыш с записной книжкой, вырвал оттуда страничку и написал своим четким, каллиграфическим почерком: «Артур Александрович Шубарин». И протянул бумажку Шавкату, мурлыкающему под нос какую-то мелодию.

— Если до понедельника не дам о себе знать, позвони сестре в Ташкент, пусть свяжется с этим человеком и скажет, что я поехал к аксайскому хану.

— Это так опасно? — с тревогой спросил свояк.

— Нет, страшуюсь на всякий случай, ты ведь знаешь характер Акмаль-ака, — поспешил успокоить Шавката прокурор.

В авиаотряд приехали, когда почти рассвело. Все шло по графику, вертолет все равно не стал бы подниматься в темноте. Шавкат подъехал прямо к вертолету, занявшему стартовую площадку. Пилот находился в кабине и проверял навигационные приборы. Он хотел спрыгнуть на землю, чтобы поприветствовать родича диспетчера, но Шавкат остановил его жестом, мол, не до церемоний, гость опаздывает. Неожиданный пассажир и впрямь спешил, он торопливо пожал руку своему родственнику и уверенно поднялся в кабину. Тут они с пилотом и обменялись приветствием под шум заработавших лопастей. Минут через пять тяжелая винтокрылая машина взмыла в воздух и взяла курс к горам.

Вертолет оказался старый, герметичность никудышная, и шум в пилотской стоял невозможный. Они едва слышали друг друга, но все же несколькими фразами успели перекинуться.

— Сколько лететь до Аксая?

— Минут сорок, не больше, но сейчас попутный ветер, и я думаю уложиться в полчаса. Вы ведь опаздываете? Я могу вас прямо у правления высадить...

— Не знаю, как тебе удобно. Можно у какого-нибудь поста при въезде в Аксай. Говорят, он со всех сторон шлагбаумами перекрыт.

— Да, шлагбаумы — страсть хана, не хуже Гитлера забаррикадировался, бетонных бункеров под землей понастроил. От кого тaitся? Но я вас у поста ссаживать не стану, там любого незнакомого человека вопросами замучают, а если станете права качать, могут и ударить, нукеры у него всегда руки распускают... Уж лучше я вас прямо перед правлением объединения высажу. Там, возле памятника Ленину, хан частенько сидит, думу великую думает.

Летели высоко, и Сухроб Ахмедович почти все время видел петляющий серпантин дороги, ведущей в Аксай, и насчитал уже три ряда охраняемых шлагбаумов. На посту у въезда охранник увидел, что вертолет летит в поселок, и тут же кинулся в будку, оповестить кого-то о неожиданном госте, появившемся в небе Аксая.

Последнее не осталось незамеченным и пилотом. Он прокомментировал:

— Видели, как шустро нырнул человек в чапане в сторожку: видимо, разгадал, что кто-то летит в Аксай, а это уже ЧП, сюда прибывают только по особым приглашениям. Таков незыблемый порядок, установленный для всех ханом Акмалем.

— Да, гости все уже в Аксае, а меня, конечно, с воздуха не ждут, — ответил как можно беспечнее человек из ЦК, подтверждая версию Шавката, ему не хотелось настораживать пилота.

Показалась длинная тополияная аллея. Поселок еще спал, но в некоторых дворах на огородах уже копошились люди, копали картошку.

— Вот и прилетели,— сказал пилот, и Сухроб Ахмедович сразу увидел и величественный памятник Ленину, и помпезное здание правления агропромышленного объединения с башней-пристройкой в торце. Он знал, что это грузовой лифт, в который хан Акмаль въезжал на машине и поднимался на четвертый этаж. Сенатор не удивился бы, если б ему сказали, что у лифта хана дожидались носилки под балдахинном с четырьмя дюжими членами партии. Сенатор ведал, что попал в королевство кривых зеркал. Вот и просторная площадь, она явно не по масштабам поселка. Вот айван, где хан любил думать великую думу о судьбах края, о том, как жить по-ленински. Над нею и завис вертолет, и через минуту Сенатор уже стоял на айване покрытом дорогим ярко-красным ковром.

Сухроб Ахмедович помахал пилоту. Вертолет с ревом взмыл вверх и развернулся к хлопковым полям.

Акрамходжаев увидел, как от здания управления спешат к нему два человека. Помедлив, он сошел с айвана, неловко было стоять на текинском ковре ручной работы в грязных башмаках. Стараясь не глядеть в сторону приближающихся людей, Сенатор достал сигареты и не спеша закурил. «Официальный визит начался»,— попытался он подбодрить себя шуткой и отогнать ощущение нарастающей тревоги.

Те двое уже приблизились к нему.

— Ассалом алейкум,— почти хором сказали они. Сенатор сделал вид, что только сейчас их заметил. Наверное, его невозмутимость произвела хорошее впечатление на этих крепко сбитых мужчин в добротных заморских костюмах и мягких удобных шевровых сапогах. Оба осклабились, показав полные золотых зубов рты.

Сухроб Ахмедович знал, что хозяин Аксая был консервативен в отношении моды, носил порою полувоенный френч и сапоги из мягкой козлиной кожи. Естественно, такого же стиля придерживались его вассалы.

— Ваалейкум ассалом,— приветливо ответил он и на всякий случай поздоровался с ними за руку. На ночных сторожей они не походили, хотя он понимал, что на Востоке определить положение человека по внешнему виду — задача безнадежная. Тут живут по иным законам, что называется, «окнами во двор».

Из-за кустов вынырнул аккуратненький, поджарый старичок, весь в белом, и, безмолвно поставив на край айвана поднос с чайниками и горячими лепешками, тут же исчез из виду, точно растворился. Золотозубые мужчины жестом пригласили гостя к столу. В дальнем углу просторного айвана углом лежали мягкие атласные курпачи и тугие подушки, и в этот угол вписывался клетчатый дастархан, прикрытый двумя слоями марли. Один из мужчин сдернул марлю.

и перед ранним гостем предстал живописный натюрморт: ваза с фруктами, конфетницы, хрустальные чаши с колотым орехом и миндалем в глубоких индийских чашах из меди, три закрытые фарфоровые масленницы, в которых обычно подают мед к орехам, сметану к лепешкам и варенье из инжира или дынь.

Сенатор сразу почувствовал, как сильно он проголодался за время дороги, потому без особых церемоний снял обувь и занял предложенное у дастархана место. Как только разместились на прохладных курлачах, сделали «оминь», хозяева стали разливать чай. Пили чай с фруктами, ели обжигающие лепешки с густой домашней сметаной и медом, время от времени обмениваясь необязательными любезными фразами. Сенатор понимал, что никакие конкретные вопросы эти люди ему задавать не станут. Он хорошо разбирался в восточной этике и событий не форсировал. Но все же чрезмерная сдержанность хозяев удивила прокурора: как не спросить хотя бы, кто ты такой и зачем пожаловал, у человека, в прямом смысле свалившегося с неба на святое место у памятника Ленину. «Силен Восток, сильны люди хана», — подумал Сенатор, не спеша отхлебывая прекрасный китайский чай «лунь-цзинь». Воду для самовара, как сообщили хозяева, доставляли специально из горных родников.

Между тем солнце уже поднялось, на улицах Аксая появились люди. Иные, пробегая мимо правления, с любопытством поглядывали на людей, сидевших на священном месте. Старичок в белом появлялся дважды, меняя быстро пустеющие чайники. Он не проронил ни слова. Может, глухонемой, подумал Сухроб Ахмедович. В королевстве кривых зеркал глухонемая обслуга была бы очень кстати.

Постепенно в поведении хозяев начала проявляться некоторая нервозность. Они все чаще делали паузы в завязавшейся необязательной беседе. Наверное, скоро должен был объявиться настоящий хозяин, хан Акмаль, и один из сотрапезников Сенатора в конце концов спросил:

— Как прикажете доложить?

Прокурор неторопливо достал из верхнего кармашка твидового пиджака хорошо отпечатанную визитную карточку на мелованном финском картоне и молча протянул хозяевам.

Искушение заглянуть в нее было велико. Сухроб Ахмедович читал это по глазам, но человек, который принял у него из рук карточку, удержался от соблазна и, до конца выдерживая восточный церемониал, сказал:

— Вы извините, мы должны оставить вас. Скоро прибудет хозяин. А вы отдохайте, пейте чай. Если захотите покушать, кликните Сабира-бобо, он вмиг организует шашлыки из печени или мяса. Каждый день на рассвете мы свежем барана, зарезали и сегодня. Так что не стесняйтесь, — и учтивые сотрапезники, пятясь, отошли от айвана.

Как только затих скрип двух пар сапог, гость немного расслабился.

Он достал из кармана сигареты, зажигалку и положил рядом на пустую тарелку из английского сервиза со сценами охоты. Потом отыскал взглядом среди заставленного дастархана пепельницу и придвинул ее поближе к себе.

Солнце начинало пригревать, утренняя свежесть прошла, он поспешил снять пиджак и, оглянувшись вокруг, сладко потянулся.

За завтраком они сидели чинно, по-восточному скрестив ноги. Дома у Сенатора все было поставлено на европейский лад, и такая пощадалась ему с трудом. Оставшись один, он с удовольствием вытянул ноги и сгреб под себя подушку, такая вольность, наверное, еще допускалась. Тут чтит традиции, и любая промашка оценивалась бы как неуважение к хозяевам. «Не задремать бы», — подумал он и закурил.

Сладкий дым табака из Вирджинии привычно успокаивал, настраивал на размышления, но что-то сковывало его изнутри. Не было привычного ощущения раскованности. «Неужели на меня так действует воздух Акса», — улыбнулся прокурор, но чувство тревоги не покидало, хотя причин для волнения пока не было, его встретили вполне любезно.

Хотелось мысленно отрепетировать хотя бы несколько первых фраз для хана Акмаля, но ничего путного в голову не приходило. Сухроб Ахмедович придвинул к себе чайник. Он оказался пустой: беспокоить молчаливого старика ему не хотелось. Он на всякий случай оглянулся, но высокие стены тщательно подстриженной и ухоженной живой изгороди, оплетенной еще и ярко цветущей лоницерой вокруг айвана, не позволяли ничего увидеть. Тем большим оказалось его удивление, когда через несколько минут перед ним вновь возник Сабир-бобо и безмолвно поставил чайник. Не успел он кивком головы поблагодарить старика, как тот опять незаметно исчез. Еще больше он поразился, когда, налив себе чай, обнаружил, что заварили такой, какой ему хотелось — черный: в Ташкенте все-таки отдают ему предпочтение, хотя пьют и зеленый.

Скоро он услышал шум и увидел, как по площади со свистом пронеслась черная «Волга». Наверное, хан Акмаль пожаловал на службу, подумал гость. Сиявшая лаком машина подъехала к башне пристройке, и он слышал, как со скрежетом распахнулся грузовой лифт, и лимузин исчез в его чреве.

Рабочий день в стране чудес начался.

Прокурор не спеша допил чай, затем выкурил еще одну сигарету и сошел с айвана. Он надеялся, что сейчас его сотрапезники доложат о визите неожиданного гостя с вертолета, и его пригласят в управление. А может быть, к нему поспешит и сам директор агропромышленного объединения, все-таки он — человек из ЦК.

Гость не спеша прохаживался вдоль стены живой изгороди, изредка незаметно поглядывая в сторону управления, куда беспрестанно входили и выходили люди. Он понимал, что за ним могли

наблюдать из окна. Никто к нему не спешил, не окликал. Так прошло довольно-таки много времени. Акрамходжаев, не выдержав, даже несколько раз поглядывал на часы. С тех пор как директор явился в свою резиденцию, прошло больше часа.

«Спокойно, спокойно», — твердил себе Сенатор, с беспечным видом вышагивая вокруг айвана. Дымить он перестал, чтобы не дать понять, что волнуется, хотя курить хотелось. Он вполне допускал, что у хана Акмаля могло быть совещание или какие-нибудь срочные дела. А может быть, в экстренном порядке наводили справки о нем, звонили в Ташкент. Так прошагал он еще час и, устав, вновь забрался на айван.

Как только он удобно расположился на мягких курпачах, перед ним опять возник Сабир-бобо, он принес огромный медный поднос, где на большой тарелке из того же английского сервиза со сценами охоты истекали жиром горячие, только с мангала, шашлыки. Рядом стояла другая, более глубокая тарелка с мелко нашинкованным репчатым луком, посыпанным красным корейским перцем. Были на подносе и две румяные, еще хранящие жар тандыра лепешки.

«Наверное, это значит, что меня еще не скоро примут», — подумал прокурор и принялся за еду. Шашлыки выглядели вполне аппетитно. Он пожалел лишь о том, что оставил фляжку с коньяком в машине, сейчас она приехала бы кстати...

Баранина оказалась молодой, нежная, наверное, ее жарили на саксауле, и повар знал свое дело. В Ташкенте этого почти не делают, но остались кое-где мастера в Ферганской долине — видимо, один из таких и обслуживал привередливого хана Акмаля. Чуть позже безмолвный старик принес глубокую чашку с острым салатом аччик-чучук и два чайника чая.

«Кормят здесь прилично», — с иронией отметил про себя прокурор, тайком посматривая в сторону правления, но там о его визите вроде как и забыли, хотя айван у памятника хорошо просматривался из окон четвертого этажа. «Загнал я себя в тупик, — рассуждал Сенатор, — ведь теперь обратно дороги нет». Страха он не испытывал, да и раздражение прошло, мелкое чванство хана даже позабавило его тем, что тот так очевидно выставял свои слабости. Сегодня ли, при его положении, выдерживать полдня на площади заведующего отделом административных органов ЦК?

Акрамходжаев сразу почувствовал свое превосходство над человеком, въезжающим на четвертый этаж в черной «Волге». Да-да, совершенно очевидно, что ни совещание, ни срочные дела здесь ни при чем. Это была мелкая тактика, блажь, желание подаять гостя, мол, знай, к кому приехал. Наверняка он по старинке думает, что я приехал к нему за советом или помощью, а может, даже за благословением на пост, думал прокурор, спокойно попивая чай.

Когда он закончил с шашлыком, вместе с безмолвным стариком появилась молодая девушка. Она принесла кумган с тазиком, и гость

вымыл руки. Девушка тщательно прибрала дастархан, поставила свежие фрукты и даже ваза с цветами появилась. Убрыв посуду, она через некоторое время вернулась с пачкой газет. Сенатор перекинул ее с девушкой несколькими ничего не значащими фразами. Разговаривая с ней, он держался, как всегда, раскованно — знал, ее потом будет подробно расспрашивать о самочувствии гостя.

Газеты оказались недельной давности. Большинство из них, за исключением местных, прокурор читал. Он лениво перебирал страницы, незаметно поглядывая на четвертый этаж управления, поблескивавший свежевывмытыми стеклами, и заметил, что время от времени то к одному, то к другому окну подходили люди и смотрели в сторону памятника. Конечно, их интересовала не штампованная скульптура Ленина, зовущего массы трудящихся вперед.

Прошло уже два с лишним часа.

Солнце припекало, и на айване становилось душно, тень от скульптуры вождя сдвинулась правее. Акрамходжаев не таясь посмотрел на часы и подумал, что если через полчаса никто не подойдет и ничего не прояснится, то он встанет и попытается уехать из Акса. Наверное, жест его истолковали правильно, отпущенное на испытание время истекло, минут через двадцать он опять услышал знакомый скрип сапог, и у айвана появился улыбающийся как ни в чем не бывало один из утренних сотрапезников.

— Извините, дела, хлопоты. Я доложил о вашем приезде, Сухробака, но директора срочно вызвали по депутатским делам в обком, и он выехал в Наманган. Перед отъездом Акмаль-ака распорядился принять вас как следует.

— Как выехал? От управления машина не отъезжала, я бы заметил, — строго сказал Сенатор.

— Извините еще раз, вы у нас впервые в Аксае и не знаете, что попасть в наше здание, как и выйти из него, можно разными путями, да и черных «Волг», скажу вам по секрету, с одинаковыми номерами несколько, иногда они сбивают людей с толку. Хозяин сказал, что будет ужинать с вами. Пойдемте, я отвезу вас в гостевой дом. Отдыхайте с дороги, искупайтесь, сейчас как раз к вашему приходу сменили воду в бассейне и включили прогреться финскую сауну.

Прокурор вспомнил, что ему рассказывали, как хан любит путать свои следы без видимой причины, наверное, затем, чтобы держать свой народ в вечном страхе. Говорили, иной раз в поселке появлялся его двойник, который подолгу сиживал на айване, перебирая четки, а сам хан в это время находил где-нибудь в Москве на сессии Верховного Совета или уезжал в гости к своему другу Шарафу Рашидовичу.

— Ну, что ж, поехали, — сказал он.

Продолжение следует

ПОД ЗЕЛЕНОЙ ЗВЕЗДОЙ ЭСПЕРАНТО

Июль 1887. Варшава. Литография Х. Кетлера. Именно здесь появилась на свет небольшая брошюра, на титульном листе которой значилось: «Д-ро эсперанто. Международный язык. Предисловие и полный учебник. (для Русских).» Книжечка содержала алфавит, шестнадцать грамматических и синтаксических правил, перевод молитвы «Отче наш» и словарь на 918 корней.

Автором книжки был никому не известный тогда врач-окулист Людвик Заменгоф.

Идея создания международного языка, нейтрального, который бы стал ключом к взаимопониманию всех народов, в то время не только витала в воздухе, но уже была воплощена в реальность. Проект Заменгофа был не первым. Однако лишь его детищу — эсперанто — суждено

было стать единственным реально функционирующим языком, на котором говорили и говорят многие и многие тысячи людей во всем свете.

Понимая что под лежачий камень вода не течет, Заменгоф денно и ночью трудился над пропагандой и рекламой своего проекта, применив даже такой рекламный прием: его первая книжка была снабжена открыткой, на которой было написано: «Я, подписавшийся, обещаю, что я выучу международный язык Доктора Заменгофа, если окажется, что десять миллионов человек подпишут это же обещание». Когда десять миллионов откликов будет получено, все имена будут опубликованы, и эсперанто, таким образом, должен был автоматически получить десять миллионов приверженцев.

Усилия Заменгофа не пропали даром. Мало-помалу число сторонников нового языка множилось. Среди множества скептиков находились и энтузиасты-подвижники. Зародилось и окрепло эсперанто-движение. Эсперантисты атаковали и ангажировали в свои ряды многих знаменитых людей того времени, среди них значились и члены царской фамилии, и Лев Толстой, который писал примерно следующее: «После двух часов занятий я мог если не говорить, то во всяком случае свободно читать на эсперанто». Да, эсперанто действительно уникальное творение человеческой мысли. Замысел создания этого универсального языка изыскан настолько, что буквально каждый изучающий эсперанто ловит себя на мысли — «как все просто!» О самом языке писать не буду, это отдельная тема, лучше всего познакомиться с эсперанто в процессе его изучения. Моя цель — заинтриговать читателя настолько, чтобы он оставил все сомнения и немедленно приступил к изучению эсперанто.

История эсперанто интересна и во многом драматична. В том числе и в нашей стране. Но это тоже отдельная тема. Скажу лишь, что начиная с шестидесятых годов усилиями энтузиастов эсперанто-движение в СССР становится на ноги. Эсперантистам не мешали, но и не помогали. И, может быть, именно благодаря тому что все решали энтузиасты, среди эсперантистов так много интересных людей. Не буду рассказывать и об истории эсперанто

в СССР — кто заинтересуется, узнает сам. Что на сегодняшний день? А на сегодняшний день ситуация такова: в мире существует множество организаций, ассоциаций, объединений по интересам, просто эсперантисты-любители. Трудно сказать сколько, всемирной переписи эсперантистов никто не делал, но очень много. Достаточно для того, чтобы были рентабельными многочисленные журналы и газеты, выходящие на международном языке. Чтобы доходными были издающиеся на эсперанто книги, особенно оригинальные, чтобы работали радиостанции. Да, да, Варшава, Берлин, Ватикан, Вена, Пекин, Вильнюс — пожалуйста!

Недавно, в 1987 году, эсперанто исполнилось сто лет. Юбилейные конгрессы Универсальной Эсперантской Ассоциации проводились на родине эсперанто, в Варшаве. А неподалеку, в Кракове, — конгресс Всемирной эсперантистской молодежной организации, на котором довелось быть автору этих строк и достаточно большой группе молодых эсперантистов из СССР. Я впервые тогда попал на международный конгресс. Это здорово! Тысяча человек в одном зале, из десятков стран и всех континентов, и все, все прекрасно понимают друг друга без переводчиков! При этом самой молодежной Организации работает такое уникальное подразделение, как «Паспорт-сэрво». Организаторы ее издают ежегодный сборник адресов эсперантистов, которые добровольно, бесплатно на какое-то время пре-

доставляют свои жилища для других эсперантистов, приезжающих в эту местность. Важно, чтобы ты говорил на эсперанто и заранее известил хозяев о своем прибытии. Имея на руках такой адресник, можно свободно путешествовать, например по всей Европе. Это интереснейшее начинание, и для него, мне кажется, огромное поле в нашей стране!

Чем занимаются эсперантисты у нас? Рассказать — не хватит всей годовой площади «Мы». Коротко — большое количество клубов эсперантистов, особенно много молодежных. Различные организации и ассоциации в последнее время растут как грибы. Прежде была одна всесоюзная, претендующая на организующую и направляющую силу. Теперь нет такой. Все объединяются и разъединяются как хотят и с кем хотят. В больших городах по несколько клубов эсперантистов. Никто никому не мешает, никто ничего не навязывает. Эти клубы и ассоциации организуют встречи, слеты, летние лагеря. В последнее время стало модным приглашать зарубежных эсперантистов. И приезжают! С большой охотой. И многие-многие наши эсперантисты ездят теперь за рубеж сами. В составе ли групп или по личным приглашениям, полученным от своих зарубежных друзей.

Да, это очень увлекательно, и потому — одно из главных реальных применений эсперанто — международная переписка. Хорошо, кому в Москве, тут клубов много, пожалуйста. А если

провинция, если нет клуба? Как выучить и куда потом применить эсперанто? Вопрос. К счастью, эсперанто — единственный язык, который достаточно эффективно можно выучить заочно. Чем мы и занимаемся. Идея заочных курсов столь же стара, как и сам эсперанто. Решили и мы попробовать. Первое время просто рассылали статьи об эсперанто по всему Союзу во все районные газеты. Приходили отклики. После появилось несколько публикаций во всесоюзных изданиях. Со всей страны посыпались просьбы. Когда появилось достаточно много учащихся и подыскивать каждому зарубежного корреспондента стало трудоемко, мы собрали несколько сотен адресов из десятков стран под одной обложкой, поместили туда адреса всех наших слушателей с указанием возраста и интересов, рекомендациями по ведению международной переписки, расписанием радиопередач и предложили учащимся: пожалуйста, выбирайте сами что нравится.

Успех превзошел все ожидания: весь тираж разошелся мгновенно. Мы получили массу благодарных откликов за то, что смогли найти нашим слушателям друзей по переписке, в том числе и... в нашей стране! Да, да! Этого мы не ожидали и цели такой специально не ставили. Без всякой инициативы с нашей стороны ребята сами стали писать друг другу. Они, конечно, писали и за границу. Но и внутри страны ничто не мешало им воспользоваться услугами нашего «Адресника».

И это прекрасно: ведь наша страна сама по себе так огромна и интересна, как много самых разных стран. Нам удалось установить контакты с журналом «Эсперанто в США», и его редактор специально для учащихся наших курсов зарезервировал места для публикации их адресов в Америке, причем с чисто американской деловитостью написал мне в письме, чтобы публикация в «Эсперанто в США» была как

бы поощрением, стимулом для успешной учебы. Что мы и делаем, на сегодня опубликовано уже несколько десятков адресов наших отличников за океаном. «Адресников» вышло уже три номера. У ребят, которые обратятся к нам после чтения этого материала, есть шанс попасть в четвертый!

Словом, эсперанто — увлекательный мир человеческого общения!

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Где можно выучить эсперанто?

esperanto

la lingvo por ni!

**ЛУЧШЕ ВСЕГО
НА НАШИХ КУРСАХ!!**

Пишите нам: 620067, Свердловск, а. я. 132. Эсперанто.

И вам немедленно будет выслана
подробная информация о порядке обучения и оплаты.

Желаем успехов!

СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ КОНВЕРТА

Костя ДОВГОДУШ, 18 лет
г. Реутов Московской области

* * *

Я шагаю по проспекту,
Светит мне в лицо прожектор,
Мир серьезен, словно лектор,
Только я один смеюсь.
И хочу, чтоб снова в лето
Мне досталось два билета,
Чтобы обернуться где-то
И сказать, что я вернусь.

Так пойди, не зная броду,
Не надеясь на погоду,
Окунаясь в грязь и воду,
Душу в память обратя;
Поклоняясь пепелищам,
Хоть проходят мимо тыщи,
И монету кинуть нищим —
Помолитесь за меня.

Я не знаю, в чем есть счастье,
В бойне, солнце иль ненастье,
Знаю, что огонь не гаснет,
Если в топке есть дрова,
И поэтому шагаю,
Что-то, может быть, ломаю,
Возвожу и оставляю,
А в итоге: жизнь — слова.

Лиза ЖЕРЕБЦОВА, 14 лет
г. Симферополь

РАЗНОЦВЕТНОЕ ПЯТНО

Серый вечер, серый снег,
Серый-серый белый свет,
Серый-серый — целый мир,
И сквозняк из серых дыр.

И, как в мир другой окно, —
Разноцветное пятно:

Рыжий вечер, желтый пляж,
Белых чаек ералаш,
Море синее вдали,
Голубые корабли,
Луг зеленый, весь в цветах,
Ты с ромашкою в зубах,
И малиновый закат...

Но нельзя вернуть назад
Пять коротких ярких дней,
Вечер в радуге огней,
Куст кизила над рекой
И негромкий голос твой,
Долгий взгляд из синих глаз...

Разделило время нас.

Лена МОИСЕЕВА, 15 лет
г. Кострома

* * *
Послезавтра наступит весна,
И уедешь ты вслед за весной,
И по талому снегу одна
От вокзала вернусь я домой.
Буду жить — от письма до письма,
Буду ночью смотреть на луну.
А у нас почтальоны в дома,
Как газеты, разносят весну.
Мне такая судьба не страшна,
Потому что другой просто нет.
Послезавтра наступит весна.
Ты заранее взял свой билет.

* * *
Ты не жди ни обид, ни упреков.
Я тебя не окликну: «Вернись!»
В черной шали стоит на дороге
Одинокая странная жизнь.
Не целуй меня больше. Не надо.
Я устала от жаждущих глаз.
Из-за темной чугунной ограды
Кто-то пристально смотрит на нас.
Ты не жди. Продолженья не будет.
Лучше ласково вслед улыбнись.
А снега постепенно остудят
Одинокую странную жизнь.

Алена КОСЕНКО, 16 лет
г. Воронеж

* * *
Я умею любить, и умею я лгать,
И умею забыть — не умею прощать.

Не от мира сего я взяла это зло.
А такой рождена — просто не повезло.

Я умею и мстить, и умею страдать,
Не умею винить, но умею прогнать.

Не от мира сего я взяла этот крик.
Я такой рождена — я живу только миг.

Я умею жалеть, не умею предать.
Зашумит свод аллея... Что еще мне сказать?

Не от мира сего я взяла эту грусть.
Я такой рождена.
Ну и пусть...

Катя **МАРКОВА**, 16 лет
г. Омск

* * *

*Боль листком обгорелым
Полощется на ветру...
Счастье написано мелом,
А вдруг случайно сотру?*

*Счастье — это блудница:
То с одним, то с другим...
Колет оставленных лица
Горя клубящийся дым.*

*Радости дождь отгремевший
Смыл меловую строку.
... Боли листок обгоревший
Ветер рвет на суку...*

Василь **ЯСТРУБ**, 17 лет
г. Киев

ОБИТАТЕЛИ БЕРЛОГ

*Несмотря на прошедшее время,
До сих пор меня гложет страх,
Когда я вспоминаю детство,
Что прошло в проходных дворах.
Мы росли и окрепли в подвале,
Что был площадью шесть на пять.
Мы берлогой подвал назвали —
Лучше мы не могли сказать.*

*В этой жизни из тревог
Очень трудно одному.
Обитатели берлог
Без труда меня поймут.
Каждый цепи разорвал,
Каждый сделал все, что смог.
...Вновь уходят в свой подвал
Обитатели берлог.*

*Опасаясь берлоги нашей,
Кто-то жалобу написал,
И огромный замок украсил
Этот маленький наш подвал.
Но на это мы наплевали,
Мы — хозяйева, нам решать!
Через день мы замок сломали,
И вошли в свой подвал опять.*

*Если полоса из драм
В жизни встретится тебе,
То берлога скрасит нам
Одиночество в толпе.
Забывая все вокруг,
Убегая от тревог,
Вновь уходят в свой подвал
Обитатели берлог.*

Наташа **УВАРОВА**, 14 лет
г. Дзержинск
Нижегородской области

* * *

*Ворчанье вскрывшейся реки
И беспокойный крик ворон
Моим желаньям вопреки
Смешались в странный, мутный сон.*

*Мельканья незнакомых лиц,
Калейдоскоп чужих сердец.
А я мечтаю среди них.
Так кто я? Где я, наконец?*

*В ответ — молчанье, тишина.
Все растворяется во тьме.
Я остаюсь совсем одна,
Запутавшись в своей судьбе.*

*Хочу очнуться ото сна,
Хочу вновь силы обрести,
И в бесконечной дымке дня
Хочу я вновь себя найти.*

Беседа с Главой
Российского
Императорского Дома
Великим Князем
ВЛАДИМИРОМ
КИРИЛЛОВИЧЕМ

«Я ИСПОЛНЮ СВОЙ ДОЛГ...»

Сегодня много и подробно пишут о страшной участи, постигшей последнего Государя и его семью в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля (все даты здесь и ниже приводятся по новому стилю) 1918 года.

За месяц до этого — первым из императорской фамилии — погиб брат Николая II великий князь Михаил Александрович (который до рождения царевича Алексея был наследником престола и в пользу которого отрекся Государь): вме-

сте со своим верным секретарем Н. Джонсоном, англичанином родом, он был расстрелян в окрестностях Перми в ночь на 13 июня. Тела их были брошены в доменную печь Мотовилихинского завода.

На следующий день после убийства царской семьи, в ночь на 18 июля, по дороге из Алапаевска на Синячиху совершилось зверское убийство великой княгини Елизаветы Федоровны (сестры Государыни), великого князя Сер-

Публикация глав из книги американского историка Роберта К. Мэйсси «Николай и Александра» вызвала большой интерес. Мы получили много писем, в которых читатели делятся своими впечатлениями, уточняют отдельные факты, имена и даты, высказывают свое отношение к прочитанному. Наряду с этим в письмах содержатся просьбы рассказать подробнее о Российском Императорском Доме, о том, как сложилась судьба ближайших родственников последнего русского царя, есть ли наследники русской короны, как они относятся к тем переменам, которые происходят в нашей стране.

Журналист Александр Радзихевич спросил аудиенции у главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича и попросил его ответить на эти вопросы.

гея Михайловича, князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей (сыновей великого князя Константина Константиновича, поэта, в русской литературе известного под инициалами К. Р.) и самого молодого из них — 21-летнего князя Владимира Палея. Все они, вместе с двумя монахинями, сопровождавшими настоятельницу Марфо-Мариинской обители великую княгиню Елизавету Федоровну, были зверски избиты прикладами и сброшены живыми (огнестрельная рана в голове была позднее обнаружена только у великого князя Сергея Михайловича) в шахту.

Шахту забросали гранатами. Засыпали землей. Говорят, что великая княгиня Елизавета Федоровна, перекрестившись, бросилась в шахту сама. На груди ее нашли потом икону Спасителя, подаренную ей Государем. Он молился перед ней, решив подписать отречение. На голове князя Иоанна была обнаружена перевязка, сделанная великой княгиней из носового платка.

Местный крестьянин, застиг-

нутый сценой этого злодеяния, больше суток не осмеливался выйти из леса и рассказал потом, что из-под земли долго слышали глухие голоса и церковное песнопение.

30 января 1919 года (по другим источникам — 28-го) во дворе Петропавловской крепости были расстреляны великие князья Павел Александрович (сын Александра II), Николай Михайлович (известный историк), его брат Георгий Михайлович и Дмитрий Константинович. Перед казнью их, по свидетельству врача тюремной больницы, заставили рыть себе могилы. Великий князь Дмитрий Константинович громко молился о спасении душ своих палачей. Великий князь Николай Михайлович был расстрелян с любимым персидским котом на руках.

Строго говоря, род Романовых в мужском колене прервался со смертью 14-летнего императора Петра II (умершего от оспы в Москве в 1730 году), сына царевича Алексея Петровича и принцессы Шарлотты-Христины-Со-

фии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, т. е. внука Петра Великого от первого брака с Евдокией Федоровной (Лопухиной). Но в России не было салического закона (согласно которому корона передается лишь в мужском колене), как во Франции, например. Поэтому (после Анны Иоанновны, номинального 13-месячного правления младенца Иоанна VI Антоновича и 20-летнего — день в день! — счастливого царствования Елизаветы Петровны) престол, с воцарением сына дочери Петра Великого — Петра III, перешел к Гольштейн-Готторпской линии Романовых: не имевшая официального наследника императрица Елизавета призвала в Россию сына своей сестры Анны от брака с герцогом Карлом-Фридрихом Шлезвиг-Гольштейн-Готторпским.

После гибели прямых наследников императоров Александра III и Николая II право на престол, по старшинству, перешло к мужскому колону, идущему от Александра II.

У императора Александра II Николаевича от брака с императрицей Марией Александровной (урожденной принцессой Гессен-Дармштадтской) было шесть сыновей и две дочери. Старший сын, наследник престола Николай, умер от менингита в возрасте 21 года в Ницце в 1865 году.

Второй сын — Александр — вступил на престол в 1861 году, после цареубийства на Екатерининском канале, под именем Александра III (его старшим сыном был Николай II).

Третьим сыном Александра II был великий князь Владимир Александрович (1847—1909), бывший главнокомандующим Петербургского военного округа и войсками гвардии. Великий князь был меценатом и первым, кстати, финансировал «русские сезоны» С. Дягилева. От его брака с великой княгиней Марией Павловной (урожденной герцогиней Мекленбург-Шверинской) у него было четверо сыновей. Старший, Александр, умер в младенчестве. Второй сын, Кирилл, родился в Царском Селе 12 октября 1876 года. В 1905 году великий князь Кирилл Владимирович женился на Виктории-Мелите, принцессе Великобританской и Ирландской (дочери герцога Альфреда Саксен-Кобург-Готского и великой княгини Марии Александровны), ставшей в православии великой княгиней Викторией Федоровной (1876—1936).

У них было две дочери, Мария и Кира, и единственный сын — ВЛАДИМИР — правнук Александра II в мужском колене, нынешний Глава Российского Императорского Дома.

В 1917 году великий князь Кирилл Владимирович переехал с женой в Финляндию. В 1922 году принял звание блюстителя русского престола, а 31 августа 1924 года объявил себя императором, присвоив своим детям великокняжеский титул. Кирилл Владимирович скончался под Парижем 13 октября 1938 года. Погребен с супругой в Кобурге, в семейной усыпальнице герцогов Кобург-Готских.

13 августа 1948 года в Лузанне их сын великий князь Владимир Кириллович сочетался браком с Леонидой Георгиевной, урожденной княжной Багратион-Мухранской, дочерью наследника грузинского престола Георгия XIII и Елены Злотницкой, происходящей из дома графов Новина-Злотнических.

Великая Княгиня Леонида Георгиевна родилась в Тифлисе 23 сентября 1914 года. 23 декабря 1953 года в Мадриде у великокняжеской четы родилась единственная дочь Мария, являющаяся сегодня официальной наследницей Великого Князя. От брака с принцем Францем-Вильгельмом Прусским у Великой Княгини Марии Владимировны есть сын — Георгий, соединивший в себе кровь российского и германского императорских домов — Романовых и Гогенцоллернов.

3 мая этого года в Париже Великий Князь Владимир Кириллович и Великая Княгиня Леонида Георгиевна сооблаговостили ответить на мои вопросы.

А. РАДАШКЕВИЧ: Ваше Императорское Высочество, в одних источниках говорится, что великий князь Кирилл Владимирович, Ваш отец, переехал с женой и двумя маленькими дочерьми в Финляндию летом 1917 года; а в воспоминаниях великого князя Александра Михайловича, только что опубликованных в СССР, сказано, что во время революции Ваш отец перешел пешком замерзший Финский залив, неся на руках беременную жену, а за ними гнались большевистские разъезды... А

в августе в имении Эттер, расположенном в местечке Хайко, возле города Борго, родились Вы.

Расскажите, пожалуйста, о том, как Ваши родители оказались в Финляндии, и об их дальнейшей жизни на Западе.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ: Мои родители смогли покинуть тогдашний Петроград, когда у власти было Временное правительство. Они переехали в Финляндию вместе с моими сестрами Марией и Кирой. Моя мать была как раз в ожидании меня в это время. Я родился, как Вы сказали, уже в Финляндии, которая тогда была еще русской территорией. Поэтому я могу все-таки сказать, что родился в России, в Российской империи во всяком случае... И пробывали они там до 1920 года. Продолжалась война, а потом были трудности с въездами и сообщениями.

Но в 1920 году им удалось выехать. И они переехали через Германию и Швейцарию на юг Франции. Там они провели первую зиму. А летом 1921 года переехали в то имение, которое купили (и которым я до сих пор владею) в Сен-Бриаке, в Бретани. С тех пор Бретань стала нашим домашним очагом за границей.

Что касается выезда родителей в Финляндию, то это произошло следующим образом. Мой отец, как известно, тогда командовал Гвардейским экипажем. Это была единственная морская единица, имевшая ка-

тегорию гвардии. И одновременно, поскольку мой отец был адмиралом, под его командованием находилась береговая охрана на подступах к Санкт-Петербургу. Когда стало ясно, что помочь он уже ничем не может (а моя мать уже была в положении), он решил попросить отпуск. Так это и произошло.

А то, что пишут о замершем заливе, насколько я знаю, — это легенда. Конечно, в те тревожные дни переезд был связан с некоторым риском. Но я знаю, что им удалось перевезти в Финляндию достаточное количество нужных вещей, в том числе, например, столовое серебро. Это доказывает, что переезд не был бегством. Я знаю это хотя бы потому, что уже позднее, в 50-х годах, когда один испанский дипломат встретился в Финляндии с директором банка, тот сказал ему, что у него есть вещи, принадлежавшие великому князю Кириллу Владимировичу и что он хотел бы их передать его наследнику. Это было для нас чем-то вроде свадебного подарка от моих родителей.

— 15 марта 1917 года Государь Император Николай II подписал отречение от престола за себя и своего сына в Пскове. В тот же день в подмосковном селе Коломенском произошло явление иконы Божией Матери Державной...

— Да, у этих двух событий связь самая тесная. Как сказано в акафисте этой иконы,

Великий Князь Кирилл Владимирович, ставший после кончины Николая II Главой Российского Императорского Дома.

она явилась «в дни лютых скорбей и злых обстояний». Богородица изображена на ней держащей скипетр и державу — символы царской власти. Конечно, от воли Божией будет зависеть, когда Она вручит их России.

— Как Вы относитесь, Ваше Высочество, к причислению к лику святых императора-мученика Николая II, царской семьи, великой княгини Елизаветы Федоровны и погибших с ними слуг?

— Я отнесся к этому событию чрезвычайно положительно, с полным одобрением.

Великая Княгиня
Виктория Федоровна,
супруга
Великого Князя
Кирилла Владимировича.

Как вы знаете, это коснулось не только наших близких родственников — Императора и его семьи: наша Церковь за границей причислила к лику святых целый сонм новомучеников. Я считаю, что эта канонизация во многом способствовала началу тех перемен, которые мы сейчас наблюдаем в самой России.

— Какое впечатление оставили у Вашего Высочества люди из Советского Союза, которых Вы встречали, по сравнению с западными людьми? Как Вы полагаете, исчез ли окончательно прежний тип русского че-

ловека и заменил ли его гомо советикус?

— Я убежден, что исконный тип русского человека (хотя гомо советикус был, безусловно, создан и в какой-то степени существует) в самой глубине души нашего народа по-прежнему жив. Это впечатление мы оба с Великой Княгиней вынесли из многочисленных встреч с приезжавшими из Советского Союза. Причем это были люди из самых разных слоев современного общества и из разных частей России.

— Кажется, у Пьера Жильяра приводится одна печальная фраза императрицы Александры Федоровны. Наглый охранник спросил Государыню, разговаривавшую с детьми по-английски, не разучилась ли она говорить по-русски. Императрица посмотрела на него и ответила: «Русские стали не верны».

Сегодня это тот же народ, что семьдесят три года назад позволил изменникам и самозванцам сесть себе на шею, позволил пролить августейшую кровь. Какие чувства у Вас, Ваше Высочество, вызывает этот народ-страдалец и народ-злодей? Не заслужил ли он те испытания, которые выпали на его долю?

— Я глубоко убежден, что невозможно винить потомков за то, что творили их отцы. Это и против моих христианских принципов и вообще бессмысленно. Не приходится сомневаться, что русский народ страшно пострадал во время революции и позднее — от ее

последствий. Мое сердце болит за этих людей, как и за моих родственников, потерявших тогда жизнь — и совершенно зря, и несправедливо.

Что касается ощущения вины русского народа, то такого чувства у меня нет. Я склонен смотреть на трагедию нашего народа с большим сожалением и с душевной болью, когда я думаю обо всем происшедшем и о том, что, возможно, ему еще предстоит пройти до того момента, когда наше отечество сможет вернуться к нормальному образу жизни. На это теперь появились большие надежды. К прежнему, во всяком случае, возврата нет.

Ощущения обиды по отношению к народу у меня никогда не было и, насколько я могу судить, не было его и у моих родителей, переживших происшедшее гораздо ближе меня. Я благодарю Господа Бога, что у меня это ощущение абсолютно отсутствует, потому что жить с чувством обиды или с желанием мести было бы невыносимо.

— Сегодня в Советском Союзе под хоругви Православной Церкви, под знамена монархизма, кроме чистосердечных приверженцев императорской России, встают из своих личных, политических или карьерных соображений и правые, и бывшие коммунисты, и новые экстремисты разного толка...

— Явление это вполне понятное. При всяких больших переменах люди разделяются

на тех, кто искренне их приветствует, и тех, кто питается любыми средствами укрепить свои позиции и занять выгодное положение. Так бывало во всех подобных ситуациях. Я был живым свидетелем тому в других странах. Это явление, можно сказать, человеческой слабости. Главное, что всегда находится люди твердых принципов. И с такими я уже встречался.

— Вы поддерживаете, Ваше Высочество, связь с монархически настроенными кругами в Советском Союзе?

— О монархических настроениях в самых разных кругах общества я, конечно, знаю. Мне пишут многие: я получаю по три-четыре письма в день. Раньше это было немыслимо. Это началось после интервью, появившегося в «Огоньке». Характерно, что большая часть этих писем — от людей сравнительно молодых или совсем молодых... Мне приходилось и раньше встречаться во Франции и в Испании с учеными, с деятелями культуры — в чужих, конечно, домах, не у меня. Некоторые из этих контактов я поддерживаю до сих пор.

— Как Вы, Ваше Высочество, отнеслись к идеям, высказанным недавно Александром Солженицыным в его эссе «Как нам обустроить Россию»?

— Я не совсем согласен с некоторыми мыслями этого, условно, крупного и глубокого писателя. Его главная идея

в том, что можно «обустроить» Россию даже при известном распаде той империи, которую мы знали... Я считаю, что высказывать это не было нужно, даже если он убежден в том, что так должно случиться. Я верю, что этот распад еще можно избежать.

Мне приходилось встречаться с живущими в тех частях нашей бывшей империи, которые стремятся отделиться, и я ясно понял, что суть их стремлений в желании отделиться от коммунизма, освободиться от него. И если бы центральное правительство оказалось в какой-то момент некомунистическим (вовсе не обязательно, чтобы это была монархия), то этим странам, частям или областям (назовайте, как хотите) было бы гораздо выгоднее остаться внутри такого конфедеративного союза или империи, или — в чем-то, подобном британскому Commonwealth (Содружеству наций — А. Р.).

Если они отделятся, это будут сравнительно небольшие государства, которым сразу же, с самого начала, придется просить у других стран денежной помощи. А начинать свою жизнь с крупных долгов, с экономической зависимости всегда невыгодно.

Я согласен со многими мыслями Солженицына. Но это его личное мнение о желательности такого распада. Я не согласен был с необходимостью его высказывать... Даже прибал-

тийским республикам, думаю, было бы выгодно остаться с Россией, несмотря на их более тесные связи с Западом, завязавшиеся между Первой и Второй мировыми войнами. Многие из тех прибалтийцев, с которыми мне довелось разговаривать, были совершенно согласны с этим (думаю, не из желания доставить мне этим удовольствие). Сотрудничество с крупным и могущественным государственным организмом, существующим уже столько столетий, — целиком в их собственных интересах.

— Если когда-нибудь состоится Ваш визит в Россию, хотели бы Вы, Ваше Высочество, встретиться с Михаилом Горбачевым или с Борисом Ельциным?

— Не только бы хотел, но, думаю, это было бы необходимо. Потому что мне не представляется мой визит в Россию возможным без согласия на то главы государства, власть предержащих.

— Подобный визит может быть только официальным или это может произойти частным порядком?

— Только официальным. Вы знаете, как печально все сложилось с поездкой румынского короля недавно. Он отправился частным образом, на частном самолете и с иностранным паспортом. И его на пути из аэропорта остановили и попросили вернуться в Швейцарию. Решение о его поездке было опрометчивым или он получил неправильную информацию.

Допустить такой промах было бы нежелательно, так как в политической жизни это полезным быть не может.

— Оспаривает ли кто-нибудь права Вашего Высочества на императорский престол?

— Это было, конечно, и есть. Оспаривали в свое время и права моего отца. Но все это граничит с абсурдом, поскольку наши государственные законы и семейные традиции совершенно недвусмысленны и точно определяют порядок престолонаследия. Поэтому все претензии основаны на неблагоприятных мотивах.

— Вы, безусловно, слышали, Ваше Высочество, о сенсационных заявлениях Гелия Рябова. Что Вы думаете по этому поводу?

— Сообщения о его находках вызвали во мне, естественно, большой интерес. У меня даже возникли контакты — не непосредственно с Рябовым, но с людьми из его окружения.

Но пока все это не конкретизировалось, и я, увы, не совершенно уверен в обоснованности его заявлений. Не могу составить по этому поводу определенного мнения, поскольку не располагаю достаточными данными.

— Позвольте спросить, Ваше Высочество, каковы Ваши домашние привычки, вкусы, увлечения? Как обычно распределяется Ваш день?

— Мой день занят главным образом — теперь более, чем когда-либо — перепиской, поддержанием контакта с соотеч-

ественниками (раньше это были почти исключительно русские, живущие за пределами России — по всему миру) с тем, чтобы быть готовым послужить родине, если представится такой случай.

Сейчас, конечно, контакт с Россией стал практически свободным. Письма я получаю чрезвычайно интересные и трогательные. Молодежь высказывает откровенно свои мысли, часто очень здоровые, спрашивает у меня советов — как поступать, как смотреть на вещи, на прошлое и на будущее. Мой долг — ответить каждому, чтобы не разочаровать чистосердечно обратившегося ко мне человека. Я стараюсь ответить всем. Некоторым приходится ждать довольно долго, но, слава Богу, мы до сих пор удавалось отвечать всем — раньше или позже. Для меня этот живой контакт очень важен и ценен. И я все прошу оставаться со мной в связи.

— Настроения у пишущих Вашему Высочеству в основном монархические?

— Не только, нет-нет. Некоторые просто прямо говорят, что они не за монархический строй, но что ничего враждебного по отношению к монархии не испытывают. (Я беру настроение писем в общем, конечно.) Есть, разумеется, и убежденные монархисты. Но главное, что эти люди стремятся как-то помочь нашей родине. Это чувство и мной руко-

водит с самых ранних лет. Надеюсь, что эти контакты будут и дальше развиваться.

Я попросил у Его Высочества позволения привести адрес, по которому к нему можно обратиться:

Grand Duc Vladimir de Russie
«Ker Argonid»
35800 St. Briac-sur-Mer
France

В этот момент в гостиную, где происходила беседа, вбежал черноволосый мальчик — Великий Князь Георгий, уезжавший с матерью на несколько дней в Мадрид и бывший в восторге от своих успехов в английском. При знакомстве он с великолепным гортанным «х» произнес свое отчество — Михайлович.

— Занимаетесь ли Вы, Ваше Высочество, охотой?

— Мне немало приходилось заниматься этим, когда я был моложе. Но потом все менее и менее, потому что мне не нравится убивать животных. В молодости об этом меньше думаешь и воспринимаешь как чистый спорт. Но я с большим удовольствием стреляю в мишень в тире или на стрельбище дробовиком.

— Составилось ли у Вашего Высочества впечатление, что из-за всех бытовых трудностей в России люди там сейчас ожесточились до крайности?

— Да, это, к несчастью, так. Но оно и понятно. Когда человеку предоставляются новые возможности и у него появ-

ляются надежды и когда эти надежды осуществляются не сразу, возникают разочарования и обиды. Эта реакция не совсем оправданна, потому что нужно понимать, до какой степени это колоссальная задача — выправить экономическое положение России. Не приходится удивляться, что власть имущим пока не удалось даже накормить всех досыта. Видны и многие просчеты в их мероприятиях. До некоторой степени это и простительно, поскольку они все же пробуют.

— Перейдем теперь, если позволите, к последнему вопросу.

Ваше Императорское Высочество, Вы — наследник престола самой большой и потенциально, может быть, самой могущественной державы в мире — последней империи, занимающей шестую часть земной суши.

В наши дни, когда, как говорит Александр Солженицын, «часы коммунизма — свое отбили», когда изверившийся и изголодавшийся народ доведен до отчаяния, когда почти каждое обращение советских лидеров к Западу — это унижительная просьба о помощи, когда партия по-прежнему (или по-новому) изо всех сил цепляется за власть, — что Вы думаете о будущем Вашей страны, Вашего народа, о будущем монархии в России?

— Я, конечно, — улыбнулся Великий Князь, — очень много что думаю о нашей стране, ее

настоящем и будущем. Совершенно понятно, что я всем сердцем надеюсь, что сравнительно скоро она сможет выйти из этого тупика — и экономического, и политического. Главная моя надежда — что в какой-то момент я мог бы, повторяю, оказаться нашей родине полезным. Это всегда было целью моей жизни. Это было целью жизни моих родителей. В этом духе они меня воспитали.

Если настанет момент, в скором или далеком будущем, когда наша династия будет снова призвана на царство, у нас всегда будет законный наследник, воспитанный в сознании своего положения и обязанностей: я исполню свой долг, моя дочь исполнит свой долг, мой внук исполнит свой долг.

Говоря шутливо, я всегда придерживался скаутского девиза «Будь готов». Это единственное, чем мы можем практически оправдать наше существование здесь, за границей. Я имею в виду всех, кто оказался в подобном положении — и королей, потерявших свой престол, и тех, кто никогда на престоле не был.

Что касается монархии, я склонен думать, она может принести большую пользу и как система могла бы разрешить многие вопросы и затруднения сегодня.

У монарха большое преимущество перед выборными политическими деятелями, поскольку монархи готовятся с са-

мого раннего детства к этой конкретной профессии. Весь это действительно необычайно серьезная, необычайно трудная профессия. Их преимущество в том, что они не зависят ни от каких партий: они над политическими партиями. Таким образом, они могут быть высшими арбитрами между различными группировками и слоями общества.

Являясь, по традиции, хозяином своей земли (хотя, конечно, лично ему она не принадлежит), монарх, совершенно естественно, заботится о благосостоянии этого большого организма, каким является государство. Чем лучше он это делает, тем больше ему и его роду это вменяется в достоинство и тем больше его личное удовлетворение. Все это тесно взаимосвязано и увеличивает его интерес к работе, которой он занят всю жизнь.

— Монарх выступает (что в случае России особенно, может быть, важно) и в роли отца нации...

— Да, безусловно, к такому человеку — после всех разочарований — люди могли бы испытывать доверие, стремились сплотиться вокруг него.

Когда люди поверят в его независимость от кого бы то ни было, может родиться снова это доверие, эта симпатия и любовь.

— Это то, что происходит в наши дни в других странах Европы. Например, в Испании, во

время последней попытки военного переворота...

— Именно. Это было прямое доказательство того, какого престижа может достичь в глазах народа человек на троне, не имеющий фактически никакой власти. Ведь у короля Хуана Карлоса почти нет никаких прав. Английская королева по закону располагает гораздо большей властью.

— Вы имеете в виду ее право вето?

— Да. Она никогда почти им не пользуется, но по конституции последнее слово, в случае крайней необходимости, остается за ней...

Короли являются воплощением национальной гордости. Это живая эмблема, объединяющая, как флаг, национальные чувства и возводящая их на определенный пьедестал.

Что касается судьбы России, я не хочу заниматься чистым гаданием. Монархия для нашего отечества — это отнюдь не фантастика. Она связана неразрывно с Церковью, а в стране идет совершенно очевидное религиозное возрождение. Эти два полюса — независимая Церковь и независимый монарх — обычно объединяются.

— Какие пожелания, Ваше Высочество, Вы хотели бы высказать сегодняшней молодежи — юношам, девушкам, стоящим на пороге своей судьбы?

— В первую очередь я же-

лаю им не забывать, что они русские и несут полную ответственность за будущее своей страны. Я глубоко надеюсь, что они станут тем здоровым элементом, благодаря которому удастся нашу страну опять поставить на ноги и вернуть к человеческому образу жизни.

Я обратился с несколькими вопросами к присутствовавшей Великой Княгине Леониде Георгиевне.

— Ваше Императорское Высочество, я прошу Вас рассказать об отношениях великокняжеской семьи с царствующими европейскими фамилиями и с королями из тех стран, где сейчас монархии нет.

— Кроме официальных отношений, которые мы поддерживаем со всеми королевскими дворами, мы очень дружны с болгарской царской семьей, с итальянской, албанской, бельгийской и португальской королевскими фамилиями. Но, пожалуй, самые тесные отношения у нас с болгарской и испанской августейшими семьями.

Самые близкие наши родственники — семья английской королевы. Личный контакт с ней у нас всегда был. Что касается исполнения официальных функций, то им это было раньше всегда затруднительно из-за присутствия советского посла.

— Какой Вам, Ваше Высочество, представляется возможная форма монархии в сегодняшней России?

— Конечно, об абсолютизме не может идти речи сегодня. Главное, чтобы она была тесно связана с православной верой... Сейчас невозможно сказать, что будет нужно для страны. Мы посвятим себя полностью ее судьбе. Но реакция людей на происходящее непредсказуема. Мне, может, это даже легче понять: я там училась, жила.

— В каком возрасте Вы покинули страну, Ваше Высочество?

— В 16 лет.

— Ваша родина — Грузия. Эта республика недавно провозгласила свою независимость. Что Вы думаете, Ваше Высочество, о грозящем распаде империи, созданной русскими государями?

— Думаю, единственный

выход для всех народов России — освободиться от коммунизма. Только это может остановить распад страны. В этом меня убедили и все контакты с приезжавшими соотечественниками.

— Успеет ли в таком случае коммунизм уйти прежде, чем страна распадется?

— Боюсь, что Россию ждет гражданская война. Возможно, как следствие диктатуры.

— В феврале 1984 года умерла Анна Андерсон, выдававшая себя за чудом уцелевшую великую княжну Анастасию Николаевну. Были ли другие самозванцы? Что руководило этими людьми?

— Самозванцев всегда было много. Было очевидно, что окружавшие эту женщину люди верили, что императорская

Молодым читателям журнала
"Мы" мой дружеский привет.
Надеюсь, они никогда не забудут,
что будущее нашей Родины в
их руках!

Владимир

Париж —

Май 1991 г.

семья оставила деньги в английском банке. А ведь Император как патриот первым перевел эти деньги в Россию в самом начале войны, считая, что и другие должны поступить так же.

Неверно говорят, что это были его личные деньги. Это были государственные деньги для нужд войны, державшиеся у союзников России.

Интересно, что однажды сын бывшего президента одной южноамериканской страны спросил у нашего знакомого, правда ли, что Великий Князь не вывез из страны капитала... Как же это может быть? Мой отец, говорил он, был президентом всего 10 или 12 лет и все в нашей семье миллионеры. А эти дураки были 300 лет у власти и остались без всего...

Ему это было дико. А нам как раз непонятно другое отношение к вещам.

Великий Князь: В отношении Анны Андерсон. Она должна была прежде всего поехать к своей бабушке, императрице Марии Федоровне, жившей в Дании и никогда в сердце своем не верившей, что ее сын погиб вместе со всей своей семьей. Казалось, поезжай к ней и дело будет решено. Однако она на это не осмелилась, хотя была в Берлине, в нескольких часах езды от Дании.

— Прошу Вас, Ваше Высочество, рассказать о Вашем внуке — Великом Князе Георгии Михайловиче. Когда и где он родился? Где он учится? Кто его учителя?

— Он родился в Мадриде 13 марта 1981 года, ему уже 10

лет. Он учится в большом частном колледже в Париже. Ходит в Свято-Александро-Невский собор для изучения Закона Божия и русского языка. Кроме того, два раза в неделю он занимается с русской дамой. Он говорит еще по-испански, по-французски и по-английски. Любит спорт, модели самолетов и автомобилей, животных.

— **Какие принципы положены в основу его воспитания?**

— Те же принципы, в каких родители воспитали Великого Князя, а мы — нашу дочь. У нас в Сен-Бриаке мы оформили для него специальную комнату. Это и его детская, и музей — с иконами, портретами, оружием, военной формой.

Два года тому назад к нему подошел в школе один мальчик и сказал: «Мне папа велел с тобой дружить, потому что ты будешь когда-нибудь президентом Франции...» На это Георгий ответил: «Я не думаю, что могу стать президентом, но то, что буду когда-нибудь Императором всероссийским — это возможно».

— **Вернемся, если позволите, Ваше Высочество, к Вашей семье.**

— Моим родителям удалось выехать из Союза. Нам помогли выехать Горький и Шаялин, которые оба начали свою карьеру в Тифлисе, и наша семья им много помогала.

Мой дедушка был расстрелян в Кисловодске. Отец несколько раз сидел в тюрьме. Се-

стра провела девять лет на Колыме.

Все, кто был вызван, отказались против отца показывать. Так его любили.

Мы выехали с матерью первыми в 1933 году. Отца нам удалось выкупить в 1935 году: стране нужна была валюта. Они оба скончались в Мадриде. Английское посольство в Испании разрешило нам их похоронить на кладбище, которое было создано вдовой знаменитого кутузовского генерала Багратиона, вышедшей замуж за английского посла в Петербурге, назначенного позднее в Мадрид.

— **Как обычно проходит год в семье Вашего Высочества? Поддерживаете ли Вы отношения с местными жителями?**

— Раньше мы обычно проводили лето в Сен-Бриаке, а зиму — в Испании. Но теперь, чтобы не расставаться с дочерью и внуком, проводим много времени в Париже, встречаем с ними все главные православные праздники.

У нас очень трогательные отношения с жителями Сен-Бриака. Они поставили памятник матери Великого Князя. А два года назад мэр города предложил назвать дорожку, ведущую к нашему дому, Великокняжеской (*Chemin du Grand Duc*). И все без исключения проголосовали за это.

Материал подготовил и вел беседу
Александр РАДАШКЕВИЧ

Париж

Кира СИНУ

ВЕЛИКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с греческого Ольги ПАТРУНОВОЙ

СТАРЫЙ ДРУГ

— Это ты, Спирос? — спросил профессор Викетас, подняв глаза от бумаги, на которой он что-то писал. — Давненько тебя не видели. Какими судьбами в наших краях?

— Ты же знаешь, Кирьякос, я все время в разъездах на своем автобусе. Только что вернулся из Пелопоннеса. А что мне еще остается делать? Надо же как-то зарабатывать на жизнь. Но, если говорить откровенно, такая жизнь мне нравится. Я ведь путешествую по всему свету и с кем только не встречаюсь. Это мне по душе. А знаешь, зачем я пришел? Говорят, Антонис приезжает.

— Да, приезжает. Он уже закончил аспирантуру в Америке. Пора и домой.

— Как я рад за него! А когда он приезжает? Хотелось бы встретиться с ним — ведь мы когда-то были неразлучны.

— Да, в школе. Как же, помню... Он приезжает в конце месяца и пока будет жить у нас. Позвони как-нибудь.

— Обязательно. Интересно, какой он теперь.

— Не волнуйся, остался таким же, как и был, несколько не изменился. Я уверен, он тоже будет рад тебе. Не забудь, в конце месяца.

— Не забуду. Это исключено, — Спирос улыбнулся и направился к выходу.

— Рад был тебя видеть, Спирос, — сказал Викетас, проводив его до порога. — Антонису будет очень приятно, когда он узнает, что ты все еще его помнишь.

— Будешь ему писать — передавай привет. Пока, Кирьякос, — сказал Спирос и вышел.

— Пап, а кто это приходил? — на пороге гостиной показался худенький русоволосый мальчик лет двенадцати.

— С каких пор ты стал таким любопытным, Христос? — поинтересовался доктор. — Тут столько народу бывает, но ты никогда еще не задавал таких вопросов.

— Он разговаривал с тобой запанибрата — видно, что не больной, к тому же и не твой друг, друзей, по-моему, я всех знаю. И потом, мне показалось, что он хорошо знаком с дядей Антонисом.

— Ты угадал, он не больной. Этот молодой человек — однокашник дяди Антониса и когда-то был его близким другом. Но учился Спирос через пень колоду, с трудом получил аттестат, и на этом его учеба закончилась. Антонис же поступил в университет, стал врачом, и их пути разошлись. Спирос откуда-то узнал, что твой дядя после аспирантуры возвращается домой, и зашел спросить, когда он приезжает. Знаешь, я даже немного разволновался. После стольких лет...

— Как знать, папа, может быть, ему что-нибудь нужно от дяди?

— Не думаю. Спирос всегда очень любил Антониса. К тому же он никогда не гонялся за выгодой. Просто соскучился. Думаю, Антонис тоже обрадуется...

— Пап, а у тебя разве нет сегодня приема? — спросил Христос, взглянув на стенные часы.

— Да, между прочим, который час? Ты прав, я опоздал. Мне надо бежать. Христос, передай маме, что я ушел. Ведь я ее сегодня уже не увижу, — сказал профессор и, заглянув в кабинет, взял сумку и поспешно вышел.

А Христос вприпрыжку поднялся по лестнице в свою комнату. Через пару секунд он был уже в гостиной, которая вместе со столовой занимала почти весь второй этаж особняка. В руках у него было несколько долгоиграющих пластинок. Христос поставил одну из них и, включив проигрыватель на полную мощность, устроился, задрав ноги, в одном из обитых бархатом кресел, которыми страшно гордилась его мама. Вскоре стены затряслись от современной музыки.

— Это «Пинк Флойд»? — спросила его сестра Даная, просунув белокурую головку в полуотворенную дверь.

— Тебе нравится? Это их новая пластинка, я купил ее на деньги крестного.

— А папа ушел? — прервала его девочка, моргая большими черными глазами.

— Стал бы я так громко включать музыку, если бы он был дома!

В эту минуту распахнулась дверь и в комнату влетела коренастая блондинка.

— Вы что, с ума сошли? Почему так громко? Ваш отец не может работать при таком шуме!

— Мама, я больше не буду,— спрыгнув с кресла, извинился Христос.— Кстати, папа просил предупредить тебя, что вернется поздно.

— Я сто раз тебе говорила, чтобы ты не забирался с ногами в эти кресла. Это же кресла твоей прабабушки. А почему отец так поспешно ушел?

— Пришел какой-то друг дяди Антониса и задержал его. Спрашивал, когда вернется дядя.

— Да? Все уже об этом пронюхали. А кто это был?

— Какой-то Спирос.

— Спирос? Что-то не припомню.

— Папа сказал, что он когда-то учился вместе с дядей Антонисом.

— А, это Спирос Кандидис. Он действительно учился с твоим дядей. Хороший парень. Только после школы куда-то пропал.

— Папа сказал, что Спирос был не в ладах с науками и не пошел учиться дальше.

— Обычная история. Кто-то учится, а кто-то отстаёт... И все-таки я бы хотела встретиться со Спиросом. Он очень хороший парень.

ДЯДЯ АНТОНИС

В аэропорту было полно народа. Люди самых разных национальностей входили и выходили из огромных залов; у одних на лицах было написано нетерпеливое ожидание, другие изнывали от скуки. Туристы из Европы в белых шортах и рубашках, обвешанные крест-накрест фотоаппаратами; женщины с выгоревшими волосами, с лицами и руками цвета вареного рака — так они поджарились на солнце; негры — некоторые в безупречных европейских костюмах, другие — в живописных национальных одеждах; кое-где мелькали разноцветные дорогие сари смуглых красавиц из Индии.

Повсюду чемоданы и сумки, узлы и картонки, поспешно сваленные в кучу. Христос и Даная, перепрыгивая через них, пробирались в буфет. Пройдя через все залы, они забрались на высокие табуреты бара, съели по куску пирога с сыром и побежали на террасу к родителям.

Профессор и его жена уже давно устроились здесь и ждали, когда же, наконец, приземлится самолет компании «Олимпиаки». Госпожа Наталья взяла из рук мужа бинокль и стала вглядываться в небо.

Самолеты прилетали один за другим. Они неожиданно появля-

лись на горизонте, как крошечные самолетики в настольной детской игре, затем, заполняя своим ревом небо, исчезали за постройками аэродрома, чтобы вновь появиться, но на этот раз уже тихо и бесшумно, с видом ручных зверей, которых кто-то тащит за собой на веревочке.

— Кирьякос, самолет! — вдруг закричала госпожа Наталья.

— Наталья, они же все время прилетают. Ты ведешь себя как ребенок! Когда-нибудь и наш прилетит.

Однако на этот раз госпожа Наталья была права. Черная точка, которая привлекла ее внимание, вскоре превратилась в огромную белую птицу с четырьмя моторами — самолет «Олимпиаки». Не успел он приземлиться, как к входному люку подкатила передвижная лестница и вскоре изнутри высыпался целый людской муравейник.

— Вот он! Это он! — вне себя от радости закричала госпожа Наталья и отчаянно замахала рукой.

— Ну-ка, жена, дай мне бинокль, — с кислым лицом сказал профессор и тоже внимательно посмотрел на путешественников. — Ты права, это он! Пойдемте подождем внизу.

— Время еще есть. Пока он пройдет через таможенную, наступит вечер.

Первыми нагруженного чемоданами дядю Антониса встретили дети.

— Дядь, дай я что-нибудь понесу, — закричал подбежавший к нему Христос.

— А я возьму эту сумку, чтобы тебе не было тяжело, — сказала Даная.

— Это вы, мальши? — засмеялся Антонис. — Однако я оплещал, — добавил он, окинув взглядом своих племянников. — Вы уже вовсе не мальши и, ей-Богу, я бы вас не узнал, если бы вы сами ко мне не подбежали. Вы стали совсем большие.

— Да ладно уж, скажешь тоже, — Христос ответил ему широкой улыбкой. — Не так уж давно ты видел нас в последний раз. Пойдем найдем маму с папой. Они очень тебя ждут.

Поговорить они смогли только когда сели в машину. Профессор, сидевший за рулем, взглянул на брата. Среднего роста, но очень плотно сложенный, Антонис казался старше своих лет. Серые глаза освещали его широкое смуглое лицо. Куда девалась прежняя улыбка, которая когда-то так часто слетала с его губ? Америка приняла его ребенком, а вернула обратно зрелым мужчиной.

— Ты прекрасно выглядишь, Антонис. Как я рад, что ты опять с нами.

— И я рад, Кирьякос, что навсегда вернулся в Грецию, хотя там у меня было много заманчивых предложений.

— Ничуть не сомневаюсь, — вмешалась в разговор госпожа На-

талья.— Я слышала, что в Америке крупные компании охотятся за мозгами даже среди студентов.

— Это не преувеличение, Наталья. Если ты хоть чего-нибудь стоишь, все двери перед тобой открыты. Но я не стремился в Америку. Получив стипендию, я поехал туда, чтобы закончить аспирантуру, а вовсе не за тем, чтобы там остаться.

— Дядя, а ты учился на нейрохирурга? — спросила Даная.

— Да, детка, у нас с твоим отцом одинаковая специальность. Разница только в том, что у меня более узкая специализация. Я занимаюсь исключительно мозгом.

— То есть, дядя, ты будешь делать операции на мозге? Это же так сложно!

— Сложно и ответственно, детка. Но честь быть на этом пути первопроходцами принадлежит не нам, современным хирургам. Это очень древнее искусство.

— Ты хочешь сказать, что такие операции делали и раньше? — удивился Христос.

— Именно так, — ответил Антонис. — Трепанация черепа известна с древнейших времен, еще с каменного века. Трепанированные черепа находят во многих точках Европы, Малой Азии и Египта. Когда впервые обнаружили такие вскрытые черепа, ученые предположили, что эти операции делали на мертвых, с тем чтобы вынуть у них мозг в обрядовых целях. Но позднее было доказано, что операции проводились на живых людях, так как во многих случаях оперированная кость зарастала, ткань почти закрывала дырку в черепе, а это означает, что больной был жив не только в момент операции, но выжил и вылезился.

— От этого с ума сойти можно! Люди каменного века!

— Больше всего информации нам дали находки в Перу, — сказал Антонис. — Там было найдено свыше десяти тысяч трепанированных черепов. Кажется, хирурги древнего Перу знали, как, вскрыв череп и удалив опухоль, осколок кости или сгусток крови, которые мешают мозгу, вылечить больного. Сохранился, например, череп, судя по которому, больному был нанесен сильный удар по голове, затем ему сделали две трепанации, и он выжил.

— Ну, да! — Христос был поражен. — В жизни не слышал ничего подобного.

— Во многих могильниках были найдены инструменты, с помощью которых делали подобные операции. Они сделаны из обсидиана, а в более позднее время — из меди. Обнаружили даже бинты, которыми пользовались врачи той эпохи.

— Но, дядя, тогда же еще не знали антибиотиков? Как же могло выжить столько больных?

— Это как раз одна из многих тайн, которыми окутаны такие операции. Благодаря чему могло выжить такое количество людей?

Что делали хирурги древнего Перу, чтобы избежать кровотечений и заражения крови? Каким образом пересаживались кусочки кожи, которые они снимали с головы до трепанации? Есть еще много других вопросов, которые до сих пор остаются без ответа... Это заставляет нас еще больше восхищаться древними хирургами и преклоняться перед ними,— добавил профессор.

— Антонис, мы приехали,— прервала их госпожа Наталья, когда машина свернула в переулок.

— Да, вот мы и дома! — радостно закричал Антонис.— Как я соскучился по нашему дому. Хорошо на чужбине, там можно многому научиться, но как временами не хватает дома!

— Добро пожаловать в отчий дом! — сказал Викетас, открывая дверь.— Желаю тебе удачи на родной земле!

РЕФРИЖЕРАТОР

В тот день Христос пришел из школы раньше обычного. Он все время думал о дяде — таком знакомом и в то же время незнакомом человеке. Как и многие другие дети, Христос обязательно должен был кем-то восхищаться и брать с него пример. Теперь его кумиром стал Антонис. Христос буквально обожал дядю и старался все время быть рядом.

Антонис же души не чаял в племяннике. Он чувствовал восхищение мальчика, его радовало твердое стремление Христоса пойти по стопам отца и его собственным.

Войдя в холл, Христос уловил отрывок разговора, который происходил в тот момент в кабинете профессора. Дверь оставалась полуотворенной, и оттуда доносились голоса отца и дяди:

— ...По-настоящему, Кирьякос,— услышал он голос Антониса,— меня интересует только исследовательская работа. В Америке все свободное от учебы время я проводил в лабораториях. Профессоры меня очень любили. Иногда я даже думаю, что совершил ошибку, не оставшись там и не посвятив себя тому, к чему чувствовал призвание.

— Почему же ты этого не сделал?

— Я колебался. Думал, что мой долг служить родине, что мое место здесь. Хотя, возможно, там я мог больше пользы принести науке.

Антонис на минуту умолк, а затем добавил:

— Я провел там одно исследование на свой страх и риск и, кажется, мне удалось добиться ожидаемого результата.

— Почему ты в этом не уверен? Ты же должен был поставить эксперименты и проверить себя.

— В том-то и дело, что я не мог этого сделать. Я, конечно, поставил несколько опытов на животных и их результаты меня

буквально окрылили, но чтобы окончательно убедиться, что я чего-то достиг, мне надо было поставить такой же опыт на человеке... А где я мог найти человека, который согласился бы выступить в роли подопытного кролика в эксперименте, исход которого может оказаться весьма сомнительным?

— Антонис, я тебя не понимаю. Что же это за эксперимент? Неужели он так опасен?

— Да, он может оказаться весьма опасным. То есть жизнь, вероятно, вне опасности, но...

В этот момент в дверь настойчиво и пронзительно позвонили. Христос даже вздрогнул от неожиданности и побежал открывать.

Перед ним стоял полицейский в форме регулировщика уличного движения. Мальчик невольно посмотрел на его руку и убедился, что тот держит в ней блокнот с повестками.

— Здесь живет профессор Викетас? — спросил регулировщик.

— Здесь, — едва слышно произнес Христос. — Это мой отец.

— Он дома? Мне надо поговорить с ним об одном важном деле.

— Минутку, я посмотрю, не вышел ли он, — Христос быстро принял решение и захлопнул дверь перед самым носом у полицейского. Даже не постучавшись, мальчик поспешно вошел в кабинет отца.

— Пап, пришел какой-то полицейский и тебя спрашивает. Может, сказать ему, что тебя нет дома?

Профессор посмотрел на сына и улыбнулся.

— Неужели ты думаешь, что ты тем самым спасешь меня от какого-нибудь штрафа? Нет, мой мальчик. Во-первых, не помню, чтобы за последнее время я что-то нарушил, но даже если и так, он все равно оставит повестку здесь и мне придется потом идти в полицейский участок. Так или иначе, мы ничего не выиграем. Так что пусть зайдет.

Войдя в кабинет Викетаса, регулировщик по-военному отдал честь.

— Добрый день, — ответил на приветствие профессор. — Чем могу быть полезен?

— Господин профессор, вы знакомы с водителем автобуса по имени Спирос Кандидис?

— Спирос Кандидис? Ну, конечно, я его знаю.

— Итак, вы с ним знакомы? Ну, что ж, тем лучше. Тогда я расскажу вам, в чем дело. Некоторое время назад на Национальной магистрали, недалеко от поворота на Халкиду, произошло серьезное дорожное происшествие.

— Авария! — Христос даже подпрыгнул. — Но ведь по радио ничего не передавали!

— Наверное, не успели. Я объясню вам, в чем дело: в окрестностях Афин с утра моросит мелкий дождь. Рефрижератор потерял

управление, и его вынесло на встречную полосу, по которой в тот момент ехал автобус. Водитель попытался затормозить, но асфальт был скользкий, тормоза не сработали, и автобус врезался в рефрижератор.

— Жертв много? — поинтересовался профессор.

— Немало. В автобусе пятеро убитых и еще тринадцать раненых. В рефрижераторе никто не пострадал.

— Да что с ними может случиться в такой машине! — закричал Христос.

— А почему вы мне все это рассказываете? — спросил профессор. — Это имеет какое-то отношение к Спиросу?

— Спирос Кандидис был водителем автобуса. Он тяжело ранен в голову. Мы сразу же отправили его в больницу и попытались разыскать родственников. Кажется, у него никого нет, но в кармане Кандидиса мы обнаружили записку с вашим адресом и телефоном. Поэтому господин директор решил поставить вас в известность, тем более что вы нейрохирург. Может быть, вы смогли бы чем-то ему помочь — вы, наверное, спец в таких делах?

— Положение тяжелое? — спросил Антонис, страшно расстроенный известием.

— Очень.

— Подождите минутку — я только соберусь, и мы тут же поедем.

— Я тоже еду, — сказал Антонис.

У постели тяжелораненного профессор встретился со своим старым однокашником хирургом Рикакисом.

— Рад видеть тебя, Илья. Нам с тобой надо бы поговорить, но сейчас не время. Как больной?

— Ничего хорошего. Лобные доли сильно повреждены. По-видимому, он не был пристегнут ремнями безопасности и при столкновении с рефрижератором ударился головой о лобовое стекло.

— А каков, по-твоему, вероятный исход?

— Я далеко не уверен, что больной выкарабкается, но даже если ему это удастся, боюсь, что он навсегда останется неполноценным.

— То есть вы думаете, он обречен? — спросил Антонис, на котором буквально лица не было.

Профессор сочувственно посмотрел на него.

— Да, Илья, я совсем забыл сказать, что мой брат был однокашником Кандидиса, и в детстве они очень дружили. В общем, сам понимаешь...

— Вы мне позволите осмотреть больного? — спросил Антонис.

— Кстати, мой брат тоже нейрохирург и только что закончил аспирантуру в Соединенных Штатах.

— С большим удовольствием, господин Викетас. Ваше мнение может оказаться чрезвычайно полезным. Сестра, помогите нам...

ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Из больницы они возвращались на машине. Профессор, сидя за рулем, молчал. Этот случай его просто потряс — ведь он знал Спиросе еще ребенком, когда тот, всегда веселый и приветливый, часто приходил к ним в дом как закадычный друг Антониса. Профессор вспомнил, что совсем недавно Спиросе зашел узнать, когда Антонис приезжает. И, кажется, собирался зайти еще, потому-то и нашли у него клочок бумаги с их телефоном...

Антонис сидел рядом и тоже молчал. Профессор украдкой взглянул на брата. Антонис явно был сильно расстроен и что-то напряженно обдумывал.

— О чем задумался, Антонис? — не выдержал Викетас. — Кажется, о чем-то очень серьезном.

— Я думаю... да, ты правильно угадал, об одной очень важной вещи.

— Такой уж и важной!

— То, что занимает меня, Кирьякос, действительно очень серьезно. Думаю, настало время закончить тот разговор, который мы прервали, когда пришел регулировщик с сообщением о Спиросе. Если память мне не изменяет, мы говорили об исследовании, которое я начал проводить в Америке.

— Ты хотел мне что-то рассказать...

— Да. Я хотел признаться, что вот уже много месяцев меня мучает одна проблема. Если бы не Спиросе, а какой-нибудь незнакомый мне человек попал в эту ужасную катастрофу, я бы сказал, что небо вняло моим самым страстным молитвам.

— То есть? Что ты хочешь этим сказать?

— Если бы на месте Спиросе был чужой человек, я без колебаний использовал бы его для своего эксперимента. Так или иначе этот человек был бы обречен. Но речь идет о Спиросе, моем друге детства и однокласснике. Я никогда бы не позволил себе использовать Спиросе в качестве подопытного кролика. Но, быть может, испробовав на нем свое открытие, я смогу помочь ему и спасу от той участи, что его ожидает... Если он выживет конечно; ведь вероятность смерти очень велика...

— Антонис, ты меня пугаешь. Объяснись же наконец.

— Я говорил тебе о своих опытах, но не сказал, чем именно занимаюсь. Ну, что ж, попытаюсь вкратце рассказать, что я делал в Америке. Учеба меня очень увлекала. Наш мозг хранит еще множество тайн, и, как ученые ни старались, никому до сих пор не удалось даже приподнять тот покров, который их скрывает. Я страшно выматывался, физически и умственно, и по вечерам был

способен только на то, чтобы смотреть телевизор. Однажды вечером, когда по телевизору показывали запуск космического корабля на Юпитер, я спросил себя, сможет ли человеческий мозг через несколько лет идти в ногу со своим собственным творением — техническим прогрессом. Ты никогда не задумывался над тем, что за последние сто лет, да что я говорю, за гораздо меньший срок, человек совершил столько открытий и в то же время принес нашей планете такие разрушения, каких она не знала тысячи, если не сказать миллионы лет, с тех пор как человек существует как вид? Ты никогда об этом не думал?

— Вероятно, ты прав, но этот вопрос никогда серьезно не занимал меня. Я уверен, человек может приспособиться к любым условиям.

— Не уверен. Весь этот колоссальный технический прогресс уже начал выходить из-под нашего контроля, а куда это может привести, одному черту известно. Не знаю, приходилось ли тебе когда-нибудь читать научную фантастику?

— Конечно, нет. Времени для ерунды не хватает.

— А ведь далеко не вся она ерунда. Вспомни хотя бы Жюль Верна, который оказался настоящим пророком. Многие из этих книг — гениальные догадки о будущем — темном, покрытом мраком. Предчувствие, что человек превратится в раба машины, сами же изобретенной. Невероятно, конечно, и ужасающе.

— Только не говори мне, что у тебя есть план, с помощью которого ты можешь предотвратить мировую катастрофу, — засмеялся Викетас.

— Не смейся, Кирьякос. Действительно, у меня есть такой план, и я даже думаю, что кое-что мне удалось сделать...

— Говори же, Антонис. Я просто сгораю от нетерпения.

— Эта мысль уже давно занимает меня. Я все время размышлял, изучал этот вопрос, но передо мной как будто стояла непроницаемая стена без окон и дверей, и вдруг однажды пришло озарение. В нашу лабораторию привезли из университетского аквариума тело мертвого дельфина, при жизни славившегося своим умом и сообразительностью.

— Я знаю. Дельфины считаются самыми умными на Земле животными. Некоторые даже думают, что они умнее человека. Не понимаю только, если они действительно так умны, то почему предпочли остаться животными и живут как звери, а не превратились благодаря своему уму в нечто, подобное человеку.

— Может быть, не захотели, именно потому, что такие умные — засмеялся Антонис. — Тот дельфин, о котором я говорю, действительно отличался сообразительностью. Но произошло какое-то несчастие, и он погиб. Итак, нам привезли его для изучения мозга. И когда я вскрыл череп дельфина и увидел его мозг вблизи, меня

осенило. А что если, взяв несколько клеток из мозга дельфина, вращать их с помощью изобретенного мной метода в мозг человека, в те зоны, функции которых нам пока неизвестны?

— А разве не лучше было бы, Антонис, сначала выяснить, каково предназначение этих неисследованных зон?

— Над этим вопросом бьются тысячи ученых. У меня же был другой план. Сначала нужно было вращать клетку, а уже потом идти дальше.

— И тебе удалось чего-нибудь добиться? — спросил профессор, которого чрезвычайно интересовал предмет разговора.

— Думаю, кое-что мне удалось. Я провел опыты на собаках и обезьянах. Все они выжили, а главное — уровень их интеллекта значительно повысился. Обезьяны, например, без труда делали вещи более серьезные, чем те, которым ученые зоологи и антропологи с большим трудом смогли обучить человекообразных обезьян. Они даже научились общаться со мной на языке знаков...

— Ты просто молодчина, Антонис, — сказал профессор, останавливая машину у ворот своего дома. — Почему же ты не опубликовал результаты своего исследования?

— Я не сделал этого по той простой причине, что работа еще не завершена, — ответил Антонис, с легкостью выпрыгивая из машины, — чтобы быть уверенным в результате, я должен поставить опыт на человеке.

Профессор с ключом в руке замер на пороге дома как громом пораженный и посмотрел на брата.

— Если я правильно понял, сейчас ты хочешь поставить опыт на своем друге, почти брате. Иными словами, использовать его вместо подопытного кролика! И тебе даже как будто и не стыдно! — разъяренный, он повысил голос. — Этого я от тебя никак не ожидал.

— Остановись, Кирьякос, — твердо сказал Антонис и дернул брата за рукав. — Разве ты сам сегодня не осматривал Спироса?

— Да, я его осмотрел.

— Разве ты не согласился с врачами больницы? Ведь шанс, что он выживет, почти равен нулю, но даже если это и произойдет, Спирос навсегда останется умственно неполноценным.

— Да, это так, — неохотно согласился профессор.

— То, что я хочу сделать, — не эксперимент. Я хочу попытаться дать ему возможность восстановить свой мозг. Сделав пересадку, вероятно, я смогу спасти его от участи, которая хуже смерти. Кирьякос, ты меня понимаешь? Я не собираюсь использовать своего друга в качестве подопытного кролика. Наоборот, я хочу помочь ему снова стать человеком.

Профессор застыл неподвижно у двери с ключами в руках.

— Если такова твоя цель, — наконец промолвил Викетас, — остается только попытаться. Но как ты собираешься делать опера-

цию? Сохранить ее в тайне ты не сможешь, а говорить о ней не стоит — как бы общественное мнение не выступило против.

— Я уже думал об этом. Сегодня мы осмотрели Спироса и наш его положение крайне тяжелым. В этом мы согласны с лечащими врачами. Может быть, ты как профессор предложишь, в качестве крайней меры, трепанацию черепа, чтобы удалить осколки кости, которые давят на мозг. Операция будет сделана, хотя я лично слабо верю, что она может чем-то помочь Спиросу. Я буду участвовать в ней в качестве твоего ассистента. А когда мы вскроем череп, я пересажу к нему в мозг клетки так, что об этом никто не узнает. Ты одобряешь мой план?

— Ну, что ж, это лучший из всех возможных вариантов, — сказал профессор. — Попробуем его осуществить.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Антонис в белом халате склонился над постелью Спироса. Христос смотрел на него с восхищением. Как ему идет этот халат! Когда-нибудь наступит день, и он, Христос, тоже наденет такой же!

— Как дела у вашего друга, дядя? — шепотом спросил Христос.

— Думаю, лучше, — тоже шепотом ответил Антонис. — А что, интересно, ты делаешь здесь, в отделении реанимации? Кто тебе позволил сюда войти? — сердито добавил он.

— Дядя, я сам вошел. Мне сказали, что ты здесь, и я зашел посмотреть, как идут дела.

— Выйди за дверь и подожди там, — едва слышно произнес Антонис и замер от неожиданности.

Христоса как будто пригвоздили к месту. Взгляд его был прикован к лицу больного.

Лицо Спироса почти сливалось с белоснежным тюрбаном из бинтов. Оно казалось безжизненным. Но вдруг ресницы больного зашевелились. Судорога прошла по лицу, глаза раскрылись. Ничего не выражающим взглядом он окинул комнату, затем глаза его остановились на Антонисе. И тут выражение лица изменилось. Оно ожило, как будто внутри кто-то зажег маленький огонек. Из мертвого лица больного стало живым, Антонису даже показалось, что Спирос узнал его.

— Спирос, — прошептал он, зачарованный, — ты знаешь, кто я? Веки едва заметно подернулись.

— Ты меня узнаешь, дружище? — опять спросил Антонис, волнуясь.

Глаза больного заблестели. Затем взгляд потух, веки дрогнули и закрылись. Спокойствие разлилось по лицу, дыхание стало ровным.

— Он заснул, — пробормотал Антонис и, схватив Христоса за

руку, вывел из палаты. — Ты видел? Чудо свершилось! Мой больной выздоровеет!

— Ты хочешь сказать, что он будет жить?

— Он не только будет жить — если я правильно понял то, что мы сейчас увидели, с интеллектом у него тоже все в порядке. Христос, это же просто чудо! Иначе не скажешь.

Глядя на охваченного восторгом дядю, Христос улыбнулся.

— Так кто же из вас двоих сделал операцию, ты или отец?

— Мы сделали ее вместе, Христос. Один помогал другому. Ты интересуешься медициной?

— Даже очень. Это, наверное, передалось мне по наследству. Ведь и ты, и отец — врачи. Даже дедушка был врачом.

— И между прочим очень неплохим. Тогда это у тебя в крови. Вообще я считаю, что ребенку лучше всего идти по стопам отца, если, конечно, ему интересна его профессия. В наше время, когда столько конкурентов, очень сложно выбрать свой путь в жизни. Если идешь по проторенной дорожке, тебя меньше гложет беспокойство и ты можешь больше дать людям.

— Наверное, ты прав, дядя. Конечно, пойти по проторенному пути — самое легкое. А если этот путь тебе не подходит?

— Если он тебе не нравится, не стоит и вступать на него. Однако очень часто вы, молодые, не можете определить, что именно вас интересует. Как правило, все начинается с эмоций. Вы выбираете что-то совершенно неподходящее и только потом осознаете, что совершили ошибку. Ну, ладно, хватит философствовать. Мне надо бежать к твоему отцу и рассказать ему новости.

С каждым днем Спиросу становилось все лучше. Очень скоро он уже мог садиться на кровати и произносить по нескольку слов. Антонис был всегда рядом и наблюдал за выздоровлением Спироса. Все свободное время он проводил у постели больного.

Однажды утром, войдя в палату Спироса, Антонис увидел, что тот сидит, приподнявшись на кровати.

— Ну, как дела, дружок?

Больной улыбнулся и показал ему на стул.

— Присядь, нам с тобой надо бы поговорить.

— Ну, сел, — ответил Антонис. — О чем же ты хотел говорить со мной?

— Вот уже несколько дней, как я чувствую, что начал выздоравливать. Иногда лежу на кровати с закрытыми глазами — свет меня еще утомляет — а все вокруг ходят на цыпочках, думают, что я сплю. Иногда слышу, как они шепчутся между собой. Знаешь, они обсуждают какую-то необыкновенно сложную операцию, которую вы мне сделали. Говорят, что вам с Кирьякосом я обязан жизнью.

— Ну, уж и жизнью! Это они просто болтают! У тебя были

неглубокие раны на голове, на волосяном покрове, как мы, врачи, обычно называем его, вот мы тебе их и зашили. Работа не бей лежачего!

— Это неправда! Они говорят совсем другое. Расскажи лучше все, как есть.

Взгляд Спироса был таким пронзительным, что молодой врач не выдержал и опустил глаза.

Антонис содрогнулся. Этот человек, смотревший на него так пристально, не мог быть его простым и добрым другом Спиросом. Антонису показалось, что какой-то другой, совсем незнакомый человек сидит напротив и смотрит на него глазами Спироса.

— Почему ты не отвечаешь, Антонис?

Молодой врач опять поднял глаза. Спирос, сидя на кровати, вопросительно смотрел на него. Другой, незнакомый, человек исчез. Антонис вздохнул с облегчением и покачал головой. Что это вдруг на него нашло, почему ему вдруг привиделись какие-то фантастические вещи? Человек, сидевший напротив, конечно же, был его старый друг Спирос, простой и бесхитростный парень...

— Ну, если ты настаиваешь, придется сказать тебе всю правду. Думаю, будет лучше, если ты узнаешь все, как есть. Ты сильно ударился головой, и мы были вынуждены сделать трепанацию, чтобы удалить обломки костей, которые давили на мозг...

— И я мог остаться парализованным или умственно отсталым, — добавил Спирос.

— Да, но откуда ты все это знаешь? — удивился Антонис.

— Думаю, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы прийти к такому выводу, — улыбнулся Спирос. — Это так же просто, как дважды два — четыре.

И снова Антонису показалось, как глазами больного на него иронически взглянул какой-то чертенок.

НЕОЖИДАННОЕ РЕШЕНИЕ

С этого дня состояние Спироса резко пошло на улучшение. Вскоре он вышел из больницы и приступил к работе. На какое-то время семья Викетасов потеряла его из виду и узнавала о его новостях только когда он приезжал в Афины и звонил, а бывало это редко. Но однажды Спирос постучался в дверь их дома.

— Как я соскучился, — сказал он, до боли сжав профессору руку. — К тому же, я хочу еще раз поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали.

— Привет, Спирос! — закричал Антонис, торопливо сбегая с лестницы! — Я как раз сегодня говорил, что ты нас совсем забыл.

— Да разве это возможно! Что ты такое говоришь, Антонис? Разве я могу забыть, что вы для меня сделали? Но я вернулся за

баранку — ты же знаешь, работа заносит меня в разные уголки Европы. Где уж тут выбрать время для визитов!

В этот момент в комнате появилась госпожа Наталья, а из-за ее спины выглядывали Христос и Даная.

— Наконец-то мы тебя дождались, Спирос! — сказала госпожа Наталья, здороваясь со Спиросом. — Давненько тебя не видали!

— Вот видишь, Спирос, как все по тебе соскучились. Ты должен почаще к нам заглядывать.

— А сегодня ты останешься с нами обедать, — добавила госпожа Наталья тоном, не допускающим возражений.

После обеда трое мужчин пошли пить кофе в маленькую гостиную. Когда Христос вошел в комнату, спор был в самом разгаре.

— Если я правильно понял, работа шофера тебя слишком утомляет?

— Да нет, это все ерунда. Я не нахожу работу утомительной. Просто если раньше она мне страшно нравилась, то теперь больше не по душе. Работа меня не удовлетворяет, вот и все!

— А что тебя привлекает? — спросил профессор.

— Я бы хотел заняться медициной и стать врачом!

— Тебе сейчас этого захотелось? — удивился Антонис. — Через столько лет?

— Да, именно через столько лет. Я не могу успокоиться, когда думаю, что вы меня спасли. Ведь я остался в живых благодаря медицине! Нет, — Спирос поднял руку, чтобы ему дали закончить, — я очень хорошо знаю, что вы меня спасли, ведь я был обречен. Я прочел несколько книг по медицине, где описываются случаи, похожие на мой, и знаю, что говорю.

— Ты стал читать медицинские труды, правда, Спирос? — засмеялся Антонис. — В школе, помнится, ты слышать о них не хотел.

— Друг мой, человек меняется. Как известно, многие большие ученые в школе были всего лишь средними учениками, взять, например, Эйнштейна. Но у меня другой случай. Желание учиться появилось у меня после катастрофы.

— И что ты собираешься делать?

— Не знаю. Потому я и решил встретиться с тобой, Кирьякос. Может быть, ты как профессор мог бы мне помочь.

— Помочь тебе? Чем же?

— Помочь добиться допуска к экзаменам, ведь я слишком старый.

— Может быть, что-то и можно сделать. К сожалению, я плохо помню положение об экзаменах. Но я наведу справки. А ты, со своей стороны, должен подготовиться. Через столько лет после гимназии ты, наверное, мало что помнишь.

— Скажи мне, какие взять учебники, и я начну заниматься.

Профессор бросил на Спироса взгляд, полный любопытства.

— Приходи послезавтра, я подготовлю тебе список книг, которые надо прочитать. Но справишься ли ты? Материал большой, а аттестат ты получил много лет назад. Не лучше ли записаться на подготовительные курсы?

— У меня нет на это времени. Я должен работать, а иначе на что жить? Работа моя, как вам известно, связана с поездками. Буду брать с собой книги и в свободное время читать. Что-то же я смогу сделать.

— Тебе виднее. Ты сам принял такое решение, а раз так, садись и расхлебывай.

— Ну, конечно, я знаю, что делаю,— ответил Спирос.— А сейчас мне пора на работу. Засиделся я у вас. Кирьякос, я зайду послезавтра за книгами.

Когда Спирос ушел, профессор вопросительно посмотрел на Антониса.

— Ну, что скажешь?

— Не знаю. Думаю, еще рано делать какие-то выводы.

— О чем это вы тут секретничаете? — спросила Наталья, которая пришла за кофейными чашками.— Может быть, о нашумевшей операции со Спиросом?

Антонис заерзал на стуле и бросил гневный взгляд на брата.

— Да, Антонис, я рассказал Наталье об операции во всех подробностях. Обычно я рассказываю жене все — и о личных делах, и о работе. Если помнишь, Наталья тоже училась в медицинском до того, как мы поженились.

— Но, к сожалению, после свадьбы бросила,— добавила Наталья.— Это была большая глупость.

— И мне еще ни разу не приходилось раскаиваться в том, что я ей доверился. Наталья всегда разделяет со мной и радости, и горе, и часто помогает советом.

— Ну, что ж, принимается!

— В общем, мы друг друга поняли. А теперь давай вернемся к нашему разговору. Ты заметил, что Спирос изменился до неузнаваемости? Этот ограниченный человек...

— Почему ограниченный? Потому что не учился и предпочел стать профессиональным водителем? Не думай, что так просто быть хорошим водителем.

— Ты права, Наталья. Профессия, выбранная Спиросом,— очень ответственная и нужная людям. Но она иного рода. Странно, что сейчас, через столько лет после того, как покинул школьную скамью, он вдруг решил стать врачом. Почему?

— Немного терпения, Кирьякос, и мы узнаем, в чем дело,— сказал Антонис.— Думаю, импульс был дан нашей операцией. Кажется, Спирос успел многое прочитать о своей болезни и понимает, что был обречен, а нам удалось его спасти. Именно это

и породило в нем желание приобщиться к нашей профессии.

— Посмотрим, удастся ли ему это. Конечно, я подготовлю материал и устрою Спиросу допуск к экзаменам. Бог, как говорится, в помощь.

— Я просто умираю от любопытства,— сказала Наталья,— интересно, что он будет делать дальше.

СВЕРХЧЕЛОВЕК

Спирос блестяще сдал вступительные экзамены и стал студентом-медиком. Тут-то и начались чудеса. За два месяца он сдал все экзамены за первый курс, еще за два — за второй, а через полтора года получил диплом с отличием.

Профессор и его брат просто глазами своим не верили.

— Теперь уже нет никакого сомнения,— говорил Антонис,— перед нами живое свидетельство. Метод наш оказался более чем эффективным. Спирос не только полностью излечился. Развился его интеллект. Думаю, не будет преувеличением назвать его сверхчеловеком.

— Значит, мы создали сверхчеловека, вернее, его создал ты — ведь я помог только с трепанацией.

— Итак, перед нами сверхчеловек,— задумчиво произнес Антонис.

— И кто же он? — войдя в комнату, спросил умиравший от любопытства Христос.

— Спирос, кто же еще,— ответил профессор.— Вот, сын мой, достойный образец для подражания. Спирос закончил институт за полтора года.

— За полтора года? — повысив голос, переспросил Христос и даже присвистнул.— Но ведь это невозможно!

— Тем не менее ему это удалось. Спирос стал врачом за полтора года.

— О! — восторженно воскликнул Христос.— Он и правда сверхчеловек, хотя и не прыгает в воздух, как супермены в комиксах.

«А вот этого пока никто не знает,— подумал Антонис,— он, глядишь, еще и взлетит когда-нибудь».

Когда Спирос зашел к ним через несколько дней, Христос не отлучался от него ни на минуту. Если раньше Христос восхищался своим дядей, то теперь его кумиром стал «сверхчеловек», как он совершенно серьезно называл Спироса.

— Но ты же и в самом деле сверхчеловек. Получить диплом врача за полтора года — для этого надо быть выдающейся личностью. Ты сверхчеловек. Ты супермен — только не из-за фантастических трюков, а из-за своего ума.

— Ну, уж и супермен! — засмеялся польщенный Спирос.— Ко-

нечно, каждый не может так быстро выучиться на врача, но все, что требуется,— это хорошо соображать.

— А что ты теперь будешь делать? — спросил Антонис. — Займешься медициной?

— Сейчас? Я работаю над диссертацией.

— Диссертацией? Кандидатской?

— Почему бы и нет? К тому же я хочу построить свою диссертацию на тех экспериментах, которые собираюсь поставить.

— Ты станешь экспериментатором? — Антонис соскочил со стула. — А в какой области? Займешься раком?

— Раком занимаются слишком многие. Ты никогда не задумывался, какие болезни уносят больше всего человеческих жизней?

— Рак и разные сердечные заболевания.

— Ты забываешь о самой страшной — атеросклерозе.

— Но ведь атеросклероз — болезнь стариков, которые так или иначе находятся в преклонном возрасте, — высказал свое мнение Христос.

— Не могу с тобой согласиться. Ни одно существо на Земле не может избежать ни старости, ни смерти. Это закон жизни. Но почему человек должен перед смертью страдать от атеросклероза? Это ужасная болезнь, которая выводит свою жертву из равновесия.

— Ты прав, — пробормотал Антонис.

— Повторяю, это болезнь страшная и неизлечимая — она медленно убивает больного, сначала лишив его всех способностей. Скажите, почему старики страдают размягчением мозга? Молодые издеваются над ними и говорят, что они впали в детство. Однако размягчение мозга, как и многое другое, является одним из последствий атеросклероза. Христос, тебе, наверное, приходилось видеть стариков, которые с трудом передвигаются, делая маленькие шажки?

— Да, — кивнул Христос, — здесь неподалеку живет один такой мне все кажется, что его непременно раздавит какая-нибудь машина.

— Итак, поняли, с каким злом я собираюсь бороться? Все мы когда-нибудь умрем, но зачем напрасно страдать? Вот вспоминаю я своего дедушку. Мне тогда было лет пятнадцать — родители были еще живы. Бедняга много лет страдал атеросклерозом, и я видел как постепенно он лишался всего того, что раньше доставляло ему радость в жизни. В молодости мой дед был очень энергичен. Любил делать вид, что он охотник, брал для отвода глаз карабин и вышагивал целые километры, причем дичь домой никогда не приносил. А когда состарился, ноги перестали его слушаться, в конце жизни они их еле волочил. В одной руке у деда всегда была палка, другой он держался за стену. А смерть его была просто ужасна. Этот честный

святой человек долго мучился, прежде чем отдать Богу душу. Вот над этой болезнью я сейчас бьюсь. Много лекарств продается в аптеках, но ни одно из них по-настоящему не помогает. А я хочу открыть новое средство, которое избавит человечество от этого страшного недуга.

— Молодец, Спирос,— Антонис был восхищен.— То, что ты задумал,— просто замечательно. Желаю тебе удачи.

— Спасибо, Антонис. Я знаю, что это искренне. Мне кажется, я уже на правильном пути.

НОВЫЕ ПЛАНЫ СПИРОСА

Прошло несколько месяцев, но Спирос не появлялся. Антонис сильно переживал — было обидно, что друг, которому Антонис спас жизнь, проявлял такое безразличие.

Однажды, раскрыв газету, Антонис неожиданно увидел набранное большими буквами сообщение, в котором говорилось: «Греческий врач открыл чудодейственное лекарство против атеросклероза. Спирос Кандидис — великий незнакомец».

Антонис почувствовал гордость за друга, как будто в газете расхваливали его самого. Он вскочил с кресла, на котором собирался вздремнуть после обеда, и побежал разыскивать Наталью.

— Хочешь узнать последние новости о Спиросе? Ему удалось создать то лекарство, о котором он мечтал.

— Правда? — спросила Наталья, которая в тот момент занималась уборкой.— Я очень рада — не только за него, но и за тебя тоже, ведь и ты в какой-то мере причастен к его успеху. А что пишут в газете?

— Там пишут об опытах Спироса, а дальше напечатана его биография. Я тебе прочитаю, это интересно. «Удивительно то, что человек до несчастного случая, который с ним произошел, работал водителем автобуса. После операции, проведенной врачом-нейрохирургом Кирьякосом Викетасом и его братом Антонисом, недавно вернувшимся из Америки, Кандидис коренным образом изменился. Если раньше он не имел никакой склонности к науке, то после операции Кандидису удалось всего лишь за полтора года получить диплом врача, а вскоре защитить кандидатскую диссертацию. Сейчас он изобрел лекарство, над которым в течение многих лет безуспешно бились врачи всего мира. Говорят, что операция, сделанная Кандидису, включает в себе какую-то тайну, но в чем именно она состоит, раскрыть до сих пор не удалось...»

Прочитав эти строки, Антонис побледнел. Возможно ли, чтобы тайна была раскрыта? Да и кто знал о ней?

— Неужели они что-нибудь пронюхали, Наталья?

— Что они могли пронюхать? Просто-напросто журналист не дурак и заметил, что тут дело нечисто. А что он еще может сделать? Отвечаю — ничего. Не беспокойся.

Звонок во входную дверь помешал им закончить разговор.

— Мама! Дядя! Это Спирос! — услышали они из холла радостный голос Христоса.

Антонис помчался туда вне себя от радости и протянул Спиросу обе руки.

— Поздравляю, Спирос! Сколько лет сколько зим. Кирьякос'то и дело вспоминает о тебе.

— Где уж Спиросу выкроить время и почтить нас своим присутствием, — засмеялся Христос. — Где это видано, чтобы сверхчеловек снисходил до простых смертных!

— Это ты мне все время твердишь. Только пеняй сам на себя, если я возьму и в самом деле начну смотреть на тебя, как на букашку. Впрочем, какая из тебя букашка? Ты уже меня перерос. Когда я первый раз тебя увидел, ты был раза в два меньше.

Услышав шум, доктор тоже вышел из кабинета.

— Привет, Спирос! Где ты столько времени пропадал? Скажи тебе не стыдно, что мы узнаем твои новости из газет?

— Извини, Кирьякос, я знаю, что виноват, но, во-первых, был страшно занят — я ведь работал, а во-вторых, не хотел раскрывать тайну, прежде чем не проверю себя. Но сейчас я уже подал заявку на изобретение в Ассоциацию врачей, и меня не волнует, что об этом раструбили газеты.

— Итак, удача?

— Ну, конечно. Я могу остановить атеросклероз как при самом его зарождении, так и тогда, когда болезнь уже начала прогрессировать. На мое лекарство уже есть большой спрос.

— Ты что, его продаешь?

— Почему бы и нет? Я продал права на него нескольким фармацевтическим фабрикам, и между прочим за хорошие деньги.

— Ты и бизнесменом заделался?

— Ты бы, конечно, предпочел, чтобы я был совершенно бескорыстен. Нет, друг Кирьякос, мне нужны деньги.

— Столько денег? Зачем они тебе?

— Мои открытия не закончатся на этом лекарстве. Я хочу проникнуть в другие сферы.

— В космос? — вмешался в разговор Христос. — Спирос, ты хочешь завоевать космическое пространство?

— Нет. Космос меня не интересует, по крайней мере в данный момент. Это будет следующий этап. Я не спешу завоевывать другие планеты, пока наша собственная исследована не до конца.

— Ты говоришь о белых пятнах на карте, где не ступала нога человека? — в восторге закричал Христос.

— Не только о белых пятнах, если, конечно, они еще существуют. В данный момент я имею в виду моря. Обрати внимание, Христос, моя идея не оригинальна, но я поставил себе целью пойти дальше других и воплотить свои мечты в жизнь. Вы, наверное, знаете,— продолжал Спирос, повернувшись ко всем остальным,— что океаны занимают семь десятых площади земного шара, но известно о них очень немного. Наши познания ограничиваются почти исключительно поверхностью морей и небольшой глубиной.

— А разве так нужно знать все остальное? — воскликнул Христос.— Какое дело нам до того, что происходит в морских глубинах, когда столько планет остается неосвоенными?

— А почему мы стремимся завоевывать планеты, Христос? Во-первых, из простого человеческого любопытства, если хочешь, из любознательности и, конечно же, из тщеславия — посмотрите-ка, мы были на Марсе. Есть и другие цели, например, поиск новых источников сырья и территорий для заселения. А почему бы не заселить море?

— Мне кажется, Спирос, ты несколько преувеличиваешь,— улыбнулся Кирьякос.— Как это можно заселить море?

— А как можно заселить Марс? Или Луну? Или Венеру, наконец? Думаешь, условия жизни на Марсе больше подходят человеку, чем морское дно, откуда в любой момент можно связаться с сушей? И здесь, и там нужно адаптироваться к условиям с помощью сложной аппаратуры.

— Что же ты собираешься делать, Спирос? — спросил Христос, который с горящими глазами слушал их разговор.

— Кусто уже осуществил несколько экспериментов в этом направлении. На деньги, полученные за лекарство, я для начала построю батискаф, но батискаф современный — он будет выдерживать высокое давление — и спущусь на дно. Прежде чем начать освоение морского дна, надо выяснить, какие оно таит опасности.

— Ты что же, сам будешь строить батискаф? — Не без иронии поинтересовался профессор.

— Конечно, сам. Ты что-то имеешь против?

— Но это же дело инженера. А ты учился на врача.

— Ну, и что, Кирьякос? Экая важность! Хочешь, я получу диплом инженера? Это можно сделать когда угодно. Но зачем терять драгоценное время? Прочту то, что нужно, найду квалифицированный персонал и построю батискаф.

— И спустишься на большую глубину? — спросил Христос.

— Думаю, да.

— А меня возьмешь с собой?

Спирос улыбнулся.

— Когда буду уверен, что опасности нет, возьму и тебя.

БАТИСКАФ

Батискаф был просто потрясающий. Христосу показалось, что весь он сделан из стекла, но такого мутного, что если изнутри еще что-то видно, то снаружи увидеть тебя уже нельзя.

Батискаф имел продолговатую форму и напоминал ракету, а хвост его украшали плавники, похожие на рыбы.

— Спирос, он просто великолепен,— прошептал Христос.— Неужели он сделан из стекла?

— Именно так. Батискаф сделан из небьющегося стекла с высокой сопротивляемостью, ведь он должен выдерживать огромное давление воды на большой глубине. Может быть, ты знаешь, что давление воды каждые десять метров возрастает на одну атмосферу, то есть на 1.033 грамма на квадратный сантиметр.

— А он целиком из стекла?

— Нет, это было бы слишком опасно. Внутри, под стеклом, находится тончайший, сверхпрочный металлический каркас моей собственной конструкции.

— А войти можно?

— Входите,— сказал Спирос и нажал на кнопку сбоку корабля. Часть стенки отъехала в сторону, и в ней открылось квадратное отверстие.

Христос впрыгнул внутрь, как обезьяна, и оказался в довольно просторной камере без окон и дверей. Антонис последовал за ним.

— Где мы находимся? — спросил он.

— Мы находимся в герметичной камере. Отсюда можно попасть на корабль даже тогда, когда он под водой. Как только мы сюда входим,— объяснил Спирос,— то нажимаем на эту кнопку, дверь закрывается, нажимаем на другую кнопку, насосы приходят в действие и выкачивают из камеры воду. Только тогда начнет работать механизм внутренней двери,— добавил он, показав другую кнопку.— Ты понял?

Антонис кивнул головой:

— Я просто потрясен.

Когда они прошли во внутреннюю часть корабля, Христос не мог удержаться от выражения восторга:

— До чего же он красив! — крикнул он и восхищенно посмотрел вокруг.

Действительно, помещение, в котором они находились, было впечатляющим. Оно занимало весь внутренний отсек корабля, причем стены служили одновременно и окнами. Свет лился через стекло и заполнял все помещение. Две другие стены, которые отделяли этот отсек, были цвета морской волны и почти сливались со стеклом. На стенах висели прекраснейшие морские пейзажи, по всей видимости работы известных художников.

— Это подлинники? — спросил Антонис, подойдя к одной из картин.

— Пока это еще только копии, очень хорошие, но всего лишь копии. Однако не за горами тот день, когда каждая картина, которая будет висеть в моем доме или на корабле, будет принадлежать кисти великого художника, — высокомерно сказал Спирос, и странная искорка на минуту зажглась в его глазах, но тут же погасла. — Пойдемте посмотрим другие отсеки.

Спирос показал им каюты, камбуз и в конце повел в машинное отделение. Христос и Антонис оказались в большом помещении, стены которого были окрашены в белый цвет. На стенах висели большие хитроумные табло, а в середине, рядом с металлическим письменным столом, возвышалось нечто, похожее на чугунные сейфы.

— А где же машины? — с удивлением спросил Антонис.

— Вот они, — Спирос показал на сейфы.

— А твой корабль атомный? — поинтересовался Христос.

— И да, и нет, — покачал головой Спирос. — Это мое собственное изобретение. Простите, что пока я не могу открыть вам эту тайну. Когда-нибудь вы ее узнаете, — добавил он, глядя на разочарованное лицо Христоса, — только не сейчас.

— А ты уже путешествовал на своем корабле?

— Да, я его испытал, и это как раз то, что мне нужно для работы.

— То есть можно сказать, что ты стал инженером, ученым-атомщиком, врачом и еще Бог знает кем одновременно? — с некоторой долей зависти спросил Антонис.

— В самом деле, вот только дипломов у меня нет. Но, по правде говоря, они мне и не нужны, я же не собираюсь получать патенты на свои изобретения, даже объявлять о них не хочу, ведь они нужны мне самому.

— А скоро ты отправишься в плавание, Спирос? — с деланным безразличием поинтересовался Христос.

— Да вот собираюсь на следующей неделе. Возьму курс на Тихий океан.

— Вот совпадение! У нас как раз сейчас каникулы, и я свободен. Может, ты и меня возьмешь с собой? Это такой случай! — попросил Христос, улыбаясь своей самой очаровательной улыбкой.

— Но, мой мальчик, учти, что это не развлекательная поездка. Остановки будут всего в нескольких портах, только там, где мне надо будет пополнить запас воды и свежих овощей.

— А что ты будешь делать в океане?

— Постараюсь найти подходящее место для поселения. Изучу местные условия и, когда вернусь, напишу о них исследование.

— Поселение без поселенцев? — сам того не желая, иронически спросил Антонис. Несмотря на то что Спирос в какой-то степени был

его собственным детищем, успехи товарища не давали ему покоя. И это тревожило Антониса.

— Поселенцы найдутся. Мир полон смельчаков! Есть тысячи людей, которые вынуждены прозябать в конторах, а между тем в душе они — первопроходцы и исследователи, как и те, что когда-то открывали нашу Землю.

— Спирос, возьми меня с собой, ну, пожалуйста! Сейчас такой удачный момент — когда в школе идут занятия, меня и родители не отпустят, да я бы и сам не поехал, ведь я хочу учиться. Ну, Спирос!

— Ладно, Христос, уговорил. Я никого не собирался брать с собой, но ведь ты — племянник моего друга, почти брата — Антониса, ты как будто и мой племянник. Надеюсь, ты, Антонис, не возражаешь?

— Нет, конечно,— улыбнулся Антонис.— Думаю, это путешествие будет очень полезно для Христоса. Я поговорю с братом и его женой. Наверное, и они будут не против.

ДНО

В это время года Тихий океан действительно оправдывал свое название — он был спокойным и безмятежным. Небольшие, как бы покрытые масляной пленкой волны слегка морщили его безбрежную поверхность, поигрывая кораблем так, будто убаюкивали его.

— Озеро в Касторье — ерунда по сравнению с этим! — в восторге закричал Христос, высунувшись из большого иллюминатора центральной каюты.

Спирос, который стоял склонившись над дубовым столом с картой морского дна, улыбнулся.

— Океан встречает нас ласково, видимо, хочет показать, что он добрый и вполне пригоден для жительствова.

— Молодец, Спирос, что придумал такое! Ведь океан беспредельен и, конечно, может вместить гораздо больше народу, чем суша.

— Это придумал не я, Христос,— несколько сдержанно ответил Спирос.— Я и раньше говорил тебе, что были и другие, просто у них не было средств, какие есть у меня, чтобы завершить исследования. Действительно, трудно заселить океан — условия жизни под водой должны измениться так же, как и сам человек...

— Что ты хочешь этим сказать? Как может измениться человек?

— Да это я так сказал. Ты, наверное, знаешь, что дно океана должно скрывать несметные богатства, которые необходимы человечеству для жизни, ведь ресурсы суши практически истощены. Нефтяные скважины люди уже научились бурить в море. Но есть трудности с добычей полезных ископаемых и металлов, которые я намерен преодолеть. Очень скоро я войду в контакт с фирмами, которые возьмут на себя финансирование моих проектов.

— Думаешь, такие фирмы найдутся? — с сомнением спросил Христос.

— Найдутся ли? Какая фирма не хочет зарабатывать деньги? Когда они убедятся, что мои обещания не пустые слова, они будут из кожи вон лезть, лишь бы заключить со мной контракт.

Христос перевел взгляд с безбрежного океана на своего собеседника. Спирос преобразился. Лицо его сияло, глаза сверкали, в выражении лица было что-то неистовое. Мальчик почувствовал, как дрожь пробежала у него по телу. Что-то пугало его в облике Спироса.

— Мы почти приехали,— продолжал тот.— Видишь этот район на карте? Мы находимся здесь. Глубина тут не очень большая, всего метров пятьдесят. Я специально выбрал место вдали от берега, чтобы не попасть в территориальные воды какого-нибудь государства и не связываться с таможенными досмотрами и прочими формальностями. А здесь мы ни от кого не зависим. Закрой иллюминатор, сейчас мы начнем погружаться.

Христос побежал нажимать на кнопку. Стекло медленно вышло и встало на место, а корабль стал опускаться на дно.

Вода вокруг них была светло-зеленого цвета. Батискаф плыл, оставляя за собой пузыри воздуха, похожие на крупные жемчужины. Стайки серебристых рыбешек, как летящие птицы, стремительно проплывали мимо.

Дно расстиралось перед ними, покрытое плотным слоем мелкого песка. Вид был сказочным. Крупные анемоны покачивали лентами голубых, красных и даже оранжевых щупалец. Белые устрицы, громадные, как скалы, полностью раскрывшись, выставили свои красноватые кольшающиеся внутренности, приглашая ни о чем не подозревающих рыбешек заплывать внутрь, чтобы потом захлопнуть свою огромную пасть. Течение колебало зеленые ленты водорослей. А рыбы! Они искрились, как драгоценные камни, когда танцевали вокруг корабля, как ночные бабочки около огня. У одних чешуя горела золотым и красным, другие светились голубым и серебристым, третьи были многоцветнее, чем пестрый попугай.

Мальчик сидел как зачарованный, уставившись в иллюминатор, когда услышал голос Спироса.

— Видишь, как здесь красиво? Никогда не устаешь любоваться. А теперь обрати внимание вот на что. Поверхность здесь ровная — нет ни скал, ни даже кораллов. Совсем нетрудно будет привезти сюда заранее собранные дома и установить их на этой равнине. Рыба здесь водится в изобилии, и наши колонисты, даже если они будут оторваны от суши, смогут питаться морскими продуктами и никогда не испытывать ни в чем недостатка.

Спирос как замороженный пристально вглядывался в пейзаж. Однако в его лице было нечто, что заставило Христа задать ему вопрос:

Рисунки Марины ПИНКИСЕВИЧ

— Неужели это единственная причина, по которой ты выбрал это место? Тут только почва подходящая для подводной деревни и ни ты о чем-то умалчиваешь?

Спирос ответил не сразу. Он задумчиво смотрел в иллюминатор. Между тем вода вокруг потемнела и стала цвета оливкового масла.

— Это очень умный вопрос, Христос. Должен признаться, я восхищен твоей проницательностью. Поэтому скажу тебе правду. Только я попросил бы, чтобы это осталось между нами.

Мальчик кивнул.

— Недалеко отсюда есть овраг. Говорят, он образовался в результате действия вулкана, который давно потух. Склон, который я исследовал, очень крутой и почти полностью зарос морскими растениями. Однако среди растений можно различить небольшую жилу какого-то металла, и мне кажется, что это золото. Когда я приехал сюда впервые, то не мог изучить ее досконально, но на этот раз подготовился. Я не собирался доверять тебе эту тайну, и взял я тебя с собой лишь ради Антониса и Кирьякоса. Но, как видишь, все тебе рассказал. Надеюсь, мне не придется в этом раскаиваться.

Проглотив слюну, Христос молча кивнул.

— Не бойся, я не проболтаюсь,— сказал он через некоторое время, когда к нему вернулся дар речи.— Даю слово. А мы туда поедем?

— Почему бы и нет?— подмигнул ему Спирос, и корабль на полной скорости повернул налево.

ЗОЛОТО

Христос, не отрываясь от иллюминатора, буквально пожирал глазами окрестности. Спирос включил прожекторы, и их сильные лучи осветили местность. Анемоны вспыхивали от яркого света, устрицы быстро закрывались, а испуганные рыбешки спешили где-нибудь укрыться. Только ленты водорослей продолжали беззаботно колыхаться.

Песка под днищем корабля уже не было. Там, где всего лишь несколько секунд назад они видели многоцветные губки, сейчас не было ничего. Перед ними зияла бездонная пропасть.

Зрелище было грандиозное. Черный скользкий склон громадной скалы круто обрывался. Край обрыва был густо усеян пушистыми водорослями, которые свисали вниз или обвивали склон, как плющ обвивает стену дома. Даже мощные лучи прожекторов не могли разорвать крошечную мглу, царившую в пропасти. Они падали в пустоту, опускались все глубже и глубже и в конце концов растворялись во тьме.

Спирос нажал на табло какую-то кнопку, и корабль начал мед-

ленно опускаться вниз, почти вплотную прижавшись к каменной стене. Вдруг что-то заблестело под светом прожекторов между густыми ветвями морских водорослей.

— Видишь? — сказал Спирос. — И так до самого низа. Мне кажется, это золотая жила. Впрочем, сейчас проверим.

Спирос дернул за какой-то рычаг, и Христос вздрогнул от неожиданности, увидев, как пара щупалец отделилась от стенки корабля и начала обшаривать склон.

От резкого движения щупалец водоросли раздвинулись, и поверхность скалы обнажилась. Она оказалась темного, почти коричневого цвета. Посередине ее перерезала широкая золотисто-желтая полоса, которая тускло блестела под светом прожекторов. Щупальца вонзились в нее и, взрыхлив, отколупнули кусочек.

— Это какой-то очень твердый металл, — пробормотал Спирос, внимательно глядя на табло. — А скала как будто похожа на темно-коричневый кварц. Впрочем, сейчас все будет ясно.

Щупальца спрятались в борт корабля. В тот же момент небольшая коробочка вывалилась из стены рядом с табло. Внутри нее поблескивал кусочек какого-то светлого металла.

— Это золото, Спирос, золото как пить дать, — закричал Христос, подпрыгивая от нетерпения.

— Подожди, сейчас проверим, — задумчиво произнес Спирос и нажал на другую кнопку. Коробочка снова исчезла в стене.

— Понимаешь, я знал, что надо будет сделать химический анализ, и запасся небольшим аппаратом. Пока результат будет готов, мы с тобой успеем спуститься вниз и проверить, как далеко тянется жила.

Батискаф тряхнуло, и он опять начал опускаться. Под ярким светом прожекторов покрытый густой растительностью склон казался черным и неприступным.

Христос отшатнулся от иллюминатора. Из просвета между водорослями показалось длинное тело змеи с заостренной мордой и рядом отточенных, как бритва, зубов, которая, похоже, собиралась на них напасть. Змея замерла перед стеклом и злыми невыразительными глазами стала наблюдать за их погружением.

— Это мурена, — сказал Спирос. — На вид отвратительная, но мясо вкусное. Говорят, римляне держали их в бочках и кормили рабами, чтобы сделать из них настоящее лакомство. Но мне еще никогда не приходилось видеть такой большой мурены.

— Не позавидовал бы я тому, кто попадется ей в зубы, — сказал Христос и содрогнулся. — Б-р-р-р...

— Ты прав, такая большая мурена опасна, хотя обычно они людей не трогают. Ты заметил, она уплыла, когда поняла, что не может причинить нам вреда?

Вода вокруг снова поменяла цвет и стала темно-синей. Какое-то

массивное черное тело проплыло почти рядом с батискафом, но оно было таким темным на темном фоне, что Христос со Спиросом не поняли, то ли это большая акула, то ли кит-убийца.

Они уже вошли в зону, где водятся светящиеся рыбы. Спирос выключил прожекторы, и их обступила крошечная тьма, в которую не проникал ни один луч света. Христос закрыл глаза, снова открыл их и только тогда обнаружил, что темнота не была такой непроницаемой, как ему показалось вначале. Перед ним как будто была завеса из черного бархата, которую время от времени прорезали стремительно проносившиеся светящиеся искры.

Христос попытался проследить за их движением, но искр было так много, что он не знал, куда смотреть. Искры прилетали и улетали, как световые сигналы.

— Они не напоминают тебе плывущие в ночи океанские лампы, у которых целые потоки света льются из иллюминаторов? — спросил Спирос.

— Прекрасное сравнение. Действительно, похоже. Но все-таки что это?

— Это обитатели бездн. Не забывай, что более половины поверхности Земли занято глубоководными морями. Рыбы и другие животные, которые живут здесь, на дне, гораздо многочисленнее тех, что существуют в какой бы то ни было части суши или моря, хотя температура здесь всегда около нуля и, как я уже сказал, давление воды колоссальное. Но они от этого не страдают, так как внутреннее давление у них такое же, как и внешнее. Удивительно, как им удается его регулировать, ведь, как известно, по ночам многие из них поднимаются на поверхность.

Глаза Христа уже привыкли к темноте, и он с восхищением рассматривал сказочное зрелище. Он видел странных рыб с золотистыми антеннами, рыб, у которых только зубы светились в крошечной темноте, рыб с фонариками по всему телу и с пламенем на верхушке головы.

— А вот морской черт, — объяснил ему Спирос, — он всегда передвигается с открытым ртом, надеясь, что какой-нибудь дурак туда попадет. Смотри-ка! — неожиданно закричал Спирос, показывая налево.

Обернувшись, Христос увидел, как длинная полоса ярко-красного цвета вихрится за стеклом.

— Это живоглот. Не правда ли, великолепен? Хвост у него светится, но так как он им все время виляет, разглядеть его можно только издалека.

— А эти рыбы видят?

— Конечно. В отличие от нашего крота и других сухопутных животных, что живут под землей и почти совсем лишены зрения, глаза глубоководных животных устроены так, что они могут разли-

чать даже самый слабый свет. У многих глаза выпучены, как у телескопа, но расположены на длинных стеблях. Однако никому не известны все виды, которые здесь обитают. Настолько велика глубина. Давай посмотрим, как глубоко мы опустились,— прервал сам себя Спирос и посмотрел на лот.— Какие мы с тобой молодцы! Даже не заметили, как быстро погрузились! Мы приближаемся к отметке 3.500 метров. Жила еще тянется или мне только кажется?

— Все еще да,— кивнул мальчик.— Неужели она доходит до такой глубины?

— Ты удивлен? А между тем золотые копи Южной Африки так же, как в Бразилии и в Индии, достигают гораздо большей глубины. Мы, должно быть, уже приблизились к самому дну бездны,— добавил Спирос и выключил свет.

Когда глаза снова привыкли к темноте, Христос, удивленный, протер их. Поверить в это было просто невозможно! Вместо ожидаемой густой темноты он увидел, что за окнами разлито холодное мерцание.

— Ты что-нибудь видишь? — неожиданно для себя шепотом спросил он у своего спутника.

Спирос стоял рядом, глаза его были прикованы к иллюминатору, и он в задумчивости вглядывался в то, что происходило вокруг.

— Что случилось? — сам себя спросил Спирос.— Свет на такой невероятной глубине? Откуда же он взялся?

Корабль начал снижать скорость. Из окна лился мутно-серый свет, как будто снаружи смеркалось. Перед ними простирался тоскливый, бесконечный пейзаж морского дна.

В ту же минуту корабль опустился на дно. Посадка оказалась на удивление мягкой.

— Вот это да! — Христос даже закричал от удивления.— Может быть, мы пересекли границу реальности и очутились в какой-то волшебной стране?

— Не говори глупостей! — проворчал Спирос, все внимание которого было поглощено тем, что происходило вне корабля.

— Нас даже не качнуло,— настаивал Христос.— Когда самолет приземляется и колеса достигают земли, то пассажиры ощущают толчок. А здесь я ничего не почувствовал.

— Мы же опустились в ил. Поэтому посадка прошла так мягко.

— А что такое ил?

— Ил — это грязь, которая скапливается на дне морей и озер и является следствием распада миллиардов живых организмов.

В тот же миг Спирос с силой ударил себя по лбу.

— Как же я сразу не догадался! Ну, конечно, это оно и есть! Потому здесь внизу так светло!

— Почему? Что ты имеешь в виду?

— Ил! Это все объясняет! Мы же выяснили, что ил является

продуктом органического распада, а следовательно, выделяет фосфор. А где еще можно найти столько фосфора, как не здесь?

— Дошло! — пробормотал Христос и снова посмотрел в иллюминатор.

Пейзаж, с первого взгляда показавшийся ему тоскливым и безжизненным, теперь ожил. Христос видел, как в этих вечных сумерках маленькие красные кальмары целыми стайками уплывают от длинной рыбы с огромным, как у пеликана, ртом. Багровые креветки с длинными тонкими ножками, заканчивающимися чем-то вроде крылышек, плыли легко и уверенно. Серебристо-голубые сардины с огромными глазами, остановившись на минуту, чтобы посмотреть на корабль, быстро в испуге уплывали прочь.

Облако грязи, поднявшееся из ила, привлекло к себе внимание мальчика. Какой-то массивный предмет, похожий на антенну, неожиданно появился из облака. Рядом показался еще один такой же и еще два — на некотором отдалении. Вдруг из грязи возникло круглое, надутое существо и куда-то зашагало на шести коротеньких ножках.

— Морская свинка, — засмеялся Спирос. — Наверное, проглотила все бактерии, какие только можно, и отправилась на поиски новых. Нам с тобой тоже пора отсюда сматываться. Мы убедились, что жила тянется до самого дна, а теперь узнаем, действительно ли это золото, — добавил он. В тот же миг послышался звон, и коробочка выскочила из стены. — Ну, что я тебе говорил, — закричал Спирос, вне себя от восторга, ознакомившись с перфорированной лентой, которую он вынул из коробочки. — Это настоящее золото, причем очень чистое, почти без примесей. Теперь они все у меня в руках! Мировая добыча золота не достигает и 1.000 тонн в год. А здесь миллионы тонн, и все они мои! Понимаешь, мои!

Спирос кричал пронзительным, истерическим голосом. Христос испуганно смотрел на него. Глаза Спироса горели, капельки пота блестели на лице. Усилием воли Спирос взял себя в руки и со вздохом нажал на выключатель. Пучки света снова осветили морское дно. Корабль тряхнуло, он отделился от облепившей его грязи и медленно заскользил вверх по склону.

В этот момент Христос увидел какой-то предмет со смутными очертаниями, показавшийся в глубине.

— Что это такое? — спросил мальчик.

Спирос загадочно улыбнулся.

— Сейчас посмотрим, — сказал он, и послушный корабль повернул в ту сторону, куда показывал мальчик. По мере их приближения предмет приобретал все более определенную форму. Киль, мачта... Вскоре они увидели перед собой затонувший корабль.

— Погибший корабль! — закричал Христос. — Наверное, он здесь с незапамятных времен... Интересно, как он здесь очутился?

— Ну, и вопросы ты иногда задаешь, Христос! По-твоему, невероятно, что корабль затонул в открытом море? В этом районе часто случаются тайфуны, и можно только удивляться, что нам не встретились обломки других кораблей.

Батискаф находился в нескольких метрах от затонувшего корабля, когда внезапно поднялась грязь и замутила воду. Из люка появилось длинное белое существо, похожее на змею, и начало лихорадочно метаться в разные стороны, будто что-то искало. Тут же показалось еще одно, потом — два-три новых, которые начали странным образом колыхаться и кружиться.

Спирос в испуге отступил от иллюминатора и нажал на какую-то кнопку. Батискаф толчком отбросило назад, и он остановился метрах в двадцати от затонувшего корабля.

— Это осьминог, — пробормотал Спирос. — И такой огромный! Никогда не думал, что бывают такие здоровые осьминоги.

Между тем осьминог полностью выплыл из внутренней части затонувшего корабля, где он, по всей видимости, обитал и рассматривал неожиданных визитеров с таким же удивлением, с каким они рассматривали его самого. Это было настоящее чудовище. Его огромное надутое тело стало от страха темно-красным, а большие желтые глаза с черными ресницами внимательно рассматривали путешественников.

— Своими огнями мы нарушили его покой, и он рассвирепел. Будем надеяться, что он на нас не нападет — щупальца у него не меньше 30 метров в длину. Кусто пишет, что в конце прошлого века во Флориде из моря выбросило гигантского осьминога, который весил 6 тонн и имел тело длиной 8 метров, а щупальца — свыше 25. Но я никогда не думал, что мне доведется увидеть такое чудовище живьем.

— Спирос, он, кажется, хочет на нас напасть! Нажимай на газ, поехали отсюда!

— Не бойся. Осьминоги, как правило, немного трусливы. Я, конечно, имею в виду прежде всего тех, которые встречаются в Средиземном море. А от этого не знаешь, чего ожидать.

— Ты заметил, какие у него глаза? Как он на нас смотрит! Я уверен, он думает, как бы сжать нас в своих железных объятиях.

— По его глазам и правда может показаться, что он способен думать...

Огромный осьминог собрал все свои щупальца, как будто готовился броситься на них, но в тот же момент замер на месте, и окраска его неожиданно изменилась. Тело из темно-красного вдруг стало светло-серым. Щупальца напряглись. Глаза задвигались и посмотрели навёрх. Весь вид говорил о том, что он напуган и в то же время внимательно за чем-то следит.

В эту минуту появилось нечто, что привлекло внимание путеше-

стенников. Вначале они приняли это за игру света, но вскоре поняли, что какая-то тень опускается с высоты на невероятной скорости. Не успели они опомниться, как тень пронеслась над ним и направилась к затонувшему кораблю.

Христос с удивлением увидел огромного, падавшего сверху по вертикали кита. Голова его была квадратной и казалась уродливой так как была непропорционально велика по сравнению с телом. Мальчик увидел, как нижняя челюсть кита открылась, обнажив ряд крупных треугольных зубов.

Осьминог свернулся в клубок и замер в ожидании. Когда кит оказался над ним, откуда-то снизу поднялось облако какого-то молокообразного вещества и накрыло его.

— А это еще что такое! — мальчик даже вскрикнул от неожиданности.

— Это чернила, которые все головоногие выпускают, когда хотят спрятаться, — объяснил Спирос. — Только здесь, в царстве вечной темноты, вместо черных чернил они выпускают белые. Прежде чем кит успеет прийти в себя, осьминог задаст стрекача!

Он еще не договорил до конца, когда перед ними молниеносно пронеслось какое-то длинное существо. Христос даже не успел его как следует рассмотреть, а Спирос сказал:

— Ты видел? Он плывет, как корабль, выпуская воду из насосов и одновременно меня окраску, чтобы сбить врага со следа.

— Такой огромный осьминог, а испугался какого-то кита! — презрительно сказал Христос.

— Не говори так. Осьминоги, по крайней мере те виды, которые нам известны, обычно избегают ссор. Но и кит — тоже тебе не фунт изюма. Это кашалот. Ты обратил на него внимание? Он наверняка больше двадцати метров и ничего не боится. К тому же кашалот стяжал славу боевого кита. В старых книгах встречается упоминание о крупном кашалоте по кличке «Новозеландский Том», который преследовал и опрокидывал лодки и прекрасно скрывался от китобоев. Посмотри, что там происходит!

Кашалот выплыл из светлого чернильного облака, остановился на минуту, пытаясь понять, куда делся осьминог, и тут же помчался за ним в погоню.

Сильным движением хвоста он ударил осьминога в тот момент, когда тот, пытаясь укрыться в темно-коричневых скалах, тоже приобрел коричневую окраску. Челюсти кита пару раз лязгнули, и половина тела осьминога исчезла в глубине огромной китовой пасти.

Но и осьминог не сдавался без боя. Его длинные щупальца вытянулись, как змеи, и опутали тело кита. Пара щупалец прилеплась к китовому рту, пытаясь разжать его.

Огромный кит поднял голову и на полной скорости полетел

вверх, таща за собой осьминога. И они стали подниматься на поверхность, оставляя позади дорожку из крупных пенящихся пузырей.

— Уплыли! — явно разочарованно закричал Христос. — Так мы никогда не узнаем, кто из них победил!

— Зря ты так думаешь, может, мы их еще догоним. Кажется, ты недооцениваешь возможности нашего корабля. Они наверняка где-нибудь неподалеку.

Корабль, толчком повернувшись носом вверх, стал подниматься на большой скорости. Они плыли так быстро и настолько близко от склона горы, что Христосу показалось, будто он едет в скором поезде и видит мелькающие за окном телеграфные столбы. Отметки глубинметра сменялись одна за другой, и вскоре Христос увидел, что они находятся на глубине всего лишь сотни метров.

Спирос нажал на какой-то рычаг, и корабль стал постепенно снижать скорость.

— Если так будет продолжаться, мы, чего доброго, вылетим из моря, как ракета, и отправимся напрямиком на Луну. Надо выплыть на поверхность без всяких приключений.

Корабль медленно выплывал из-под воды. Зеленая морская волна какое-то время продолжала набегать на иллюминаторы. А когда вид открылся, путешественники увидели океан, безмятежно простиравшийся перед ними, насколько хватало глаз.

— Их нигде не видно! — сказал Христос, потеряв всякую надежду. — Видимо, схватка закончилась ничьей...

— Ты вечно спешишь! Имей немного терпения! — успокоил его Спирос. — Посмотри в этот глазок, — добавил он, показал Христосу какую-то трубу, верхний край которой уходил далеко за стеклянную крышу.

— Что это такое? А, понял, перископ! Дай я посмотрю!

Спирос стоял рядом с Христосом и настраивал перископ, когда мальчик закричал:

— Вот они! Я вижу их! Они в двух-трех километрах справа. Спирос, давай догоним их, не теряя времени.

— Не переживай, так быстро они все равно не закончат.

Спирос занял место Христоса у перископа. Там, куда он смотрел, море буквально кипело. Огромные столбы воды вздымались вверх. Волны набегали, разбивались, и пена падала сверху мелким дождем. Гигантские противники вышли на поверхность воды и здесь продолжали свою битву не на жизнь, а на смерть.

Спирос оставил перископ и взялся за один из телескопов, находившихся в другом углу, подмигнув Христосу, чтобы тот сделал то же самое.

— Давай не будем подплывать ближе. Никто не знает, что там происходит! Рассвирепевший кит может, чего доброго, задеть корабль хвостом, и тогда я за нашу участь не отвечаю.

В телескоп они наблюдали за битвой во всех подробностях. Голова кашалота была опутана густой сетью щупалец, с помощью которых осьминог пытался задушить его, но гигантский кит, крепко вцепившись зубами в нижнюю часть туловища осьминога, методично и со знанием дела его распиливал.

— Ну-ка, посмотри на кита,— сказал Христос,— он делает свое дело, как будто ничего особенного не происходит.

— У него все рассчитано. Кашалоты часто опускаются на дно и поедают там гигантских осьминогов. Многие путешественники как мы сейчас, были свидетелями схваток между ними, а принц Альберт из Монако, выдающийся океанограф своего времени, обнаружил в желудке одного кашалота части тела нескольких гигантских головоногих.

Вдруг Спирос умолк. Рядом с головой кита показалась жуткая крошечная головка осьминога. Глаза его вылезли из орбит и своим черно-желтым цветом резко контрастировали с мертвенной бледностью кожи.

Вокруг дерущихся собралась целая стая акул, как гиены и шакалы собираются вокруг льва, вступившего в схватку с каким-нибудь крупным травоядным. Они с нетерпением выжидали удобного случая, чтобы откусить кусочек от аппетитных, толстых щупалец осьминога.

— Как ты думаешь, кто победит? — беспокоился Христос.— Не хотел бы я, чтобы это был осьминог. Смотри, он, как пиявка, вонзился в тело кита.

— Насколько я знаю из книг, победителем обычно выходит кашалот.

Кит неожиданно нырнул, увлекая за собой осьминога, который обхватил его так, что отделить одного от другого было уже невозможно. Еще минуту хвост его оставался на поверхности, а затем исчез в пенящихся волнах.

— Давай чуть-чуть подождем,— сказал Спирос.— Возможно, они скоро опять появятся.

Христос, разочарованный, кивнул.

— Нет, нам уже больше так не повезет! Все, мы их потеряли и никогда не узнаем, кто победил.

Прошло несколько минут. Море успокоилось, и уже ничто не напоминало о грандиозном сражении. Потеряв всякую надежду, Христос повернул телескоп на 180° и, всмотревшись в него, вдруг поднял руку, показывая на что-то.

— Да, да, ты прав,— с улыбкой произнес Спирос.— Это наш друг кашалот.

Огромный кит величественно выплыл на поверхность моря. Когда кашалот повернул голову, друзья увидели, что он безмятежно дожевывает остатки гигантского осьминога.

— Он победил! — радостно сказал Спирос. — Но дорого заплатил за победу. Посмотри, какие ужасные раны у него на голове и губах. Это осьминог постарался. Знаешь, у тех осьминогов, которых принц Альберт обнаружил в желудке кита, щупальца были толщиной с тело человека, на каждом из них было по 100 пальцев с ногтями, такими же сильными и острыми, как когти сухопутных хищников. И, раз мы заговорили об осьминогах, надо сказать, что их кровь, основу которой составляет медь, зеленого, а не красного цвета, как пишет Жюль Верн в книге «20 000 лье под водой». Пройдет еще много лет, прежде чем будут раскрыты тайны обитателей морского дна... Но у нас еще есть время впереди. А сейчас — в путь. Итак, поехали!

СТРАХИ АНТОНИСА

Христос, верный данному слову, никому ни звуком не обмолвился о великой тайне Спироса. Вернувшись домой, он надоедал всем подряд рассказами о чудесах, творящихся на дне моря и о смертельной схватке между кашалотом и осьминогом. Но о чем бы ни заходил разговор, Христос неизменно избегал даже малейшего упоминания о бездне.

— Неужели осьминог и в самом деле был таким громадным? — с издевкой спросила Даная, которая в глубине души страшно завидовала Христосу. — Ты хорошо его разглядел, а то, может, он был таким же, как те крошечные осьминожки, которые вечно сушатся на солнце в Халкиде*?

— Знаешь, наша покойная бабушка любила повторять пословицу: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Здесь она как раз кстати. Нет, это был всего лишь маленький кальмарчик, какие наша тетушка Варвара всегда заказывает в таверне. А кит был не кит, а бычок в томате, из тех, что мы обычно едим, когда ездим на море. Ну, что, довольна?

Даная надулась, но продолжала свое:

— А где это, интересно, ты видел все эти чудовища? На глубине пятидесяти метров? Почему же тогда ни один рыболов их до сих пор не встречал? Может, они специально дожидались, чтобы попасться вам на глаза?

— По-моему, ты забываешь об одной мелочи. Океан все-таки чуть побольше, чем наш залив, к тому же, как известно, в исследовании океана есть еще белые пятна.

После путешествия Спирос опять куда-то пропал. Однажды Кирьякос не выдержал и спросил у брата, давно ли тот виделся с Кандидисом.

* Халкида — приморский город на острове Эвбея.

— Ужасно давно, — ответил Антонис, с минуту помолчал, а потом посмотрел Кирьякосу прямо в глаза. — И если хочешь знать, я о нем даже и не думал. Ты же знаешь, мне вздохнуть некогда — работа невпроворот и в больнице, и в клинике. А если остается хоть немного времени, то я занимаюсь наукой.

— Кстати, я давно собирался поговорить о твоих планах, Антонис, но мы оба так загружены, и я все никак не мог выкроить время. Сделав Спиросу операцию, мы поставили эксперимент по изучению того, как твой метод влияет на развитие мозга. Результат был ошеломляющим. Из человека со средними способностями Спирос превратился в гения, если хочешь, чтобы я называл вещи своими именами. Ты намерен продолжать эту работу?

— Нет, Кирьякос, я ее бросил.

— Но почему, братишка? Ведь результат получился замечательный. Ты же сам говорил мне, что человеческий мозг скоро не сможет идти в ногу с техническим прогрессом? Почему ты отказываешься от такой прекрасной возможности? Сейчас, когда у нас перед глазами пример Спироса, ты без труда можешь вывести новую породу человека.

— Даже не знаю, что тебе сказать, Кирьякос. В основном ты, конечно, прав. В результате операции мы с тобой создали сверхчеловека. Но я должен тебе признаться, что наше творение меня пугает. Понимаешь, я боюсь, боюсь за будущее.

— Чего ты боишься? Спирос стал выдающейся личностью. Посмотри, как быстро ему удалось стать врачом, изобрести лекарство спасительное для человечества, — ведь многие исследователи долгие годы бились над его созданием, а сейчас Спирос успешно решает технические проблемы — ты сам мне об этом говорил.

— И все-таки я боюсь. Сам не знаю почему, но этот грандиозный успех меня пугает. Мозг Спироса непрерывно развивается, у него все время появляются новые гениальные идеи, работает он продуктивно, но я все время задаю себе вопрос: «Чего он хочет, к чему стремится? Не пора ли остановиться? Не хватит ли того, что он уже успел сделать?» Повторяю, я боюсь.

— Разве мысль о создании нового человека не тешит твое самолюбие?

— Что тебе сказать? Я стремился к этому раньше, но сейчас мои планы изменились. Бог создал мир, в котором все находится в гармонии. Кто я такой, чтобы пытаться изменить его творение? Хватит. Что сделано, то сделано, теперь конец. Но раз уж мы заговорили об операциях, должен тебе сказать, что ими собирается заняться один наш общий знакомый.

— Неужели? Уж не Спирос ли? Ты о нем что-нибудь узнал?

— Да не просто узнал, мне уже о нем все уши прожужжали. Говорят, Спирос купил какой-то необитаемый остров и строит там

лабораторию. Ходят слухи, что он собирается заняться хирургическими опытами.

ДРУГИЕ ПЛАНЫ

Когда Спирос снова появился у Викетасов, было уже лето. В тот момент Христос то ли играл в футбол с дворовыми ребятами, то ли просто гонялся за мячом — дом их стоял на узкой улочке, не развернешься, тут не до игры по всем правилам.

Увидев Спироса, выходящего из шикарного лимузина, Христос побежал ему навстречу.

— Где ты пропадал все это время, Спирос? Дядя Антонис и папа только о тебе и говорят. Почему к нам не заглядывал?

— Не мог, Христос, ну, никак не мог, — засмеялся Спирос, обняв мальчика за плечи. — Начал столько дел и сейчас занят по горло, буквально ни минуты свободной.

— Спирос, я читал о тебе в газетах. Ты наделал много шума. Знаешь, тебя превозносят до небес.

— Правда? Обычно такой чести удостоиваются только их кумиры — футболисты. А что обо мне слышно?

— Говорят, ты проводишь какие-то исследования и собираешься разрабатывать рудники на дне моря. Но, по-моему, они что-то путают. В газетах пишут совсем не о той части океана, где мы с тобой побывали.

— Сейчас я тебе все расскажу, но для начала мне нужно поговорить с твоим отцом или с Антонисом. Надеюсь, ты ничего не рассказывал им о золоте.

— Ты же просил меня хранить тайну.

— Пришло время ее открыть. Напрасно я с самого начала не доверился им. Они дома?

— Папа на каком-то конгрессе, а дядя Антонис здесь...

Не успел Христос договорить, как на пороге появился Антонис.

— Привет, Спирос! Какими судьбами? Мы уже все глаза проглядели.

— А я только что говорил Христосу, что завален работой. Но о вас никогда не забываю. Видишь, только чуть-чуть освободился, как сразу же заскочил к вам. Может, зайдем в дом?

— Конечно, проходи. Посидим, поболтаем...

Устроившись на просторной веранде, окна которой выходили в маленький, ухоженный садик, молодые люди с бокалами в руках начали весьма интересную беседу.

Христос, который боялся пропустить хоть слово из разговора, примостился на стуле поблизости и весь обратился в слух.

Спирос, рассказав Антонису в двух словах о золотой жиле, добавил:

— Извини, что не сказал тебе об этом раньше. Понимаешь, мне не хотелось разглашать тайну... Но раз я посвятил в нее Христа, было нечестно скрывать ее от вас. Я и Христа поставил в неловкое положение — ведь он дал мне слово ничего вам не рассказывать.

— Ну, а в газетах правду пишут?

— Информацию они дают правильную. Я действительно решил построить подводную деревню не в том месте, где мы были вместе с Христом.

— Но почему? — Мальчик даже вскочил со стула. — Ведь там так красиво!

— Там и правда красиво, но я еще раз все обдумал и решил, что никто не должен знать о нашей золотой жиле. По многим причинам, но главное, если я начну разработку и сразу выброшу на рынок столько золота, оно мгновенно обесценится. Вот я и решил оставить жилу для себя, чтобы, когда надо, плавать туда одному и отрезать столько золота, сколько нужно на текущие расходы. Вот почему незачем строить там деревню. К тому же, я нашел другое, более подходящее место.

— Где же ты построишь деревню? — с интересом спросил Антонис.

— Рядом с медной жилой, которую я обнаружил у берегов Южной Америки.

— Еще одна жила? — удивился Христос. — Да сколько же их там?

— Много, очень много... Плавая на батискафе, я все время открываю что-то новое. Пока я никому ничего не рассказываю, но когда-нибудь мне придется это сделать. Медь сейчас в цене. Ты, наверное, читал, что запасы цветных металлов, особенно меди, которая необходима для промышленности, на Земле истощены. Поэтому я решил разработать жилу.

— Там ты и построишь свою деревню?

— Именно. И убью сразу двух зайцев: во-первых, жители моей подводной деревни будут работать на руднике, а, во-вторых, я поставлю на них своего рода эксперимент. Ведь там будут жить не ученые, не специалисты, а обычные люди, техники и рабочие, а мы будем наблюдать за тем, как они приспосабливаются к жизни под водой.

— А вы уже начали строительство? — спросил Антонис, который слушал Спироса с большим вниманием.

— Разве можно спешить в таких делах? Через несколько дней я собираюсь подписать контракт с одной крупной технической фирмой, которая берется построить дома особого типа. Одновременно я веду переговоры с пятью другими международными компаниями, которые обеспечат деревню воздухом, подводными машинами, оборудованием, проведут электричество. Конечно, на все это нужно время.

Христос, видя, что разговор перешел на технические вопросы, поднялся с места.

— Извини, Спирос, меня ребята ждут. Я только хотел спросить: не собираешься ли ты отправиться куда-нибудь на батискафе? Может, опять возьмешь меня с собой, ведь у нас сейчас каникулы?

Спирос улыбнулся.

— Да, я все время куда-то езжу. Но у меня к тебе есть другое предложение. Кажется, ты хочешь стать врачом или твои планы изменились?

— Конечно, нет! Ведь у нас вся семья — врачи!

— И ты тоже хочешь стать нейрохирургом?

— Еще бы!

— Тогда я возьму тебя в свою лабораторию и кое-что покажу. Ты поймешь, что не одни лишь нейрохирурги творят чудеса. Я доверил тебе большую тайну и убедился, что ты умеешь держать язык за зубами. Почему бы не посвятить тебя в еще один маленький секрет? Итак, ты едешь?

Глаза Христа заблестели, и он даже покраснел от радости. Потом его прорвало:

— Ты еще спрашиваешь! Ура, мы едем!

ДАНАЯ ПРОТЕСТУЕТ

Было раннее утро, когда сверкающий лимузин Спироса подкатил к двери дома Викетасов. Христос, сгорая от нетерпения, выскочил за порог, навстречу Спиросу.

— Ну, как, готов? — спросил его тот. — Выезжаем сейчас же, а то мне сегодня надо еще много успеть.

— Сейчас иду. Только сбегая за сумкой и скажу, что мы уезжаем, — прокричал Христос и побежал прощаться с матерью.

В коридоре он натолкнулся на Даная, которая стояла там с виноватым видом и как будто специально его караулила.

— Отчего это, интересно, ты поднялся в такую рань? — попытался поддеть ее Христос. — Может, у тебя бессонница?

— Христос, — прошептала девочка, — попроси Спироса, чтобы он меня тоже взял с собой.

— Кажется, ты сошла с ума! Взять тебя с собой? Разбежалась!

— А тебя он почему берет?

— Но ведь ты еще маленькая. И к тому же девочка! Что он с тобой будет делать?

— Во-первых, не такая уж и маленькая — всего на год младше. А, во-вторых, женщины сейчас ни в чем не уступят мужчинам. Они даже в армии служат!

— В армии! Вот насмешила! У нас в Греции с вас пылинки сдувают!

— Скажешь тоже! И откуда только ты это взял?.. А Валентина Терешкова? Скажи Спиросу, ну, пожалуйста,— уже жалобно попросила Даная.— Я знаю, это путешествие держат в тайне, но...

— Даже не подумаю! У тебя свой язык есть, можешь сама попросить — Спирос за дверью...

Даная, не сказав больше ни слова, повернулась и выбежала в сад. Спирос стоял, прислонившись к железному забору, и курил.

— Привет, девчушка! — сказал он, увидев Даная.— Знаешь о чем я сейчас думал? Вспоминал, как я работал водителем — сидел и ждал, пока пассажиры соберутся. Хорошее было время! Тогда мне казалось, что у меня куча проблем: клиенты назойливые и расписание неудобное. А теперь просто скучаю по той жизни.

Даная робко улыбнулась.

— Раз ты это говоришь, Спирос, значит, так оно и есть. А разве тебя не радует, что ты стал великим, знаменитым на весь мир и все тобой восхищаются?

Лицо Спироса просияло. Этого-то она и добивалась.

— Конечно, радует, и не слушай мои жалобы. Устаю, правда, но зато знаю — то, что могу сделать я, не может никто другой, ни один человек на это не способен, если ему не помогает компьютер.

Даная хитро посмотрела на Спироса; момент был как раз подходящим, чтобы попросить его о том, чего ей так хотелось.

— Знаешь, Спирос, а я на тебя в обиде. Ты все время берешь с собой Христа, а меня никогда. Может, я в чем-то перед тобой провинилась или ты мне не доверяешь?

— В чем же ты могла передо мной провиниться? Ты, наверное, шутишь... А что касается доверия,— Спирос слегка покраснел,— то у меня пока еще не было случая тебя испытать...

— Случай как раз представился. Возьми и меня с собой, ты же берешь Христа. Ты увидишь, девчонки совсем не такие болтушки как говорят. Честное слово!

— Послушай, Даная, я не беру тебя с собой вовсе не потому, что ты разболтаешь. Выкинь это из головы. Просто никогда не думал, что это может быть тебе интересно. Христос хочет стать врачом..

— А кто тебе сказал, что я не хочу стать врачом?

— Но я не думаю, что ты станешь хирургом. Женщины обычно бывают гинекологами, педиатрами или микробиологами...

— Но ведь гинекологи — и одновременно хирурги.

— Наконец то, что я собираюсь показать Христосу, может тебе не понравиться или даже испугать...

— Скажи, Спирос, почему вы, мужчины, всегда думаете, что все женщины — неженки? Возьми меня один раз с собой, и ты увидишь! Клянусь, ты не пожалеешь. Ну, Спирос...

Спирос смягчился и взглянул на Даная уже не так сурово:

— Ладно, пусть будет по-твоему. Возьму тебя с собой. Но если

узнаю, что ты не смогла удержать язык за зубами, я буду страшно разочарован. Не забудь только спросить разрешения у родителей.

ОСТРОВ ЧУДЕС

Расстояние до острова было немаленькое, но яхта Спироса летела как стрела. Ветер на палубе был такой сильный, что Даная спряталась в каюту и забилась в кресло.

Вскоре к ней спустился Христос и почти силой вытащил на палубу, чтобы показать остров, появившийся на горизонте.

— Ребята, идите сюда, — услышали они голос Спироса. — Отсюда лучше видно.

— Ура, как мы близко! — радостно воскликнул Христос. — Я увидел остров на горизонте, понял, что мы скоро будем на месте и решил сбегать за Данаей. Только не говори, что ты сам построил это судно.

— Сам, а кто же еще! Поэтому оно такое быстроходное. Иначе мне пришлось бы летать туда-сюда на вертолете, а я, по правде говоря, предпочитаю море.

— Это твой собственный остров? — в свою очередь спросила Даная, несмотря на ветер мужественно стоявшая на фальшборте.

— Да, я купил его. Ведь теперь я самый богатый человек в мире. Потому я и преподнес лекарство от атеросклероза в дар государству.

— И сейчас тебя, конечно, считают благодетелем нации, — засмеялся Христос.

Остров постепенно приближался. Казалось, он сам бежит навстречу путешественникам, сверкая на солнце зеленью берегов, густо поросших буйной растительностью.

— Держу пари, что мы приехали на Таити, — выразил свое восхищение Христос.

— Посмотри, как здесь красиво. Когда я покупал его, тут была пустыня. А как сейчас стало хорошо.

— Но как тебе это удалось?

— Удалось, как видишь. Была проблема с водой. Но я нашел выход, изобретя способ опреснения морской воды.

— Наверное, вода обходится втридорога. Хорошо, что у тебя есть золото.

— Ты шутишь? Благодаря своему методу я получаю воду почти бесплатно. Иначе это было бы невыгодно. А вот и Цербер — пришел с нами поздороваться.

Дети с удивлением смотрели на берег. Из-за густых зарослей кустарника с красивыми алыми цветами выскочил, радостно лая, огромный пес. Он был черного окраса, с блестящей густой шерстью и... двумя головами.

При виде пса Даная только ахнула. Христос спрыгнул с корабля

на сушу, а Спирос, причалив к берегу, побежал к собаке с протянутой рукой. Но Цербер отступил на несколько шагов назад, урочающе оскалив зубы, а из двух его ртов послышалось недовольное рычание.

— Не подходи к нему,— предупредил Христоса Спирос.— Это Цербер не только по имени, но и по характеру, правда, охраняет он рай, а не ад.

— А разве у Цербера не три головы? — с сомнением спросила Даная.

— Так ты поэтому испугалась? — поддел ее Христос.— Какая разница, сколько голов было у мифического Цербера. Важно, что у этого, живого, их две. Спирос, он что, так и родился двуглавым.

— Нет, конечно. Не буду утверждать, что двуглавыя чудища никогда не рождаются, но они обычно не выживают. А мой Цербер родился обычным, с одной головой, как все собачки. Другую голову я ему пересадила.

— Вот это да! Да как тебе это удалось?

— Разве я не говорил тебе, что занимаюсь экспериментальной хирургией? Цербер — как раз одна из моих удач. Не скажу, что неудач у меня совсем не было. Этого никому не избежать. Важно, что успехов значительно больше, чем провалов. Сегодня вы кое-что увидите. Ну, Цербер, пошли.

Огромный пес прыгал вокруг Спироса на задних лапах. Казалось, что две головы ему нисколько не мешают. Даная заметила, что одна голова повторяет движения другой.

— Они что, связаны между собой? — спросила девочка, показав на головы рукой.

— Только до определенной степени — ими управляет единая нервная система, поэтому обе головы автоматически повторяют одно и то же движение. Ну, как вам мой пес?

— Просто прелесть! — воскликнула Даная.— На вид он такой добрый. Можно его погладить?

— Смотри, как бы он не порвал на тебе одежду. Цербер — сторож, он не позволяет посторонним дотрагиваться до себя. Исключение он делает только для тех, кого считает достойными своего доверия. Мне показалось, что он вильнул хвостом в твою сторону. Потерпи немножко, сейчас он успокоится.

В этот момент они шли по широкой аллее, по обеим сторонам которой в два ряда росли гигантские бананы. Их желтые плоды, свисавшие огромными гроздьями, красиво смотрелись на фоне крупных темно-зеленых листьев.

— Неужели ты обнаружил эти деревья здесь, на выжженном солнцем острове?

— Нет, конечно. Я привез их уже большими из Африки.

— А нам на ботанике говорили, что бананы пересаживать нельзя.

— Как видишь, я их пересадил. Бананы не приживаются, если их пересаживать старым, традиционным способом. А я открыл новый.

Даная обернулась и посмотрела на Спироса. Из-под маски скромности, которую он пытался надеть на себя, все больше проглядывали самоуверенность и самодовольство. Это был другой Спирос, не тот, с которым они когда-то познакомились у себя дома. Девочка покачала головой, но решила промолчать.

Ее внимание привлекло еще одно удивительное животное. Оно вышло из-за деревьев, неуверенно остановилось при виде приближавшихся людей, а затем снова спряталось в густой листве.

— Что это такое, Спирос? — спросил Христос. — Змея или большая ящерица?

— Оно показалось тебе странным?

— Никогда еще не видел такого. Нет, правда, что это? И где ты его нашел?

Спирос резко остановился.

— Христос, ты удивительно наблюдателен. Существо, которое так поразило тебя, и змея, и ящерица одновременно.

— То есть как? — Даная раскрыла рот от удивления.

— Это змея с лапками ящерицы. Как известно, змея произошла от ящерицы с очень длинным телом. Со временем она утратила лапки и превратилась в ту змею, которую мы знаем. А я решил поставить эксперимент и снова пересадить змее лапки, которые когда-то у нее были. Не знаю, рада ли змея, что у нее появились лапки, но, по-моему, она совсем из-за них не расстраивается.

— А как тебе в голову пришла такая мысль, Спирос? Может быть, на то была какая-то особая причина? — задумчиво спросил Христос.

— Ты когда-нибудь читал «Остров доктора Моро» Герберта Уэллса? Нет? А я зачитывался им, когда был в твоём возрасте. Доктор Моро путем хирургического вмешательства превращал животных в людей. Последствия были ужасающие. Эта книга так меня потрясла, что я несколько недель страдал бессонницей. Уэллс описал все так убедительно и такими мрачными красками, что страшно становится. Но я не ставлю эксперименты, которые противоречат природе. Цербер — мой первый опыт, поэтому у него две головы. Просто пытаюсь восстановить некоторые виды исчезнувших с лица Земли животных и исправить несовершенства существующих.

Неожиданно аллея сделала резкий поворот. Среди тенистых бананов показался невысокий холмик, освещенный яркими солнечными лучами. Холмик был засажен цветущим кустарником. Здесь можно было увидеть самые разные цветы — от ярко-красных и желтых мальв до белых олеандров, от фиолетовых вероник до розовых камелий, от золотистой жимолости до белых гардений,—

которые радовали глаз своим многоцветьем. И среди всего этого великолепия красок, спокойный и холодный, стоял прекрасный белый дом со строгими колоннами.

— Прибыли,— сказал Спирос.— Вот моя летняя резиденция и одновременно лаборатория. Пойдемте сначала выпьем лимонада, а потом я вам кое-что покажу.

Они уселись в соломенные кресла на веранде. Внизу расстилось сапфировое море. Необъятный горизонт где-то далеко сливался с водой.

— До чего красиво! — вздохнула Даная и добавила: — Никогда не видела, чтобы камелии цвели одновременно с жимолостью. По моему, обычно они цветут в разное время года. Я люблю цветы и немного в них разбираюсь.

— Молодец, Даная! Вы ребята что надо. Обращаете внимание на всякие мелочи, которых другие бы просто не заметили. Эти цветы как ты правильно сказала, цветут в разное время. В следующий раз я открою тебе свой секрет. Вижу, что ты способна его оценить.

Но Спирос не успел договорить. В дверях веранды, выходявшей окнами в сад, появилось еще одно диковинное существо. Пепельного цвета, с головой тюленя, дырками вместо ушей и большими умными глазами, оно передвигалось с помощью четырех коротких, неуклюжих лап.

Было видно, что животное двигается с трудом, спотыкаясь, медленно переставляет лапы, часто и тяжело дыша. Это, однако, не помешало ему приблизиться к Спиросу и потереться о его ноги изредка издавая звуки, похожие на хриплый лай.

— Ну, Роби, дружок, ну, не надо! Ты, может быть, проголодался? Очень голодный? — спросил Спирос у странного существа которое продолжало настойчиво о чем-то просить.— Костас,— закричал Спирос, обернувшись в сторону сада.— Где ты, Костас?

— Иду, хозяин,— послышался глухой голос, и мужчина средних лет в рабочем костюме поднялся по лестнице на веранду.

— Тюлень проголодался. Вы его не покормили.

— Это, наверное, тетка Мария забыла. Ну, Роби, пошли.

Тюлень шевельнул задней частью туловища, где должны были находиться лапы, и последовал за садовником.

— Это тюлень? — спросил Христос.— Но ведь у тюленя нет лап.

— Ты правильно заметил, лап у него нет. Но когда-то, еще тогда когда он жил на суше, они у тюленя были. Тюлень, однако, предпочел жизнь в воде, и постепенно лапы превратились у него в лапы. Тюлени — дальние родственники медведей, хотя сейчас они совсем друг на друга не похожи. Это самый неудачный эксперимент. Я хотел вернуть тюленю лапы, а превратил его в бесполезное животное. Теперь он не может жить ни в море, так как утратил способность плавать, ни на суше, так как ему неудобно передвигаться на этих

неуклюжих лапах — ведь он разучился ими пользоваться. Бедный тюлень, я его искалечил... Ну, вот вы уже и выпили лимонад. Идемте.

Они снова оказались в холле. Спирос подошел к одной из дверей, которая по виду ничем не отличалась от остальных, достал из кармана связку ключей и открыл дверь. Пройдя несколько шагов по узкому коридору, они очутились перед другой дверью, на этот раз железной.

— Вот за этой дверью и проходят все наши эксперименты, — сказал Спирос. — Хотя остров мой собственный и охраняется моими людьми, всегда есть опасность, что кто-то тайно проникнет сюда и увидит вещи, не предназначенные, по крайней мере сейчас, для постороннего глаза. У меня есть два ассистента, молодых хирурга — прекрасные ребята, очень талантливые, они мне здорово помогают. Я им полностью доверяю.

Они находились в огромной комнате, свет в которую проникал через целый ряд окон, расположенных под потолком. Под окнами по периметру стены располагался металлический стол с хирургическими инструментами. Но ребят удивило не это, а гигантских размеров аквариум, который занимал почти половину комнаты. Внутри него всеми цветами радуги переливались морские веера и анемоны, колеблемые струей свежей воды. Морские огурцы и кораллы, находившиеся на дне аквариума, делали его похожим на настоящее море. Наверху, где заканчивалось стекло, находилась небольшая площадка, откуда узкая лесенка спускалась до самого пола комнаты.

Молодой человек в очках и белом халате, который следил за чем-то, происходившим в аквариуме, удивленный, обернулся, когда дверь открылась.

— Привет, Спирос! Не ждали тебя так рано.

— Я бы не приехал, если бы не мои друзья, которых я привез сюда на экскурсию. Наверное, я рассказывал о своем друге Антонисе Викетасе. Это его племянники. Оба они хотят стать врачами, вот я и подумал, что наши эксперименты могли бы их заинтересовать.

Даная не обратила никакого внимания на то, что говорил Спирос. Как зачарованная она стояла перед аквариумом. Ей приходилось видеть знаменитый аквариум на острове Родос, но с этим аквариумом он не шел ни в какое сравнение. Никогда еще Даная не видела ничего более удивительного.

Сначала девочка не различала ничего, кроме водорослей, которые медленно и лениво показывались в воде. Затем она заметила креветок и морских звезд. Одна из них, белая с малиновой тесьмой, показалась ей сказочно прекрасной.

Пока Даная любовалась морской звездой, целая стайка серебряных рыбешек проплыла рядом со стеклом. Рыбешки были явно

чем-то напуганы. А потом Даная увидела того, кто за ними охотился. Вначале она решила, что это маленький крокодил. Но, присмотревшись внимательнее, Даная поняла, что ошиблась. Это был не крокодил, существо это даже отдаленно не напоминало крокодила. Даная глазам своим не верила, и все-таки они ее не обманывали.

Существо в воде сделало резкое движение и очутилось рядом со стеклом. Без сомнения, это была маленькая обезьянка, из тех, каких в старые времена таскали за собой шарманщики, заставляя их плясать под музыку и затем собирать у публики медяки.

Девочка протерла глаза. Обезьяна в воде? К тому же плавает как рыба? Даная обернулась и вопросительно посмотрела на Спироса. Тот утвердительно кивнул.

— Ты не ошиблась, Даная. Это обезьянка. Видишь, как хорошо она плавает? Ей очень нравится гоняться за рыбешками. Конечно, она их не убивает, просто играет. Но рыбешки от нее убегают. Хочешь, я позову обезьянку, и ты ее получше рассмотришь?

Даная обрадовалась.

— А можно? Тогда позови. Скажи, чтобы она побыстрее пришла.

Молодой хирург, Яннис, снял с гвоздя на стене колокольчик и позвонил. Звон колокольчика тонким серебристым эхом разлетелся по комнате.

Обезьяна, которая продолжала преследовать рыбешек, резко остановилась, повернулась и подплыла к стенке аквариума. Яннис снова позвонил в колокольчик. Обезьянка вынырнула на поверхность воды, вскарабкалась на площадку и кубарем скатилась с лестницы. Одним прыжком она взобралась на плечо Янниса, разбрызгивая повсюду воду, и стала шарить у него по карманам.

— А ну, быстро слезай, Лулу! — закричал Яннис, пытаясь снять ее с себя. — Ты же вся мокрая. Уйди отсюда. На, возьми фисташек и уходи.

Спирос объяснил детям:

— Мы приучили ее приходить сюда на звон колокольчика — его хорошо слышно в воде. Но когда мы зовем ее, то обязательно что-нибудь даем.

— Где-то я читал, что так и надо дрессировать животных — не бить, а все время награждать. Объясни нам, почему обезьяна умеет плавать и вообще столько времени проводит под водой. Обезьяны же не любят воду, ведь это не выдры и не бобры. Как вам удалось ее приучить?

— Лулу проводит под водой целые часы напролет, а не считанные минуты, как бобры и выдры. Она может находиться там даже дольше, чем дельфины и тюлени, может торчать в воде целыми днями, ни разу не высунув носа, чтобы хоть немного подышать воздухом.

— Это просто поразительно! — воскликнула Даная. — Как тебе это удалось?

— А вот как. Я вспомнил, что жизнь зародилась в воде. Море было ее колыбелью, здесь возникли первые клетки, отсюда вышли рыбы, которые потом перебрались на сушу. Но ведь рыбы дышат бронхами. Чтобы выжить на суше, они обзавелись легкими. Итак, от рыб произошли амфибии, пресмыкающиеся, птицы и млекопитающие. А затем и мы. Некоторые млекопитающие вернулись в стихию, которая дала им жизнь, например, киты, дельфины и тюлени. Однако они сохранили дыхательную систему, служившую им на суше, и продолжали дышать легкими. Вот я и подумал: а что если вернуть какому-нибудь млекопитающему жабры, которые появляются у его зародышей на начальной стадии развития, в то же время не лишая его легких? Проблема заключалась в том, сможет ли млекопитающее приспособиться к воде.

— И ты добился успеха? — спросил Христос, который слушал как заворуженный.

— Как видишь. Лулу полюбила воду так, будто это ее родная стихия. Однако мы на этом не остановимся. В моей лаборатории есть еще много интересного, правда, все это находится пока лишь на стадии разработки и не предназначено для показа. Ребята, пожалуй, на сегодня хватит. Может, искупаетесь? Вы, наверное, уже догадались, что вода здесь самая чистая во всей Греции. Ну, что, хотите?

— Конечно, хотим! — в один голос закричали Христос и Даная. — Пошли!

РОКОВОЕ КУПАНИЕ

Господин Костас показал детям дорогу.

— Спускайтесь по этой тропинке. Три минуты — и вы на пляже. Но остерегайтесь...

— Чего? — спросила Даная. — Течений?

— Течений здесь нет, но... А, впрочем, ничего. Это я так... — но, прежде чем уйти, господин Костас добавил: — Остерегайтесь нежелательных встреч.

— До чего загадочный этот старик, — пожав плечами, сказал Христос. — Кто знает, что у него на уме. Есть это у некоторых людей — говорят какими-то недомолвками, ничего не объясняя.

— А ты должен сидеть и слушать! Но хватит о нем. Ты лучше посмотри на море. С ума сойти! Афинам такое море и не снилось! А песок! Это же чистое золото.

Маленькая бухта действительно была сказочно прекрасна. Сосны доходили до самого берега, как бы зазывая купальщиков после моря насладиться прохладой в тени деревьев. Широкая полоса мелкого мягкого песка обрамляла чистое, прозрачное море, на дне

которого можно было различить даже гальку. Это необычайное по голубизне море простиралось до самого горизонта. С обеих сторон бухты возвышались черные крутые скалы, которые набегавшая волна сделала скользкими и неприступными.

— Какой вид! — восхищенно прошептала Даная, сбросив легкое платье. — Сколько бы дней мы здесь ни прожили, я не собираюсь вылезать из воды. Пусть Спирос и из меня сделает амфибию.

Даная плюхнулась в воду и поплыла широкими саженками.

— Христос, иди сюда, — закричала она издали. — Не копайся. Я поплыла к скалам.

Даная была хорошей пловчихой. Она занималась в секции плавания, и тренер уже давно пытался убедить ее всерьез заняться спортом.

Вскоре Даная подплыла к скалам. Они нависали над бухтой с обеих сторон, оставляя узкий пролив посередине. Одной рукой девочка ухватилась за большой камень, и ласковая волна стала нежно покачивать ее.

Море плескалось вокруг, волны бились о скалы. Полуденный зной отуплял.

Вдруг она услышала легкий шелест за спиной. Но море что-то ласково нашептывало, убаюкивая ее, и Данае лень было открывать глаза.

Неожиданно кто-то грубо схватил ее за плечо, и Даная очнулась. «Наверное, это Христос, — пронеслось в ее полусонной голове. — Ну, его...»

Но тут хватка стала мертвой — ее пытались оторвать от скалы. Даная обернулась, и то, что она увидела, сразу же привело ее в чувство. Громадная лапа, покрытая густой рыжеватой щетиной, впиалась в ее хрупкое плечо своими сильными пальцами.

Невольно Даная издала дикий вопль, эхом пронесшийся по узкой бухте. В тот же миг она ухватилась за поросшую рыжей щетиной лапу, пытаясь вырваться из цепких объятий. Но тут еще одна такая же сильная лапа сжала ее как в тисках. Тогда Даная поняла, что незнакомец решительно толкает ее в воду.

Обезумев от страха, девочка посмотрела назад и чуть не потеряла сознание, когда увидела черное и дикое лицо своего похитителя. Маленькие, близко посаженные глазки смотрели на нее со злобой. Крошечный нос переходил в огромные ноздри. Рот был похож на щель, а подбородок порос жесткой рыжей бородой. Рыжие волосы спадали на лоб. Лицо было жуткое, кошмарное, нечеловеческое.

Даная отчаянно билась в его лапах, стараясь вырваться из железных объятий, а незнакомец пытался затащить ее как можно глубже в море. Девочка открыла рот, судорожно взывая о помощи.

Рука Данаи уже оторвалась от камня. В ушах у нее звенело. Красные круги плыли перед глазами. Вдруг девочке показалось, что

откуда-то издали послышался голос Христоса. Она открыла глаза и, словно сквозь сон, увидела, как Христос бросается на похитителя, пытаясь разжать железные тиски.

И тут произошло неожиданное. Чудовище вынуло из воды еще одну — уже третью по счету — лапу и схватило Христоса за шею. Мальчик пытался освободиться, разжать пальцы этой третьей, невероятной лапы, чувствуя, как они медленно подбираются к его горлу.

Между тем на берег прибежали господин Костас, Яннис в белом халате, а за ними и Спирос.

Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить ситуацию, и садовник с хирургом в чем были бросились в воду, чтобы как можно быстрее добраться до ребят и предотвратить несчастье.

Яннис плыл медленно, ему мешала намокшая одежда. Вдруг он почувствовал, что кто-то трясет его сзади за плечи. Удивленный, юноша обернулся и увидел разъяренного Спироса.

— Ты куда? — спросил тот, пытаясь держать рот над уровнем воды. — Кто вас просил вмешиваться? Давайте сначала посмотрим, что произойдет. Это же долгожданная возможность понаблюдать за поведением Джима в воде.

— Неужели мы позволим этой паршивой обезьяне задушить детей? Ты, случайно, не спятил? — И обутой в ботинок ногой он нанес Спиросу сильный удар в грудь, отбросил его назад.

Спирос выбыл из строя, но Яннис понимал, что так или иначе им с Костасом — двум крепким мужчинам — будет нелегко справиться с сильной обезьяной. В поисках какого-нибудь орудия Яннис бросил торопливый взгляд в сторону берега и увидел, что какая-то деревяшка плывет по мелководью.

Яннис схватил деревяшку и поплыл к месту схватки. Он увидел, что Костас подплыл к обезьяне сзади и пытается оторвать ее лапу от шеи Христоса. Обезьяна оставила детей и в бешенстве бросилась на садовника. Яннис видел, что тот вступил в неравный бой. Но он был уже близко и нанес своей импровизированной дубинкой сильный удар по голове животного.

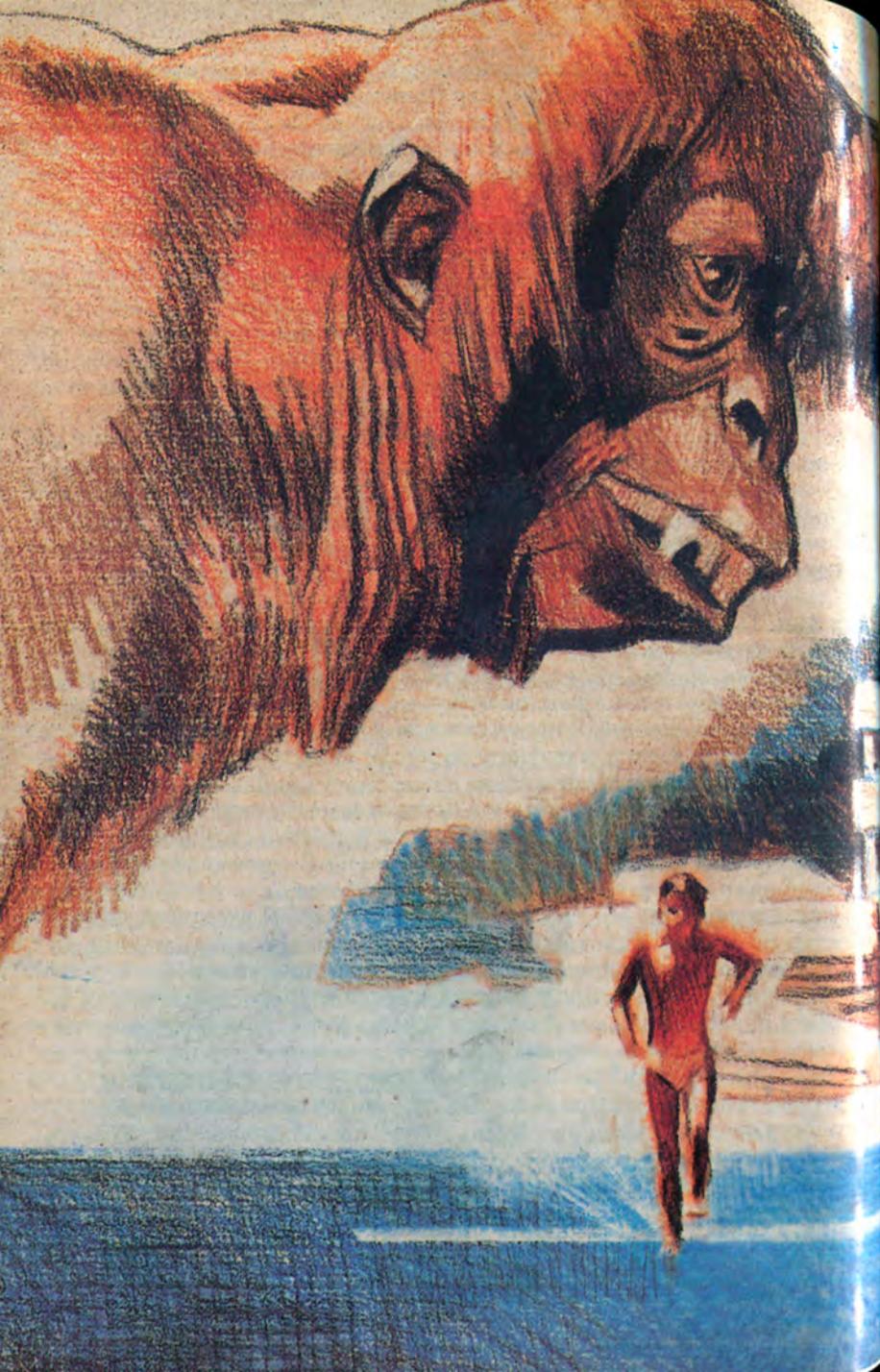
Оглушенный ударом зверь, не подозревавший о новой опасности, обернулся. Тогда Яннис нанес новый удар, теперь уже изо всех сил. Обезьяна потеряла равновесие и упала в море. Доктор схватил ее за лапу и потащил к скалам.

— Эй, вы, помогите! — крикнул он Костасу и Христосу. — Если волна вынесет обезьяну из бухты, мы ее потеряем. А ну-ка за работу!

С большим трудом они втроем вытащили обезьяну на берег.

— А у нас есть веревки, Костас, — его ведь надо связать? — спросил доктор.

— Дома сколько угодно, но здесь откуда? Мальчик, если ты еще

держишься на ногах, сбегай за веревками, пока этот тип не успел прийти в себя, а иначе...

— Не надо,— прервал его доктор, который в этот момент рылся у себя в карманах.— Нам повезло — я собирался сделать анестезирующий укол тюленю, у него что-то случилось с лапами. Укол делает Джима на какое-то время неподвижным, и мы успеем отнести его в лабораторию и посадить в клетку.

Тем временем Христос побежал проведать сестренку. Даная сидела, прислонившись спиной к скале. Она была бледна и все еще дрожала от страха.

— Ну, сестренка,— сказал Христос,— пойдем я провожу тебя до дома, там тебе сразу станет лучше. Кто бы мог подумать, какие приключения нас здесь ожидают.

— Неужели это обезьяна? — дрожащим голосом спросила девочка.— По-моему, на шимпанзе не похожа...

— Это орангутанг,— вмешался в разговор доктор,— настоящий лесной человек, именно так это название переводится с малайского. Мы держали его в клетке, в лаборатории, а Джим оттуда удрал. Но мы не знали, что он здесь прячется.

— Хотя понимали, что он опасен, поэтому я вас и предупредил,— добавил садовник.— Но я не мог рассказать вам, в чем дело. Хорошо еще, что мы вовремя подоспели — он, кажется, совершенно взбесился, после того как Спирос сделал ему операцию.

— Как, он и этой обезьяне сделал операцию? Интересно, какую? Однако их разговор был внезапно прерван. На вершине скалы показался Спирос. Волосы его растрепались, с одежды стекала вода, а лицо было искажено гневом.

— Яннис, как ты посмел? — крикнул он, едва завидев Янниса.— Я же запретил тебе вмешиваться. А ты не только вмешался, но еще и осмелился поднять на меня руку.

Не успел доктор ответить, как Спирос закричал на садовника.

— А ты, Костас! Когда я что-то вам говорю, это означает, что вы должны беспрекословно повиноваться, понятно?

— Но, хозяин,— испуганно возразил садовник,— ведь дети были в опасности. Если бы мы вовремя не подоспели на помощь, они и убить их мог!

— Ерунда,— взорвался Спирос, все больше выходя из себя,— Джим просто шутил. Он бы их не тронул! А я так хотел понаблюдать за его поведением в воде. Вы мне испортили эксперимент!

— Не могу с тобой согласиться,— спокойно сказал молодой доктор.— Мы потеряли контроль над ситуацией. После операции характер Джима переменился, он стал ужасно агрессивным, и ты это знаешь не хуже нас. Это были уже не шутки. Он хотел похитить девочку, это точно. Не знаю, что было у него на уме, но это было опасно. И он бы, не моргнув глазом, убил Христоса, который пы-

тался ему помешать. Ты был готов принести ребятишек в жертву — а ведь это дети твоего старого друга — только ради того, чтобы посмотреть, как ведет себя в воде земноводный орангутанг. Да ты рехнулся, братец!

— Вон! — закричал Спирос. — Я тебя увольняю. И тебя, Костас, тоже. С этого момента вы у меня не служите. Выплачу вам выходное пособие в пятикратном размере, и вы немедленно уберетесь отсюда. Чтобы глаза мои вас больше не видели!

Не удостоив Спироса ответом, Яннис повернулся, чтобы уйти. Садовник последовал за ним. Христос помог Данае подняться. Ноги у девочки подкашивались, но она все-таки встала.

Спирос растерянно смотрел на них. Было видно, какие усилия он прилагает, чтобы овладеть собой.

— А вы, ребята, куда? — спросил Спирос, и голос его дрогнул — было заметно, что он нервничает. — Я вас не прогонял.

— Мне жаль, Спирос, — с достоинством ответил Христос, — но ты, наверное, понимаешь, что после всего этого мы не можем больше оставаться в твоём доме. Раз какая-то обезьяна тебе дороже, чем наша жизнь, мы вынуждены уехать.

— Ребята, постойте, — сказал Спирос и провел рукой по лбу, как будто хотел навести порядок у себя в голове. — Мне надо вам объяснить, и тогда, может быть, вы поймете... В двух словах я расскажу, что происходит... Я показал вам обезьяну в аквариуме, но не сказал, какую цель преследует этот эксперимент. Вы же знаете, я мечтаю помочь людям заселить море и уже сделал несколько шагов в этом направлении. Но пока человек зависит от техники, он не сможет освоиться в водной стихии. Мне пришла в голову важная мысль: люди, как и все млекопитающие, произошли от амфибий. В процессе эволюции все сухопутные животные утратили бронхи. Чтобы свободно чувствовать себя в воде, человек должен снова превратиться в амфибию. Все эти опыты со змеями и тюленями я провел, чтобы проследить, как живой организм реагирует на возвращение того или иного органа, который он утратил в процессе эволюции. Поставив целую серию экспериментов, я попытался пересадить бронхи той обезьянке, которую вы видели. Операция прошла успешно. Обезьянка не только научилась дышать в воде, но страшно полюбила водную стихию. Следующим шагом был Джим, человекообразная обезьяна. А если и здесь все пойдет хорошо, то я испробую на человеке...

— Мы знаем, что у тебя светлая голова и прекрасные руки, — сказал Яннис, он остановился, поджидая детей. — Если твои опыты удадутся, это явится новой вехой в истории человечества, и, возможно, следующие поколения людей будут тебе благодарны. Но все равно тебе нет оправдания. Твое поведение преступно. Исследовательский запал заставляет тебя забывать о здравом смысле. Обра-

зумыся, пока не поздно, ведь ты мечтаешь осчастливить человечество, а вместо этого можешь стать причиной его гибели. Пошли, ребята.

ВСТРЕЧА

Прошло несколько месяцев после неудачного путешествия. Брат и сестра решили не рассказывать родителям о том, что произошло на острове.

— Ты же знаешь, как они расстроятся,— сказал Христос Данае.— Ведь они в Спиросе души не чают. Если мы расскажем, что случилось и как вел себя при этом Спирос, они будут страшно разочарованы. Не стоит их огорчать. А если Спирос опять пригласит нас куда-нибудь, найдем какой-нибудь предлог и откажемся.

Спирос, однако, не показывался, вероятно, он избегал встреч с ребятами, не зная, как оправдать перед ними свое поведение.

Антонису страшно не нравилось молчание Спироса, но он предпочитал не затрагивать эту тему в разговорах с Кирьякосом, зная, что и тот не одобряет поведения их бывшего пациента.

Но однажды, когда Антонис, усталый после ночной смены в операционной, ждал, пока ему подадут машину из гаража, он заметил рядом с собой шикарно одетого господина.

Антонису показалось, что где-то он уже встречался с этим человеком. Незнакомец поднял руку и вытер пот на лбу, и тогда Антониса осенило.

— Спирос? — произнес он.— Ты? Целый час стоишь рядом со мной, а я тебя не узнаю.

Господин обернулся. Это был действительно Спирос, но какой-то незнакомый. Казалось, он стал выше ростом и как-то надулся. Даже черты его лица поглубели и стали резче.

— А, это ты, Антонис,— снисходительно ответил тот.— Извини, не заметил. Но у меня столько забот, что башка совсем не варит.

— Сто лет не виделись, Спирос,— робко заметил Антонис, в глубине души ругая себя за то, что восхищается этим человеком.— Знаю, что ты занят, но неужели так трудно выбрать время и позвонить?

— Ты прав, это все моя рассеянность. Но раз уж мы встретились неожиданно-негаданно, пойдем зайдем куда-нибудь, посидим, поболтаем.

Антонис, хотя и валился с ног от усталости, не хотел упускать такой случай.

— Как насчет того, чтобы пообедать где-нибудь поблизости?

Кандидис демонстративно посмотрел на часы.

— К четырем мне надо вернуться в контору. У меня совещание. До этого времени я в твоём распоряжении.

— А у меня в пять начинается прием. Надо бы еще домой заехать.

И они отправились в один из лучших ресторанов этого района.

— Как идут дела, Спирос? А как твоя идея подводной деревни?

— Деревня? Мечта становится реальностью,— высокомерно ответил Кандидис.— Компания, взявшая подряд на строительство, уже приступила к сборке зданий, которые будут нашпигованы всевозможным оборудованием. Скоро дело дойдет и до рудника. Медь там самородная, первого сорта, но добыча будет не из легких. Основная трудность — акулы. Их много, и они страшно опасны. Наши водолазы будут, конечно, работать в клетках, но, откровенно говоря, даже лучшие клетки, предназначенные для защиты от акул, не дают стопроцентной гарантии.

— И тем не менее вы начнете разработку?

— Неужели нет? После стольких трудов и затрат...

— Несмотря на то, что есть опасность для жизни людей?

— Во-первых, нет серьезных причин считать, что им действительно грозит опасность. И потом, что такое гибель двух-трех человек по сравнению с общим благом?

Антонис в ужасе посмотрел на Спироса.

— Неужели ты веришь в то, что говоришь, Спирос? Ты готов жертвовать человеческими жизнями ради того, чтобы потешить собственное самолюбие?

На какое-то мгновение Антонис встретился взглядом со своим старым товарищем и похолодел: такими пустыми и безжизненными показались ему глаза Спироса.

— По-моему, Антонис, ты несколько преувеличиваешь. Повторяю, опасность невелика, но даже если она существует, все равно мы обязаны продолжить начатое дело. Ведь речь идет о будущем человечества. Море хранит нетронутые залежи полезных ископаемых, в то время как запасы суши истощаются. Ты меня понял?

Антонис, смутившись, немного помолчал, а потом сказал:

— Видимо, ты взял на вооружение девиз: «Цель оправдывает средства». А, впрочем, ты достаточно умен и знаешь, что делаешь. Надеюсь, твои прогнозы оправдаются.

— Спасибо на добром слове.— Спирос отставил кофейную чашечку и встал.— Я думаю, нам пора. Пока,— сказал он и направился к выходу.

— Пока,— пробормотал Антонис, провожая его глазами.

АВАРИЯ

— Крупная авария! — кричал продавец газет, когда профессор проходил мимо лотка с прессой.— 25 человек убито, 63 ранено. Крупная авария под водой!

Услышав слова «под водой», Викетас остановился, купил газету и пробежал глазами заголовки. Он не ошибся. Авария произошла на экспериментальном подводном руднике фирмы «Кандидис и компания».

Дойдя до первого кафе, профессор сел за столик и углубился в чтение.

В статье со всеми подробностями описывалась подводная деревня. Ее представляли чуть ли не как восьмое чудо света со всеми современными удобствами, включая кинотеатр и концертный зал. Затем шло описание рудника, потом рассказывалось об ужасной аварии, а заканчивалась статья интервью с очевидцем событий:

«Меня зовут Костас Константиnidис. В момент аварии я находился на руднике. Я работаю рудокопом, и в тот день была моя очередь подрывать скалы, которые закрывают медную жилу.

С самого утра на душе у меня было беспокойно. Может, это было предчувствие, но не идти на работу я не мог. Понимаешь, я не мог сказать больным, внизу это не принято, там мы все как братья. Итак, мы приехали на рудник на подводных машинах и сразу же заперлись в клетках.

— Господин Константиnidис, а что представляют собой эти клетки?

— Это большие клетки из стали, защищающие человека от акул. Противоакульные, так их называют. Находясь в такой клетке, можно почти спокойно работать. Крупные акулы не пролезают сквозь решетку, а маленьких мы не берем в расчет. Итак, мы сразу же зашли в клетки, так как море кишело акулами. Там их всегда тьма-тьмуца, но в тот день вокруг был просто какой-то акулий суп. Может, они что пронюхали и там собрались, не знаю!

Потом один мой товарищ, Костас Гарикас, заложил динамит, зажег подводный фитиль и дал нам сигнал удалиться. На суше обычно эту работу делают с вечера, но в воде у нас другая тактика. Какую ошибку допустил Костас, пока неизвестно. Сейчас туда направилась комиссия Фонда по предупреждению несчастных случаев, чтобы установить, как они говорят, причины и разобраться, кто виноват. К чему сейчас все это — людей-то не вернешь. Но я отвлекся. Единственное, что я знаю, — взрыв произошел раньше, чем положено, и мы не успели отойти на достаточное расстояние. К тому же он был сильнее, чем предполагалось. Скалы рассыпались на громадные глыбы, падали, задевая клетки с рабочими. А акулы, почуяв запах крови, бросались на нас буквально тысячами. Пока спасательная команда не приехала, столько крови пролилось...»

Профессор дочитал статью до конца. Прочитанное его просто потрясло. Так он и сидел в задумчивости, держа раскрытую газету перед собой. Профессор размышлял о том, на ком лежит вина за

трагедию, унесшую столько человеческих жизней, и невольно подумал, что первым виновником был Антонис, а вторым — он сам. Но как они могли тогда знать, чем обернется их благое деяние?..

— Никак обо мне читаешь? — услышал профессор знакомый голос. Поднял глаза и увидел перед собою Спироса.

— Ты здесь? — удивился Викетас. — Я думал, ты в море.

— Я уже вернулся. Новости, о которых пишут в газете, не самые свежие. То, о чем ты читал, произошло вчера, а комиссия Фонда по предупреждению несчастных случаев уехала отсюда сегодня. Вместе с ними уехал и я.

— И к какому заключению пришла комиссия?

— Несчастный случай, конечно. Ну и элемент халатности. Ответственность лежит на том, кто закладывал взрывчатку, но он мертв...

— А сколько погибло?

Спирос проглотил слюну.

— Больше, чем пишут в газете.

— Раненых, значит, тоже больше. А какие были травмы? — спросил Кирьякос с профессиональным интересом.

— Увечья. Запах крови привел акул в бешенство, и они уже не считались ни с чем — ни с клетками, ни с острогами...

— Столько жертв! Это ужасно!

— Не расстраивайся. Семьи погибших получают большую компенсацию.

— Но ведь люди погибли...

— Что теперь делать? Новые идеи, как правило, требуют жертв.

Викетас задумчиво посмотрел на Спироса. Невольно вспомнилось то, о чем когда-то ему говорил Антонис.

— Ты собираешься продолжать начатое?

— Конечно. Только не сразу. Комиссия запретила нам работать до того, как будут окончательно установлены виновные и приняты более строгие меры безопасности... Но я не собираюсь сидеть сложа руки. Так можно прождать целую вечность. Жизнь коротка, а время дорого.

— Что ты хочешь этим сказать? У тебя уже есть другие планы?

— Полно, — самодовольно улыбнулся Кандидис. — Я же сказал, что хочу помочь человечеству. Как ты думаешь, что ему больше всего нужно?

Профессор на минуту задумался.

— Вода. Без пресной воды жизнь не может существовать, а воды, чем дальше, становится все меньше и меньше.

— Правильно! Вода необходима нам для жизни, а опреснение морской воды дается нелегко. Однако со временем я собираюсь решить эту проблему. Возможно, решение уже найдено, но с выполнением придется повременить.

— А можно спросить, в чем оно заключается?

— Пожалуй, тебе я могу довериться. Ты никогда не задумывался, сколько пресной воды заключено в ледниках Северного и Южного полюсов?

— Признаюсь, эта мысль никогда не приходила мне в голову.

— В одном леднике содержится столько воды, что ее хватило бы, чтобы несколько месяцев орошать пустыню Сахара. Тебе, наверное, известно, что Сахара не всегда была пустыней, совсем еще недавно это была плодороднейшая местность, пока пески не задушили ее. С помощью одного ледника мы могли бы уничтожить пустыню, но проблема заключается в доставке льда. Вероятно, и ее можно решить, если... Если я претворю в жизнь еще один план...

— Какой же? — спросил профессор.

— Чего еще нам сейчас не хватает, Кирьякос?

— Я полагаю, ты имеешь в виду энергию.

— Совершенно верно. Запасы нефти истощаются, атомная энергия небезопасна...

— Есть еще солнечная энергия.

— Но мы пока не умеем с ней как следует обращаться. Есть еще один природный источник энергии, о котором люди знают, но боятся им пользоваться.

— Что же это такое?

— Вулканы, друг мой, вулканы.

— Вулканы? То есть их тепло? Спирос, ты не открываешь никакой Америки. Этот вид энергии использовали и до тебя. Как известно, школы в Исландии и Японии отапливаются за счет энергии вулканов. А прачечные Новой Зеландии благодаря им имеют бесплатную горячую воду. Итальянские вулканы производят электроэнергию.

— Но ведь это всего лишь отдельные случаи, когда используется какой-то постоянный феномен вулканического происхождения, например, гейзеры или термальные источники. Никто еще не пытался найти применение колоссальной энергии самих вулканов из страха перед ними. Одни вулканы спят веками и потом вдруг начинают извергаться, другие после длительного действия постепенно затухают и, наконец, умирают. Перед тем как начать действовать они дают нам сигналы, но не слишком надежные, и к тому же всегда в последний момент. Таким образом, колоссальная энергия, которой они обладают, пропадает напрасно. Ты согласен?

— Согласен-то я согласен, но не вижу выхода.

— Вполне естественно, что не видишь.

— А ты видишь?

— Я — да. Изучив этот вопрос, я пришел к выводу, что если мы заполним водой подземные коридоры под потухшим вулканом, то

сможем заставить его снова начать функционировать, а регулируя дозы воды, будем в состоянии контролировать его деятельность. Но сначала надо изучить внутреннее строение Земли.

— Пойдите-ка, Спирос, да это давно известно. Поверхность Земли составляет литосфера, которую считают относительно тонкой, под ней находится земная кора, толщину которой определяют примерно в 35 километров. Она подвержена постоянным тектоническим движениям. Ниже расположена мантия, которая, как мы полагаем, состоит из никеля и железа в твердом кристаллическом состоянии, а центром земного шара является ядро, сердце нашей планеты, которое, как принято считать, состоит из монолитного металла.

— Ты прекрасно рассказываешь, но откуда это известно?

— Как это откуда? Эта теория общепринята.

— И опять я спрашиваю: откуда это известно? Кто видел все это своими глазами и может подтвердить, что это действительно так? Да, это самая распространенная теория, но есть и другие, не менее вероятные, которые утверждают прямо противоположное. Существует, например, школа, представители которой считают, что вся Земля представляет собой твердое тело, а магма, извергающаяся из вулканов, возникает в некоторых слоях литосферы из-за громадного давления. На глубине 15 километров давление достигает примерно 12 тысяч тонн на квадратный метр в сочетании с большой теплотой. Ты можешь доказать, что все это — вымысел?

— Доказать — нет, но большинство ученых допускает...

— Это мы уже проходили. Знаешь, что я тебе на это отвечаю: есть единственный способ убедиться в том, что происходит в глубине Земли. Надо отправиться туда самому!

— Не понял?

— Тут не надо долго думать. Я спущусь в глубь земной коры и сам проверю, как она устроена.

— Ты?

— Кто же, если не я? Кто, кроме меня, может осуществить этот замысел? Кто еще обладает таким умом и располагает такими средствами? Пока комиссия Фонда по предупреждению несчастных случаев будет составлять заключение, я десять раз успею сгонять туда и обратно.

КАТАСТРОФА

Спирос окинул взглядом своих спутников.

Он видел мрачные, усталые лица. Жара в кабине, хотя она и была сделана из специального жаростойкого сплава, стояла невыносимая. Воздух, несмотря на прекрасную систему вентиляции, был спертым, дышать было нечем. Они были совершенно голые — невозможно было прикрыться хотя бы маленькой тряпкой; пот, непре-

рывно выступавший из пор, смешиваясь с мелкой черной пылью, которая непонятным образом попадала внутрь, делал их похожими на обитателей ада.

Здесь Спирос не мог позволить себе давать указания издалека. Если он хотел, чтобы его люди продолжали работать, надо было забыть о старшинстве и помогать им во всем, разделяя с ними опасности и усталость.

Они уже довольно далеко продвинулись в глубь земной коры, вырыв вертикальный туннель с помощью первоклассных машин конструкции Спироса. Целая гора земли и обломков тяжелых пород скопилась снаружи, у входа.

То и дело надо было менять тяжелый бур, висевший несколькими метрами ниже кабины. Базальт и гранит были такими твердыми, что за несколько часов работы бур притуплялся и приходил в полную негодность. Экскаватор, который следовал за ним, собирая обломки скал, все время заклинивало из-за чудовищной жары, хотя металлы и другие материалы, из которых он был сделан, были рассчитаны на самую высокую температуру. А Спирос и его люди из кабины следовавшей сзади, следили за работой этих замечательных машин, а также за системой подъемников, которые все время поднимали скальные обломки наверх.

Геолог Александропулос, один из лучших людей Спироса, с видом сосредоточенным и тревожным следил за работой шин по табло.

С рычанием и визгом бур вонзался в твердую породу. Необычной конструкции вертикальный экскаватор обхватывал скалы скрежеща крупными, ослепительно сверкающими ножами, и раскачивал их взад-вперед, пытаясь выкорчевать. А подъемники, лязгая и громяхая цепями, поднимали груженные вагонетки наверх, на поверхность. Все эти звуки, разносившиеся по туннелю эхом, сливались в какой-то странный гул.

Вдруг Александропулос поднял глаза от табло. Почти дотронувшись губами до уха Спироса, он прокричал:

— Господин Кандидис, по-моему, надо остановиться. Мы находимся на глубине 15 километров и, судя по всему, совсем недалеко от мантии. То же самое показывает и термометр. Температура за окнами кабины приближается к отметке 2.000 градусов. Очевидно, если мы продвинемся еще хотя бы на несколько метров, то пройдем через последний слой литосферы и войдем в мантию.

— Как раз цель нашего исследования — уточнить правильность современной теории о структуре Земли, проверить, действительно ли существует магматическая зона, которую можно использовать, чтобы оживить некоторые потухшие вулканы, — холодно ответил Спирос.

— Но, господин Кандидис, кажется, мы уже получили достаточно доказательств, которые рассеивают всякие сомнения на этот

счет, — вмешался Трипас, механик. — А самое неопровержимое доказательство — это невыносимая жара.

— Сожалею, господа, но я и не подумаю останавливаться, раз уж мы так близки к конечной цели. Все теории едины в том, что здесь должна быть сильная жара. Это ничего не доказывает. Повторяю, я хочу удостовериться, что мантия состоит из магмы, в энергии которой нуждается человечество. Не напрасно же я понес такие расходы.

— В таком случае, господин Кандидис, вам придется продолжить этот опыт одному. Мы не собираемся сгорать живьем. Сейчас мы остановим машины и поднимемся наверх, вы выгрузите нас, а затем спуститесь уже один, — решительно произнес Александропулос.

— Об этом не может быть и речи, — пронзительно закричал Спирос, — я не сдвинусь отсюда ни на йоту. К тому же нам ничего не грозит. Даже если под этим последним слоем мы обнаружим, как вы полагаете, магму, она не успеет нас накрыть, мы дадим полный назад...

— Этого мы не знаем, — глухо сказал механик. — Нам дорога жизнь, к тому же у нас семьи — жены, дети. То, что вы собираетесь сделать, господин Кандидис, чрезвычайно опасно, а я не могу, да и не хочу рисковать...

— Вы знали мои условия и все-таки согласились! — вне себя от гнева завизжал Спирос. — Вы же подписали контракт.

Александропулос не удостоил Спироса ответом. Даже не обернувшись, он нажал несколько кнопок на пульте. Мерное жужжание бура сразу же прекратилось. Экскаватор тоже замер. В этой безнадежной тишине, такой неожиданной, что у них заложило уши, кабину тряхнуло, и она начала подниматься.

На какое-то мгновение Спирос растерялся, но тут же овладел собой.

— Этого я не допущу, — проревел он. — Я не позволю вам здесь командовать.

Александропулос зашатался от внезапного удара Кандидиса. Оттолкнув его, Спирос изо всей силы опять нажал на кнопку. Еще он успел повернуть какой-то рычаг, прежде чем геолог и механик оттащили его от пульта.

Спирос сражался как зверь. Он твердо стоял на ногах и, собрав все силы, лихорадочно пытался высвободиться из рук своих разъяренных спутников. А те повисли на Спиросе, как бульдоги, пытаясь сдвинуть его с места.

Бур опять работал и визжал как заведенный. Кабина перестала подниматься и стала вновь опускаться. Совершенно голые, черные от пыли мужчины сплелись в клубок и боролись не на жизнь, а на смерть. Двое мужчин пытались удержать Спироса подальше от пульта, но его потное тело ускользало у них из рук.

Кабина сдвинулась с места и вдруг перевернулась. Все трое, потеряв равновесие, повалились на пол. Они ничего не поняли, когда огненный язык выбросило из бездны, к которой бур пробился, пройдя через последний слой тонкой земной коры. За одну секунду огненный язык слизнул кабину, и со всех сторон ее охватило пламя.

У входа в туннель техники и рабочие метались как сумасшедшие между горами земли и камней, чтобы как можно быстрее прийти на помощь — длинным, траурным гудком сирена возвещала об опасности. Что-то случилось в толще земли, там, где работал бур. Люди пытались привести в действие спасательную систему, чтобы, если еще не поздно, прийти на помощь первопроходчикам, находящимся внизу, в кабине.

Вдруг они почувствовали, что земля уходит у них из-под ног, и услышали сдавленный подземный гул.

— Слышали? — закричал один из техников. — Должно быть, произошла катастрофа. Надо ожидать землетрясения или чего-нибудь похуже.

Люди обменялись испуганными взглядами.

— Мы ничего не можем для них сделать, — послышался голос.

— Надо ожидать большой беды, — ответил ему другой.

— Пора сматываться, — крикнул третий.

И тут последовал еще один сильный подземный толчок; и как бы в ответ на панику, охватившую людей, из недр Земли послышался глухой короткий стон.

Вихрь пронесся по туннелю, подняв густое облако пыли. Еще один толчок потряс Землю, и она начала изрыгать машины, которые насильно впихнули в нее люди.

Первыми Земля выбросила вагонетки подъемников. Вихрь, поднявшийся из бездны вместе с языками пламени, всей мощью обрушился на днища вагонеток. Тяжелые вагонетки, одна за другой многие еще нагруженные скальными обломками, поднимались высоко в небо, зависали в воздухе и, очертив внушительную кривую, медленно и величественно продолжали полет, чтобы исчезнуть где-то вдали.

Затем показались платформы с запчастями, которые были укреплены по всей длине туннеля, но люди не остановились, чтобы полюбоваться этим уникальным зрелищем. Они рассыпались во все стороны и бежали изо всех сил.

Они еще бежали, когда Земля опять задрожала, а над туннелем поднялся высоченный огненный столб из плотных удушливых газов, и по мере того как оглушающий рев взрыва все возрастал, столб превратился в гигантский фонтан золотисто-желтого огня, который, поднявшись к небу, раскрылся как цветок с узорчатой золотисто-желтой короной из горячего пара.

ЭПИЛОГ

В полутемной комнате по телевизору показывали программу новостей.

«Большой силы извержение было зарегистрировано вчера на новом вулкане Кандидиса. Напоминаем нашим слушателям, что вулкан возник на месте вертикального туннеля, который был прорыт известным ученым Спиросом Кандидисом, чтобы изучить внутреннее строение Земли. Видимое, тот факт, что при рытье туннеля был нарушен последний слой литосферы и повреждена мантия, вследствие чего подземная магма получила возможность свободного выхода на поверхность, объясняется ошибкой в расчетах ученого. Последовавшая катастрофа была одной из крупнейших за последние годы по числу человеческих жертв. Следствием ее была гибель самого Спироса Кандидиса и его ближайших коллег. Вулкан, который мы видим на экранах, до сих пор продолжает действовать...»

Профессор, сидя в глубоком кресле, обернулся и сказал Антонису:

— Какая катастрофа! Подумать только, все это произошло из-за какого-то дурацкого эксперимента!

— Не такого уж и дурацкого! Мысль Спироса об использовании энергии вулканов заслуживает внимания. Мы, люди, обычно видим в вулканах источник бедствий и не отдаем себе отчета, сколько добра они нам принесли. Спирос правильно выбрал место для эксперимента. В пустыне много песка и камней и почти нет растительности. Пройдет всего несколько лет, и вулкан, выбрасывая при каждом извержении лаву и пепел, изменит структуру почвы, сделает ее пористой, она сможет впитывать влагу и станет плодородной. На склонах Везувия земля такая плодородная, что крестьяне возделывают ее, несмотря на угрозу извержения.

— Пожалуй, ты прав,— задумчиво согласился профессор.— Конечно, я никогда специально не занимался вулканами, но позавчера где-то прочитал, что именно их действием в первые годы после возникновения Земли, возможно, объясняется наше существование — в газах, которые выходят на поверхность в результате извержения, содержатся все элементы, необходимые для нашей атмосферы. А еще одна новая теория доказывает, что именно вулканы создали атмосферу Земли. Ты никогда не думал, чем была бы Земля без атмосферы?

— Как видишь, Спирос прав даже в этом. Он действительно был гением, но вышел за рамки гениальности.

— Что ты хочешь этим сказать, Антонис?

— Сейчас объясню. Ты знаешь о моей мечте заставить мозг человека идти в ногу с техническим прогрессом. Я провел исследование, но результаты моей работы, видимо, до сих пор оставались бы

на полке, если бы не неотложный случай со Спиросом. Пытаясь спасти его от слабоумия, я сделал операцию, имевшую головокружительный успех, больший, чем я мог рассчитывать. Я создал гения, сверхчеловека. Его мозг превосходил возможности обычного человека. Спирос принадлежал к другому поколению, к другой расе, и если бы он продолжал жить и решил жениться, то стал бы, возможно, основателем нового человеческого рода. Но Спиросу не суждено было выжить...

— Печально, конечно... Но не все потеряно. Ведь результаты исследования у тебя в руках, ты же вел дневник операции. Кто мешает тебе повторить эксперимент?

— Ни за что! Я уже уничтожил все папки с записями и не собираюсь этого делать.

— Но почему? Ведь успех налицо!

— Кирьякос, разве ты не понял, что в последнее время Спирос стал просто одержимым? Он уже не останавливался ни перед чем, когда ставил перед собой какую-то цель. Радея о благе человечества, он был совершенно равнодушен к человеку. Сколько человеческих жизней оборвалось по его вине? А он считал, что это мелочи. Почему? Потому что видел в себе сверхчеловека, который стоит выше всех естественных и нравственных барьеров, а во всех остальных — недочеловеков, свои орудия. Ты же знаешь, от гениальности до безумия всего один шаг. Обычный человеческий мозг не в состоянии вынести нарушение равновесия. Именно таков был случай со Спиросом. Я получил хороший урок. Природа не терпит вмешательства в свои дела. Да ей и не нужна помощь со стороны человека. Надо только оставить ее в покое, вот и все. Человек сам приспособляется к любым новым условиям.

— Это я тоже заметил. Может быть, ты имеешь в виду шум?

— Это лишь один из примеров. Мы возмущаемся и протестуем против шума, а молодежь жить без него не может. Христос и Даная всегда включают проигрыватель на полную громкость, когда тебя нет.

— А что сказать о молодых людях с мотоциклами, которые сидят на нашей улице и болтают, включив мотор? Они получают удовольствие от шума!

— Видишь, Кирьякос, наши мнения совпадают. Человек приспособляется ко всякой новой ситуации, следовательно, процесс эволюции продолжается. Поэтому любое наше вмешательство излишне. Но Спирос со своими достижениями открыл перед нами много новых путей. Найдутся другие люди, одаренные от природы, которые продолжат его дело. Не надо далеко ходить, мне кажется, что Христос, мальчик умный и целеустремленный, продолжит его медицинские изыскания. Кто знает, может, и Даная пойдет по тому же пути...

«ПОСОВЕТУЙТЕ, А?»

Несколько странное название для статьи — не так ли? Но оно не случайно. Дело в том, что за много лет переписки с подростками (я — материал в журнал, они мне в ответ — письма-отклики, за что им, то есть вам, спасибо) я привыкла к посланиям, которые заканчиваются именно этой фразой. В ней очень тесно переплелись и горечь одиночества — от хорошей жизни у чужого незнакомого человека совета просить не станешь. И своеобразная степень доверия к печатному изданию — не в любой адрес отправишь письмо с такой концовкой. И надежда на то, что где-то кто-то все же должен знать ответ на мучительный вопрос. Чего он касается? Да чаще всего личных дел.

Ну, например. Девушка пишет: «Я гуляла с Андреем, а теперь он гуляет с моей подругой. Хотя говорил, что любит меня. Выходит, он меня предал. Что мне делать? Посоветуйте, а?»

И рада бы, милая девушка, помочь вам. Да нечем. Нет универ-

сальных советов на этот случай жизни. Можно, конечно, попытаться разобраться в главном вопросе: была ли любовь? И если была, то какая? Те, кто читал предыдущие выпуски нашей рубрики, уже знакомы с двумя разновидностями сложнейшего из человеческих чувств. Известна этим читателям агапэверная, трепетная любовь-самоотречение, первое чувство подростка, известна и безрассудная страсть, именуемая эросом. Думаю, что ни того, ни другого у тех, о ком идет в письме речь, не было. Может, повстречался им на жизненном пути людус, любовь-игра? Нет при людусе ни глубины чувств, ни настоящей преданности, нет тревоги за себя и любимого человека, так, легкий ветерок, одним словом, игра. И тем не менее это — любовь, потому как начинается людус с влечения. «Нравится!» — решает про себя юноша (или девушка) и делает шаг навстречу человеку, которого выделил из всех. Изящество этого шага зависит от возраста, от опыта, от степени уверенности в себе и от того, «как принято» в компании. Бывает людус веселый, озорной, шутливый, вроде детской полузабытой игры

в прятки: и хочется выскочить из укрытия собственных представлений о том, что такое хорошо, что такое плохо, и вроде страшно-вато. С одной стороны, и приятно, и как-то по-особому тепло с этим человеком. Но, с другой — при расставании тоска не гложет. Есть и иной людус. С пьяным разгулом, приправленным крепким матерком, в компании, где все свои, а потому принадлежат друг другу. И в то же время по-настоящему никто никому не нужен. Там людус общий, секс общий и гонорея, есть такая венерическая болезнь, тоже одна на всех. Правда, лечится она у каждого по-своему. И, что особенно печально, у некоторых вызывает тяжкие осложнения. Но об этом в другой раз. Сегодня, как вы помните, речь все же о любви.

Психологические разновидности, «цвета» любви могут переходить друг в друга, видоизменяться. Углубляться или, напротив, затухать, становиться поверхностнее. Людус, кстати, иногда бывает прелюдией эроса. Взрослые в таких случаях трагически вздыхают и причитают: «Доигрались! Голову оба потеряли». Что ж, как говорят волхвы, ничего не поделаешь, судьба. А вот чтобы людус, вчерашняя любовь-игра, да в прагму переродился, такого почти не бывает. При прагме, рассудочной любви, рядом с влечением, эмоцией стоит верный страж — сознание.

«Да, — рассуждает про себя властелин, хозяин своего чувства, — она мне очень нравится. Ишь, какие ноги! Стройные и длинные, почти от ушей растут! И глазищи, как фары «Жигулей»! (Кстати, у ее папы — последняя модель, ничего тачка). И талия у нее, что надо, — оса позавидует, — особенно когда фирменным поясом подтянет. Говорила, отец из загранки привез. У нее и мать, кажется, туда-сюда, на какие-то симпозиумы мотается. Тоже, поди, шмотки возит».

И так нанизывает вперемежку внимательный юноша ножки и сапожки, девичий шарм и японский «Шарп». И, уверенный в своей неотразимости, решает пленить обаятельную и состоятельную. Но частенько получает от ворот поворот. Далеко не все девушки признают за мужчинами право быть рассудочными в любви. Многим это не нравится. Более того, скажу по секрету, некоторые даже считают, что прагматически настроенные юноши скучны. Справедливости ради необходимо отметить, что другие, напротив, чрезвычайно любят прагматиков и готовы часами бродить с ними по аллеям парка и под трели (соловья? воробья? вороны?) обсуждать рост цен в местной комиссионке. Таковы их общие интересы. Конечно, они бывают и другими: кино, музыка, но какими бы ни оказались, это второй фактор брачного кли-

ринга, залога семейного счастья. А первым было влечение. Так что, может быть, «Свадебный марш» Мендельсона и не за горами...

Родителям очень нравится, когда между молодыми людьми — прагма. Не то что этот сумасшедший эрос — «Господи, пронеси!» — или мания. Мания — тоже чувство чрезвычайно опасное, изматывающее, иссушающее. Вечная неуверенность в себе, в любимом, ревность, недоверие. Большое терпение нужно иметь, чтобы понять, а то и простить мучимого манией. У молодых мания встречается редко. Но бывает. Если ваш друг (или подруга) терзает себя беспочвенными сомнениями в вашей верности, пожалуйста, будьте милосердны. Не дразните зря страдальца, даже если вы его не любите. Постарайтесь уважать чужое чувство. И, пожалуйста, приглядитесь повнимательней, а может, это именно — ОН (или ОНА), а вы просто не поняли, не разобрались... Больше я вам о мании ничего не скажу. Вы уж как-нибудь сами, без моих советов... Вы же чуткие, души у вас молодые, слух на любовь настроен.

Я вам лучше добавлю несколько слов о сторге. Сторге + любовь-дружба. Это когда все ясно, хорошо, спокойно, но не пресно, не скучно. Вот бывает так: есть в компании пара, у которой все «о'кей», и другим рядом

с ними как-то надежно. Почему? Да потому, что, любя друг друга, стали они так богаты этим чувством, что могут им поделиться.

Правда, жизнь — штука хитрая и умудряется подбрасывать самые различные комбинации. Например, он пылает эросом, она же вроде бы и проявляет к нему интерес — и глаза его ей нравятся, и что руки сильные — но в сознании держит, что он со своей склонностью к гуманитарным наукам вряд ли начнет скоро зарабатывать большие деньги. А маленькие ее не устроят даже временно.

Или другая ситуация: он еще маловат, не ростом — сознанием, выше подросткового агапе подняться не может, а ей кажется, что он ее недостаточно любит. У нее мания, страданиям нет конца...

Можете, если интересно, сами поупражняться в составлении пар с разными видами любви. Можете на себя разные ситуации примерить. Не забудьте еще, что есть и такие понятия, как равнодушие, а то и неприязнь. Все это имеет непосредственное отношение к вопросу в конце письма: «Посоветуйте, а?»

Дело в том, что самый лучший совет в личной жизни мы должны дать себе сами. Сделать это хотя и трудно, но возможно. Итак, вперед! Мы с вами. Пишите, если что.

Ваш доктор

Ирина Ильинична СОКОВНЯ

ЯБЛОЧКО ДОЛЖНО СОЗРЕТЬ

Знаете ли вы, молодые люди, что в это время года, поздней осенью, личные проблемы в вашей среде наиболее обострены? Именно поздней осенью. Весна, она, конечно, природно благотворствует людским делам сердечным, которым, известно, все возрасты покорны. Но у возраста подросткового свой режим.

1 сентября вы вновь встретились под крышами школ и училищ. Вспыхнули прежние страсти, завязались новые привязанности. И все бы хорошо, да что-то нехорошо. Через месяц-другой совсем мало надежд остается удерживать дружбу только своими силами.

И точно в это же время другие мальчики и девочки теряют свои последние надежды: сами собой не рассасываются плоды их лет-

них увлечений. Любовь в лагере или на даче все больше дает о себе знать. Пора идти...

Куда?

Чтобы не обидели, не огласили на всю школу, не доложили родителям. Чтобы помогли взрослые, чуткие и компетентные.

Один такой адрес знаем точно: 123060, Москва, ул. Маршала Соколовского, 4, Центр формирования сексуальной культуры, который еще называют — Дом сексуального просвещения подростков. Именно с первым снежком к этому дому приходит больше всего людей старшего школьного возраста. Замирают, кружат, шушукуются. Не сразу получается справиться с робостью и открыть дверь, за которой их ждут...

Гинеколог, психолог, сексолог, сексопатолог, венеролог работают здесь. К сожалению, не так уж редки случаи, когда сексуально просвещать молодых людей бывает уже поздно. То есть просвещать-то никогда не поздно, но в первую очередь приходится лечить болезнь, помочь сделать аборт, направить к хорошему врачу под наблюдение за второй половиной беременности. Конечно, и стопроцентная грамотность не гарантирует от всех злоключений в интиме. И все же — как мало пройдено азов, как много сделано ошибок.

Мне показывали мешки с письмами со всего Союза. Сколько в

этих письмах тревоги, отчаяния, жгучих слов о самоубийстве, потому что... Потому что порой хоть плачь, хоть смейся. Крушением жизни, неизлечимой болезнью представляются часто молодым людям вещи самые обычные, вполне естественные. Ну как на такое реагировать? Как не ужаснуться, что рядом с парнем или девушкой не оказалось никого, кто бы доброжелательным пояснением за минуту снял эти комплексы.

Год назад Валентина Иоганновна Попова собрала коллег, которым, как и ей, надоело ужасаться и сердиться на глупый и очень небезопасный лозунг общества про то, что «у нас в стране секса нет». Самое удивительное, что когда Центр сексуального просвещения приступил к работе, его сотрудники менее всего нашли понимание среди коллег. Медики оказались весьма ханжески настроенной публикой, усерднее других отстаивали рас пространенный у нас повсюду принцип — «нашему народу это не нужно».

Еще как нужно! — постоянно убеждают специалисты Центра. Те же мешки с письмами — это ведь от нуждающихся. Один московский Центр разве справится? Но здесь делают все, что в силах. Читают лекции подросткам, учителям, врачам, родителям. Работают с любой аудиторией, чтобы люди убереглись от напрасных

мучений, от тяжелейших травм судьбы, без вины виноватости перед близкими.

А уязвимее всего, понятно, люди молодые. Принцип «я сам!» хорош, когда малыш учится зашнуровывать ботинки. Но когда вы приближаетесь к вполне взрослым поступкам, за которыми стократно возросшая ответственность за себя и за другого человека, очень даже приговораются осмотрительность, признание, что вы еще далеко не всезнайка жизни.

Поэтому в Центре считают своей главной заботой побудить ум и сердце молодого человека поработать. Потому что без общей культуры какая ж сексуальная культура? Так только — поверхностные связи, примитивные, бездуховные половые контакты. Которые, как всякие первые впечатления, наиболее яркие. Они потом могут зафиксироваться и на всю жизнь превратиться в потребительское, циничное отношение к противоположному полу. А кому мы интересны, если мы циники? И нам не нужен тот, кто не уважает в нас человека. Поэтому специалисты Центра беспокоятся о том, чтобы вы не ленились узнавать и думать над тем, что сложнее «металла» и видеков. Не делали кислую мину, когда вам говорят, что надо читать хорошие книги. В конечном счете читают ведь не про Анну Каренину, не про Печорина и не

про даму с собачкой, а про себя. В умных книгах весь людской жизненный опыт описан, решительно про все наше человеческое сказано.

Вас совращают, вы любопытны к половым отношениям, вас заразил пример сверстников, слишком настойчив ваш партнер, вы убеждены, что любите... По многим причинам начинают раннюю половую жизнь. Но чаще те, у кого понятия о нравственных нормах на нуле, никакого самоконтроля и тормозных установок. Ну а дальше почти всегда под угрозой оказываются здоровье, учеба, будущая профессия. Уже жизнь хромоножка.

Так что если вы себя любите, понимаете, чего вы в этой жизни стоите, и вам хотелось бы иметь побольше шансов на удачу, в том числе в любви, без которой настоящего счастья в половой близости нет, то, как считают психологи Центра, «главное — быть хорошо воспитанным человеком». И вы уже достаточно защищены от глупостей и нелепостей.

Ну а если не уберечься, в Центре вам помогут. С любым вопросом можно обратиться письменно или по телефону: 194-24-04. Анонимность гарантируется, денег здесь не берут. Но прежде чем писать в Москву, лучше поискать помощника в ближайшем окружении. Потому что, к сожалению, все письма здесь просто физически не успевают прочесть. А,

во-вторых, сложные проблемы на дистанции не решить: нужна ваша явка.

Знаете, с чем чаще всего приходят молодые люди? Главная проблема — как понравиться. Что, честно сказать, проблема и для многих взрослых. И в чем нет и быть не может простых общих правил. Их, собственно, нет ни в каких психологических ситуациях. Поэтому, если вы хотите узнать, можно ли начать половую жизнь в 14—16 лет, то ответ психологов будет таким же, как и на вопрос «можно ли мне жениться?»: никто, кроме тебя, не может решить твою жизнь. Можно делать все, что способствует счастливой жизни и нормальному развитию. Но как минимум нужна хорошая осведомленность. Про жизнь духовную, про анатомию и физиологию человека, про сексуальные отношения. Дурной специлитературы выпущено, увы, много. Поэтому отыщите хорошие книги: работы Эриха Берна, посвященные психологии сексуальной жизни, двухтомник «Секс в жизни женщины» и «Секс в жизни мужчины». А еще есть хорошая поговорка: яблочко должно созреть. Считаете, что созрели, что вам уже можно? На том хотя бы основании, что Джульетте было 13 лет, а Ромео 15? Ну так они оба плохо кончили, как сказала одна бабушка.

Татьяна ПОСЫСАЕВА

ПОИСК АВАРИЙНЫХ НЛО

Сергей ЦЕБАКОВСКИЙ

2. В СТОРОНУ СКАЛЛИ

Со второй половины 70-х годов начинается борьба уфологических организаций за рассекречивание архивов. Под этими архивами разумелись прежде всего отчеты о наблюдениях неопознанных объектов, собранные за два десятилетия проектами «Сайн», «Градж» и «Синяя книга». Лишь официальных, прошедших по каналам разведки отчетов там числилось 13134 (называлась, впрочем, и другая цифра — 12618). В основном это были свидетельства опытных наблюдателей — военных и гражданских летчиков, авиадиспетчеров, операторов радаров, сотрудников секретных объектов, ученых.

В декабре 1969 года комиссия «Синяя книга» прекратила свое существование. Ее архивы считались рассекреченными, но долгое время оставались практически недоступными, поскольку находились на территории авиабазы, куда получить доступ было непросто. В середине 1970 годов архивы передали в Государственный архив в Вашингтоне, и каждый же-

лающий, внося плату, мог стать обладателем собрания микрофильмов, правда, совсем слепых. Уфологи получили ценный материал.

В рассекреченных бумагах, разумеется, не нашлось ни строчки о потерпевших аварию дисках. Если такие документы и существовали, находились они в другом месте. Архивы «Синей книги» были лишь одним из хранилищ документов об НЛО. Уфологи давно подозревали, что досье на тему НЛО следует искать в спецхранах ЦРУ, ФБР, Управления национальной безопасности, в НАСА и НОРАД (Объединенная система противовоздушной обороны Северо-американского континента), хотя эти ведомства всегда отрицали свою причастность к презренным летающим тарелкам.

4 июля 1974 года Конгресс США принял поправку к закону о свободе информации. Поправка предусматривала доступ любого гражданина к архивам федеральных ведомств, правда, с девятью оговорками. Так, например, не подлежали выдаче документы, разглашение которых могло нанести серьезный урон национальной безопасности.

Продолжение. Начало в № 9.

В 1977 году две общественные организации — «Наземное наблюдение за НЛО» и новорожденное общество «Граждане против секретности в делах НЛО» — подали в Окружной суд Вашингтона иск... Против кого бы вы думали? Иск был предъявлен ЦРУ. Центральное разведуправление обвинялось не только в сокрытии многих документов, но и в отрицании существования подобных документов в своих архивах.

Процесс вели адвокаты известной Нью-Йоркской фирмы Питер Герстен и Генри Ротблатт. В немалой степени успеху способствовал директор специально созданной для судебных тяжб организации «Граждане против секретности...» Тодд Зехель. Он, в прошлом сотрудник Агентства национальной безопасности, знал, как собирается, обрабатывается и по каким каналам расходуется информация об НЛО, так что судебные баталии велись не совсем вслепую.

В конце 1978 года согласно постановлению Окружного суда ЦРУ было вынуждено передать истцам свыше девятистот страниц документов об НЛО. Пятьдесят семь единиц хранения без указания количества страниц разведуправление отказалось выдать из соображений национальной безопасности. На закрытом заседании суд согласился с доводами представителей ЦРУ.

Подобный иск был предъявлен и Разведывательному управлению министерства обороны. Процесс тянулся семь лет, и в 1985 году министерство обороны выдало тридцать семь до-

сье, в общей сложности 139 страниц. Пятнадцать папок с документами об НЛО министерству удалось отстоять.

С большим или меньшим успехом иски предъявлялись и другим ведомствам. Но откровений в получаемых по судебным искам документах оказалось не так уж много. Рассекреченные документы чаще подтверждали то, что уже было известно с большой долей вероятности.

Но вот физик-оптик доктор Брус Маккаби, поддавшись общему настроению, предъявил судебный иск Федеральному бюро расследований, которое особенно упорно открещивалось от причастности к тарелочным делам. Последнее такого рода заявление за подписью директора ФБР Кларенса Келли было сделано 23 октября 1973 года. По прошествии трех лет это ведомство решением суда вынудили предоставить доктору Маккаби 1100 страниц документов о летающих тарелках. И тут, пожалуй, впервые промелькнула тема аварийных дисков из штата Нью-Мексико. 22 марта 1950 года в адресованном директору ФБР Эдварду Гуверу меморандуме агент сообщал:

Как утверждает дознаватель ВВС, три так называемые летающие тарелки были подобраны в Нью-Мексико. Форма круглая, верх в центре приподнят, футов пять — десять в диаметре. В каждой было обнаружено три человекоподобных существа ростом около трех футов в комбинезонах из очень эластичного металлического материала. Комбинезоны похожи на те, что используются пилотами сверхскоростных самолетов и летчиками-испытателями. Как информировал мистер (фамилия зачеркнута), тарелки были обна-

ружены в Нью-Мексико благодаря тому факту, что правительство в том регионе располагает чрезвычайно мощными радарными, которые, как считают, способны нарушить систему управления летающих тарелок.

Документ не подтверждает ни захвата военными летающих дисков, ни того, что ФБР всерьез озбочено проблемой. Некий офицер поведаль знакомому историю о якобы захваченных дисках. Его собеседник оказался осведомителем ФБР, таким образом, информация попала на стол Эдгара Гувера. Похоже, и сам офицер пользовался слухами — в сообщении нет точных дат, место аварии указано приблизительно. Но вот другой, более интересный документ из архивов ФБР.

Меморандум для мистера Лэдда
Мистер (фамилия зачеркнута) также обсуждал этот вопрос с полковником Л. Р. Форни из Разведывательного управления¹. Полковник Форни сказал: поскольку установлено, что летающие диски не являются оружием Армии или ВМС, то ФБР, по его мнению, должно проявить к ним интерес. Он сказал, что Бюро должно по возможности прислушаться к просьбе генерала Шульгена.

Мистер Лэдд и полковник Форни для повествования фигуры проходные. Имя же генерала Джорджа Шульгена встречается в важных документах той поры о летающих дисках.

По прочтении меморандума напрашивается вывод: генерал Шульген склонял ФБР подключиться к расследованию головоломки о летающих дисках. В Генеральном штабе поначалу суще-

ствовало подозрение: летающие диски могут быть каким-то сверхсекретным, находящимся на стадии испытаний, а потому кроме узкого круга лиц никому неизвестным оружием того или иного ведомства. Теперь ситуация прояснилась — подобных проектов не существует, и Пентагон не прочь воспользоваться разветвленной и всепроникающей агентурой Федерального бюро расследований.

Хорошо, но где же тут аварийные диски? Они в концовке меморандума, в неудобочитаемой приписке Эдгара Гувера:

Я бы не возражал, но прежде чем дать согласие, мы должны получить свободный доступ к подобранным дискам, (чтобы не вышло) как, например, в ЮЗ случае, когда Армия захватила его, не дав нам возможности провести даже беглый осмотр.

Рукою всесильного, а тут явно обиженного Пентагоном директора ФБР Гувера, почерк которого трудно разобрать и еще труднее подделать, написано: «Как, например, в ЮЗ случае, когда Армия захватила его, не дав нам возможности провести даже беглый осмотр».

«Его» — это, конечно же, летающий диск. «ЮЗ», по толкованию Берлица и Мура, означает «Юго-Запад» (SW), куда входит штат Нью-Мексико. Но эти две закорючки можно прочитать и как английские буквы LA, и тогда это могло бы означать «район Лос-Анджелеса», где расположена авиабаза Мьюрок¹.

¹ Факсимильное воспроизведение документа дано в приложении к книге Тимоти Гуда «Сверх-совершенно секретно». Желающие поупражняться в расшифровке каракулей Гувера могут предложить свое прочтение.

¹ Не путать с ЦРУ. Имеется в виду Разведывательное управление Генерального штаба сухопутных войск.

Обратим внимание на дату меморандума — он был составлен 15 июля 1947 года, неделю спустя после сенсационного сообщения авиабазы Розуэлл о находке летающего диска. Удалось ли Пентагону договориться с ФБР? Похоже, удалось. 30 июля того же года ФБР разослал своим агентам циркуляр № 42. В нем, в частности, говорилось:

Бюро незамедлительно должно уведомляться телетайпом обо всех поступающих наблюдениях летающих дисков с приложением ваших выводов. Если наблюдение представляет интерес, вслед за телетайпным сообщением в Бюро направляется письменный отчет о вашем расследовании. Армейские воздушные силы заверили Бюро о своем сотрудничестве в этих вопросах, и в случаях, когда необходимая информация не будет предоставляться или вам будет отказано в возможности осмотреть подобранный диск, о том срочно надлежит известить Бюро.

Совершенно очевидно, Пентагон принял условия Гувера и ФБР подключилось к слежению за летающими тарелками. Вернее, к слежению за теми, кому довелось их наблюдать.

В 1981 году инженеру Уильяму Штейнману, работавшему в аэрокосмической промышленности, попала в руки забытая и осмеянная книга Фрэнка Скалли «Тайна летающих тарелок». Этот малопримечательный факт со временем дал новый разбег легенде об аварийных дисках. Профессиональные навыки инженера-аналитика, его связи, а главное упорство удивили даже бывалых уфологов, когда шесть лет спустя появилась книга «НЛО терпит бедствие в Азтеке».

Основной тезис неизвестно о авторе: Фрэнк Скалли во многом был прав, рассказывая о захваченной в конце 40-х годов летающей тарелке под Азтеком. Беда же Скалли заключалась в том, что он поторопился опубликовать невыверенный материал, допустил много ошибок, неточностей, ибо сведения получал не из первых рук. Уильям Штейнман брался заново рассказать ту же историю, называя точные даты, имена, географические точки, но, как и Скалли, отказался разглашать свои источники информации, что, безусловно, снижало градус сенсации. И все же картина, им нарисованная, получилась впечатляющей.

Диск врезался в землю в двенадцати милях северо-восточнее города Азтека 25 марта 1948 года, и, стало быть, к Розуэллскому инциденту отношения он не имел. Незадолго до падения диск одновременно засекали три радиолокационные станции. Один из радаров, как полагают, вывел и строил систему управления диска.

На место катастрофы, продолжает Штейнман, прибыли ученые, а также персонал из Группы по межпланетным явлениям. Несколькими словами об этом почти мифическом подразделении, будто бы существовавшем в недрах Управления армейской контрразведки с 1947 по 1950 год. В книгах уфологов она поминалась, но глухо, без ссылок и осязаемых деталей. Поминалась и другая подобная группа — тоже без ссылок на источники — будто бы созданная во время второй мировой войны!

на Тихоокеанском театре военных действий генералом Макартуром, обеспокоенного поступавшими от пилотов донесениями о больших и малых шарах, иногда буквально висевших на хвостах и крыльях американских боевых самолетов.

Создателем этой Группы по межпланетным явлениям Штейнман называет генерала Джорджа Маршалла, начальника штаба Армии в годы мировой войны. Штабквартира Группы находилась сравнительно недалеко от места катастрофы — в Кэмп-Хейле, штат Колорадо. Маршалл распорядился и об отправке на место аварии ученых во главе с доктором Вэнневаром Бушем. Помимо Буша туда были командированы: специалист по земному магнетизму и радарам доктор Ллойд Беркнер, физиолог и биофизик доктор Детлев Бронк, физик Роберт Опенгеймер, математик Джон (Янош) фон Нейман, геофизик Мерле Туве, специалист по электромагнетизму доктор Карл Хейланд¹, авиаинженер Джером Хунзекер и доктор Хорас ван Валкенберг, специалист по неорганической химии.

Девяти именитым ученым было велено срочно собраться в аэропорту Дуранго, штат Колорадо. Там их заставили присягнуть хранить в тайне то, что вскоре предстояло увидеть. От

Дуранго до Азтека тридцать пять миль. Если кому-то и попалась на глаза проследовавшая автоколонна, ее вполне можно было принять за геологоразведочную партию на марше.

Описание того, что происходило на месте происшествия, не совпадает с рассказом Скалли только в деталях. В диск ученые проникли через поврежденный иллюминатор. Он, как и корпус диска, был из тонкого, прочного и, как выяснилось, прозрачного металла.

В кабине перед пультом управления обнаружили двух погибших гуманоидов. Двенадцать других извлекли из внутренних отсеков. Всего — четырнадцать. Скалли называл близкую цифру — шестнадцать.

Средний рост гуманоидов — сорок два дюйма (метр и пять сантиметров). Крупные головы. Большие, чуть скошенные глаза. Возможно, потому в них отыскивали сходство с монголоидным типом. Носы и рты маленькие. Хрупкие торсы и тонкие шеи. Руки длинные, почти до колен. Пальцы тоже длинные, тонкие, между ними что-то похожее на перепонки. Медики называют это синдактилией, частичным сращением пальцев.

У гуманоидов не обнаружили кишечно-желудочного тракта и прямой кишки. Отсутствовали и органы размножения. Кровь была бесцветна и пахла озоном.

Люди ли это? Скорее киборги — кибернетические организмы, знакомые нам по научно-фантастической литературе. По-

¹ Штейнман считает, что доктор Хейланд в свое время послужил источником информации для Фрэнка Скалли, правда, при посредничестве другого ученого — Лео Гебауэра (доктор Джи), чем во многом объясняются допущенные Скалли неточности.

мель машины и органического существа. Роботы для дальних космических путешествий. Они не ведают усталости и страха, боли, досады, разочарований, могут обходиться без сна, воды и пищи.

В назначении кнопок и ручек на пульте управления ученые не сумели разобраться. И опять же, — как у Скалли и в рассказах очевидцев Розуэллского инцидента — загадочные письма на панели пульта. В кабине отыскали нечто похожее на книгу, листами для нее служил напоминающий пергамент материал.

Три дня в полевых условиях продолжалось обследование необычного экипажа. Каждый член команды занимался своим делом. С помощью военных удалось разобрать на сегменты казавшийся монолитом летательный аппарат. Он уместился на трех грузовиках. Тела уфоноватов уложили в специально доставленные холодильные камеры. И автоколонна взяла курс на Лос-Аламос, городок, где еще недавно создавалась первая атомная бомба. Там, в ангарах авиабазы ВМС, больше года хранился этот фантастический груз, прежде чем его переправили в другое или другие места.

Искушенного читателя в рассказе Штейнмана привлекут не экзотические описания летающего диска или представителей космического социума, а именно земные подробности. И та уверенность, с какой автор их перечисляет: кто входил в группу экспертов, сколько дней продолжалось обследование, как долго добирались до Лос-Аламоса и проч.,

и проч. Похоже, Штейнман даже в ущерб повествованию старается перенасытить рассказ подробностями. Сообщив о загадочных письменах и найденной книге, он спешит добавить, что Оппенгеймеру эти знаки показали чем-то схожими с санскритским письмом, что по распоряжению генерала Маршалла все относящееся к письмам позже было передано Ламбросу Каллихамосу и Ульяму Фридману, но даже этим двум знаменитым разведчикам-криптологам не удалось в них разобраться. Или такой факт: сухой лед, жидкий азот и холодильные камеры — все необходимое для замораживания погибших уфоноватов, сообщает Штейнман, по просьбе Вэнневары Буша раздобыл и доставил его коллега из Управления научных исследований и усовершенствований доктор Пол Шерер. Штейнман как бы говорит: вот факты, я собирал их семь лет, хотите — проверяйте.

Но от кого были получены эти подробнейшие сведения? То, что Ульям Штейнман решительно отказался назвать источники информации, мало кого удивило. Не только Скалли и Штейнман оберегали своих информаторов. Уфологи нередко получали ценные данные в обмен на обещание сохранить в тайне имена.

К тому времени, когда вышла книга Штейнмана, названных ученых уже не было в живых. Некому было опровергать или подтверждать рассказанное Штейнманом, и все же его книгу, скорее всего, постигла бы та же печальная

участь, что некогда бестселлер Фрэнка Скалли. Однако Штейнману удалось вовремя заручиться свидетельством если не главного персонажа, то лица достаточно осведомленного, авторитетного. Речь идет о физике, докторе Роберте Сарбэчере, научном консультанте Объединенного экспериментально - исследовательского комитета и участнике многих секретных правительственных проектов в 40—50-х годах. Доктор Сарбэчер скончался до выхода книги Штейнмана, в 1986 году. Но его письмо автору, датированное 29 ноября 1983 года, в какой-то мере служило и служит охранной грамотой книги «НЛО терпит бедствие в Азтеке».

На осторожно выраженную просьбу Штейнмана прояснить, если возможно, интересующие его вопросы доктор Сарбэчер ответил с неожиданной откровенностью: «Нет ни малейших причин, почему бы я не смог или не должен был бы ответить на ваши вопросы. В меру своих сил и знаний отвечу на каждый из них». И дальше его ответы по пунктам:

1. Что касается лично моего участия в операциях по овладению летающими тарелками, должен сказать, я не был связан ни с кем из лиц, имевших к тому непосредственное отношение, и ничего не могу сообщить относительно дат таких операций. Если бы знал, сообщил.

2. По поводу просьбы уточнить имена лиц, к тому причастных, могу лишь сказать:

Джон фон Нейман определенно имел отношение. Доктор Вэнневар Буш определенно имел отношение и, полагаю, доктор Роберт Оппенгеймер тоже.

Мое же сотрудничество с Экспериментально-исследовательским комитетом под руководством доктора Комп-

тона в годы президентства Эйзенхауэра я бы назвал ограниченным, хотя меня не однажды приглашали на совещания, посвященные упомянутым авариям, в силу личных обстоятельств я не смог на них присутствовать. Уверен, они могли обратиться к доктору фон Брауну и другим, вами названным лицам, которые могли принять или не принять приглашение. Вот все, что мне известно.

3. Действительно, работая в Пентагоне, я получал некоторые официальные сообщения, но там они все и остались, поскольку выносил что-либо из кабинета не дозволялось...»

На первый взгляд, может показаться, письмо Роберта Сарбэчера не вносит ничего нового: участия в заседаниях, где обсуждались аварии, он не принимал, тем более не видел самих дисков. В то же время у автора нет тени сомнения, что летающие диски (именно так — во множественном числе!) действительно терпели аварию. Трудно предположить, чтобы авторитетный ученый на закате жизни решил вдруг поставить на карту свое доброе имя сомнительными утверждениями.

Но, может, престарелый ученый что-то перепутал, вспоминая события почти сорокалетней давности? Неутомимые уфологи нашли документ, полностью подтверждающий правоту доктора Сарбэчера. Такой документ отыскан в Канаде.

Имя канадского инженера Уилберта Смита знает каждый уфолог. Смит после себя не оставил ни одной книги, но он, несомненно, был одним из первых, кто признал реальность неопознанных летающих объектов и с начала 50-х годов посвятил себя разгадке их принципа тяги.

В 1980 году в Канаде гриф «Совершенно секретно» на многих архивных документах за давностью лет был снижен до «Конфиденциально», и это облегчило доступ уфологов к меморандуму Уилберта Б. Смита. В этом меморандуме, составленном в ноябре 1950 года, речь шла о летающих тарелках, разгадка принципа тяги которых, по мнению Смита, сулила прорыв к новой технологии. Понимая, что лучшим доводом в пользу такого проекта для канадского правительства может служить пример США, Смит писал:

а. Это наиболее засекреченная тема американского правительства, уровень ее секретности даже выше, чем водородной бомбы.

б. Летающие тарелки существуют.

в. Их *modus operandi* не известен, но действенные усилия в этом направлении предпринимаются небольшой группой, возглавляемой доктором Вэнневаром Бушем.

г. Этим исследованиям американские власти придают огромное значение.

Но каким образом канадец Смит мог узнать о секретной группе доктора Буша в 1950 году, если даже для осведомленных американских уфологов эти сведения забрезжили только в начале 1980-х?

Такие сведения Уилберт Смит получил от доктора Роберта Сарбэчера.

В бумагах Уилберта Смита много лет спустя после его смерти (умер в 1962 году) нашли запись беседы с доктором Сарбэчером. Беседа состоялась в Вашингтоне 15 сентября 1950 года, вот ее полный текст.

СМИТ. Я работаю над проблемой использования магнитного поля Земли

как источника энергии, и полагаю эта работа может иметь отношение к летающим тарелкам.

САРБЭЧЕР. Что бы вы хотели узнать СМИТ. Я прочитал книгу Скалли о летающих тарелках и хотел бы знать, насколько можно ей верить.

САРБЭЧЕР. Факты, изложенные в книге, в основном верны.

СМИТ. Значит, тарелки существуют?

САРБЭЧЕР. Да, они существуют.

СМИТ. И они действуют, как считает Скалли, на магнитном принципе?

САРБЭЧЕР. Мы не смогли воспроизвести их летные характеристики.

СМИТ. Насколько я понимаю, сама тема летающих тарелок засекречена.

САРБЭЧЕР. Она засекречена на два порядка выше, чем водородная бомба. Можно сказать, это наиболее засекреченная тема американского правительства.

СМИТ. Могу ли спросить о причинах подобной секретности?

САРБЭЧЕР. Спросить вы можете. Ответить я не смогу.

СМИТ. Имеется ли возможность для меня получить больше информации, особенно той, что могла бы пригодиться в нашей работе?

САРБЭЧЕР. Думаю, вы могли бы получить к ней доступ через ваше министерство обороны, я убежден, обмен информацией можно наладить. Если у вас найдется чем поделиться, мы бы охотно оговорили это. Больше пока ничего не могу сказать.

В конце рукой Смита сделанное примечание: «Вышеизложенное записано по памяти сразу после беседы. Я старался воспроизвести ее по возможности дословно».

И все же сомнения: как вообще могло состояться такое интервью? Ведь доктор Сарбэчер сообщает канадцу секретнейшую информацию, она по сей день хранится за семью печатями!

Уилберт Смит не был человеком со стороны, он встретился

с доктором Сарбэчером как представитель канадского Управления телекоммуникаций и Научно-исследовательского комитета по обороне. Эту встречу можно считать взаимным зондажем и даже торгом технических разведок двух союзных стран, заинтересованных в получении информации о летающих дисках. «Если у вас найдется чем поделиться, мы бы охотно это обсудили...» — говорит Сарбэчер.

Беседа Смита с Робертом Сарбэчером была организована подполковником Бремнером из Канадского посольства в Вашингтоне и проходила в его присутствии. Это также успел подтвердить и доктор Сарбэчер. Вернемся к его письму, адресованному Штейнману:

Я помню это интервью с доктором Бреннером (sic). Думаю, ответы, мною тогда данные, именно те, что вы приводите. Вполне понятно, в этом вопросе я был более сведущ — в ту пору. Пожалуй, я бы смог дать и более обстоятельные ответы, посещая я заседания, посвященные означенному предмету. Вы должны понять, что это поручение я принял как общественную нагрузку... Припоминаю одно сообщение о том, что материалы, доставленные с мест катастроф летающих тарелок, были чрезвычайно легкими и очень прочными. Уверен, их тщательно изучали наши лаборатории. Сообщалось так же, что роботы (instruments) или люди, управлявшие теми машинами, тоже были чрезвычайно легковесными, способными выдерживать огромные перегрузки при торможении и ускорении. Помню, из разговоров с сослуживцами я вынес впечатление, что «пришельцы» были сконструированы наподобие некоторых земных насекомых, так что силы инерции, воздействующие на этих роботов (instruments) по причине их малой массы должны были быть незначитель-

ными. По сей день не знаю, почему приказом сверху все было засекречено и почему до сих пор отрицается существование этих устройств. Сожалею, что задержался с ответом и советую вам связаться с другими людьми, принимавшими непосредственное участие в той программе.

Искренне ваш.

Док. Роберт И. Сарбэчер

R. S. Сдается мне, имя доктора Буша вы пишете неверно, и я исправил. Пожалуйста, проверьте написание.

По прошествии трех десятилетий доктор Сарбэчер запомнил, что фамилия военного атташе канадского посольства была Бремнер, а не Бреннер. Зато заметил ошибку в написании имени доктора Буша, что говорит о зоркости престарелого ученого.

Итак, Сарбэчер советовал Штейнману связаться с непосредственными участниками аварийно-поисковых операций. Но остался ли кто в живых из тех именитых, а стало быть, уже тогда немолодых ученых? Очевидно, Штейнман разыскал кого-то из тех людей. Или людей, знавших этих людей. И они согласились сообщить подробности в обмен на обещание, что имена их не будут названы. В отличие от доктора Сарбэчера у них, должно быть, имелись на то основания. Тем самым, однако, умалялась документальная сторона книги не только в глазах закоренелых скептиков, но и правозверных уфологов. Уильям Мур — а он, безусловно, знаток предмета — в версии Штейнмана обнаружил кое-какие неточности. Но главный довод Мура против Азтекского варианта: редактор местной газеты Джордж Боура, опросив около

сотни старожилы той округи, не нашел никого, кто хотя бы понаслышке знал о предполагаемой катастрофе.

Напротив, Штейнман уверяет, что он таких людей нашел, ему даже указали точное место, где разбился летающий диск. Десятилетия спустя оно оцеплено колючей проволокой. Штейнман там обнаружил обгоревшие породы и ржавый металлолом, который мог служить подсобным материалом при разборке диска.

Версия Штейнмана не дала последнего решающего доказательства, и уфологам ничего не оставалось, как собирать новые и перетряхивать старые свидетельства, некогда казавшиеся столь невероятными, что на них и не задерживали внимание. Как, скажем, можно было в начале 60 годов отнестись к опубликованной беседе доктора Рольфа Александера с генералом Джорджем Маршаллом. Последний в ней не только признал факт аварии летающих дисков, но и сообщил Александеру о якобы имевших место контактах с существами, этими объектами управлявшими! По словам Маршалла, к землянам они настроены дружелюбно, трижды пытались совершить посадку, но земная атмосфера для них оказалась губительной, пришельцы в буквальном смысле сгорали, чернели, глотнув нашего воздуха.

Такая беседа будто бы состоялась в 1951 году после явления НЛО над аэропортом Мехико —

репортеры ожидали прилета министра обороны США Маршалла и вдобавок ко всему стали еще и свидетелями воздушного аттракциона. Запись беседы была опубликована, как и завещал Рольф Александер, когда ни его, ни Джорджа Маршалла уже не было в живых.

Есть и другие «неприличные» высказывания на эту тему, казалось бы, уместные лишь в контактерских изданиях. После того как американская ракета «Юнона-2» по неизвестным причинам отклонилась от заданной орбиты, знаменитый ракетостроитель Вернер фон Браун сделал поразительное заявление: «Мы оказались перед лицом сил, куда более могущественных, чем предполагалось местонахождение их баз нам пока неизвестно... Сейчас мы пытаемся войти в более тесный контакт с этими силами, месяцев через шесть или девять, допускаю, о том можно будет говорить с большей определенностью». Это из интервью с Вернером фон Брауном, напечатанного в журнале «Нойес Эуропа» от 1 января 1959 года. Новогодняя шутка? Но и высказывания доктора Брауна об НЛО незадолго до смерти, когда для шуток уже не остается времени, столь же недвусмысленны: «В настоящее время реальность их подтвердить невозможно, как невозможно станет отрицать ее в будущем».

Другой ракетостроитель Германн Оберт, один из зачинателей астронавтики, — еще в 1929 году предложивший проект создания

Много споров вызвала в свое время верхняя фотография. Это же просто пуговица, говорили одни. А может ли пуговица отбросить на землю тень почти таких же размеров, как тень самолета, возражали другие. Позже автор признался: фотография была им сфабрикована. Случай, увы, не столь уж редкий.

Фотографии слева, пожалуй, самые знаменитые из тех, что сняты в США. Два кадра успел сделать Пол Трентон 11 мая 1950 года во дворе своей фермы близ города Макминвилл, штат Орегон. Как многие фотографии такого рода они прошли не одну жесткую проверку. Особенно строг и придирчив был анализ комиссии доктора Эдварда Кондона: «Это одно из немногих сообщений об НЛО, в котором все изученные факторы, геометрические, психологические и физические, согласуются с рассказом о необычном летающем объекте, серебристом, металлическом, дискообразном, в несколько десятков метров в поперечнике и, очевидно, искусственного происхождения, который пронесся перед глазами двух очевидцев».

в околоземном пространстве орбитальной космической базы, — на протяжении многих лет высказывал созвучные идеи. После прокатившейся по Европе волны наблюдений в 1954 году профессор Оберт возглавил в ФРГ ученую комиссию, пришедшую к неожиданным выводам: НЛО созданы и пилотируются высокоинтеллектуальными существами.

Вскоре после этого Оберт был приглашен в США, где работал над созданием баллистических ракет для армии, а затем в Центре управления космическими полетами имени Джорджа Маршалла. И журналистам было странно слышать от него фразы о том, что не одними-де усилиями американских ученых созданы такие прекрасные ракеты, что в этом им помогли. Когда еще его спросили: «Кто помог?», Оберт ответил: «Люди из других миров». В 1979 году он подтвердил свой вывод, к которому пришел четверть века назад, возглавляя ученую комиссию по аномальным явлениям: «Я считаю, что НЛО действительно существуют, что они вполне материальны (are very real) и что они — космические корабли из другой или других солнечных систем».

Но от общих рассуждений о реальности НЛО вернемся к конкретным свидетельствам их аварий на территории Юго-Западных штатов.

Отставной капитан В. А. Послтуэйт, некогда служивший в армейской разведке, рассказал Леонарду Стрингфилду, что

в 1948 году он держал в руках секретную телеграмму с описанием потерпевшего аварии диска — сто футов в поперечнике, тридцать — высоты, с тонкой и чрезвычайно прочной оболочкой. При падении произошла разгерметизация кабины, все пятеро членов экипажа погибли. Были они большеголовые, ростом около четырех футов. Авария произошла близ полигона Уайт Сэндс, говорилось в той телеграмме.

Полигон Уайт Сэндс расположен близ атомного городка Аламогордо, не так далеко от Розуэлла и ранчо Брейзела, в штате Нью-Мексико.

А вот новое место предполагаемой катастрофы. По свидетельству полковника Джона Боуэна, бывшего начальника военной полиции на авиабазе Карсуэлл, штат Техас, он принимал участие — это было между 1948 и 1950 годами, точнее не помнит — в демонтаже девяностофутового диска, упавшего близ Лоредо, штат Техас, на мексиканской территории, в тридцати милях от границы. В кабине находился один гуманоид.

Тодд Зехель, представивший этого свидетеля, разыскал и другого, не названного по имени, полковника ВВС. Вполне возможно, тот подтвердил ту же аварию, хотя за давностью лет и он не смог привязать ее к точной дате. Свидетель находился в воздухе под Альбукерке, когда услышал по радиации, что радары засекли объект, шедший со скоростью две тысячи миль в час. Вскоре пол-

ковник увидел его из кабины истребителя F-94, а когда приземлился на авиабазе Дайс, штат Техас, узнал о крушении НЛО где-то поблизости. Еще с одним пилотом полковник пересел в маленький самолет и отправился на розыски. Им не только удалось обнаружить потерпевший аварию НЛО, но и приземлиться неподалеку. Район уже был оцеплен, к аппарату их не подпустили, а позднее любопытные пилоты были вызваны в Вашингтон, где принесли присягу все сохранить в тайне.

До поры до времени аварийные версии не выходили за рамки 1947—1949 годов. И территориально, как правило, ограничивались штатом Нью-Мексико. Затем уфологам пришлось расширить ареал предполагаемых катастроф, а вместе с тем раздвинуть и хронологию.

В 1973 году уфолог Рэймонд Фаулер получил важное свидетельство от ученого, с конца 40-х вплоть до 1960 года занимавшего ответственный пост в Авиационно-технической разведке ВВС. Вот начало скрепленного подписью документа:

Я, Фриц Вернер, торжественно клянусь, что 21 мая 1953 года, выполняя особое задание американских ВВС, принимал участие в обследовании потерпевшего катастрофу неизвестного объекта в районе г. Кингмен, штат Аризона.

В мае того года Фриц Вернер изучал последствия поражения различных типов строений после опытного взрыва на полигоне штата Невада, когда получил указание от руководителя прог-

раммы доктора Делла отправиться на авиабазу Индиан Спрингс, штат Невада.

Там собралось десятка полтора ученых, экспертов. Их усадили в автобус с зашторенными окнами и повезли. Куда? Вернер полагает, в окрестности города Кингмен, что в северо-западной части Аризоны. По дороге им сказали, что потерпел аварию секретный летательный аппарат американских ВВС, от них же потребуются компетентное заключение об этой аварии. По прибытии на место стало ясно, что речь идет вовсе не об американском летательном аппарате. Рассказывает Фриц Вернер:

Объект был сделан из неизвестного, на алюминий похожего металла. При падении он на двадцать дюймов врезался в песок без ощутимых для конструкции повреждений. Форму имел овальную, футов тридцать в диаметре. Входной люк открыли, опустив его по вертикали. Высота люка была три с половиной фута, ширина — полтора фута. Мне удалось обменяться несколькими фразами с одним экспертом, заглянувшим внутрь. Там он увидел два вращающихся кресла, округлую кабину, множество инструментов и дисплеев.

В задачу Вернера входило вычислить скорость летательного аппарата при соприкосновении с землей. Для этого не было нужды заглядывать в кабину, и Вернера туда не допустили. Но ему удалось подглядеть другое.

В палатке, разбитой возле объекта, находились останки единственного члена экипажа. Рост его был около четырех футов, смуглый, почти бурый. Два глаза, две ноздри, два уха и небольшой округлый рот. Одет в серебристый металлический комбинезон, на голове шапочка из того же материала.

Раймонд Фаулер, уфолог-

дознаватель из влиятельной организации НИКАП, не торопился с публикацией свидетельства. Три года он работал над материалом, не раз встречался с Вернером, уточнял детали, прежде чем появился в печати отчет о расследовании. Помимо опорных фактов в нем множество вроде бы необязательных, но живых подробностей, внушающих доверие к рассказу: как по дороге к месту происшествий ученых просили воздержаться от общений; как спящий свет прожекторов мешал рассмотреть очертания местности вокруг поверженного диска; как Вернер был препровожден в автобус, едва закончил и продиктовал на магнитофон свои предварительные расчеты; как полковник ВВС, руководивший командой экспертов, заставил их поднять руки и присягнуть не разглашать увиденное.

Фаулер проверил все, что возможно было проверить. Через Комиссию по атомной энергии он выяснил, что в указанное время на атомном полигоне в Неваде действительно проводилась исследовательская программа, о которой рассказал Фриц Вернер, и руководил ею действительно доктор Делл.

В те годы Вернер вел дневник, и в нем должна была сохраниться запись о нежданно-негаданно свалившейся командировке. Но долгое время дневник не удавалось разыскать. Наконец, Фаулер услышал в телефонной трубке радостный голос Вернера: дневник найден! Фаулеру было предъявлено решающее доказатель-

ство. На странице, относящейся к 21 мая 1953 года, после описания распорядка дня и раздумий по поводу полученного от девушки письма стояло: «К 16.30 меня доставят на авиабазу Индиан Спрингс для выполнения задания, о котором нельзя ни писать, ни говорить».

Такого рода свидетельств собрано немало. Томми Бланн и Леонард Стрингфилд дополнили свод показаний еще одним. Свидетель под псевдонимом «полковник Икс», по его словам, также принимал участие в операции по овладению летающим диском. Место происшествия знакомо: северная часть штата Нью-Мексико. Но время операции — лето 1962 года.

Диск походил на пару вверх дном перевернутых тарелок, с тусклой полосой по центру. Диаметр — тридцать футов, высота — двенадцать. Два неживых гуманоида в серебристых прилегающих комбинезонах. Работала присланная группа экспертов из восьми человек. Почти все, как в рассказе Фрица Вернера и других очевидцев. Для транспортировки диска, по словам полковника Икс, была задействована особая часть вертолетов без опознавательных знаков. О таких вертолетах уфологи получали сведения и раньше.

Рассказы о летающих дисках и телах погибших уфонавтов в спецхране секретных авиабаз — особый цикл легенды. И, пожалуй, еще более ненадежный, ибо составлен в основном из показаний анонимных свидетелей.

В начале 80-х годов Леонард Стрингфилд представил свидетельство бывшего летчика-испытателя, пожелавшего укрыться под инициалами П. Дж. После пронесшегося по Южной Каролине урагана отряд истребителей «Блубэрд» был временно переброшен на авиабазу Райт-Паттерсон. В первый же день весь наличный состав авиаотряда во главе с командиром П. Дж. совершил тренировочную пробежку по территории авиабазы. Любопытства ради летчики забежали в один из расположенных по соседству со спортивной площадкой ангаров, где были встречены постовым с автоматом. В ангаре они находились считанные секунды и все же успели многое рассмотреть.

В нескольких шагах от нас находился странного вида объект. Футов 12—15 в длину и футов 8 в ширину, с виду похож на две перевернутые тарелки. Громоздился он на двух подставках, на которых испытывают авиационные моторы. Никаких знаков, никакой маркировки и, что бросилось в глаза, без следов клепки. Объект был отгорожен канатом, еще восемь охранников стояли перед ним. Тот, что нас встретил, сказал: «Полагаю, сэр, вам не положено здесь находиться!» Я поспешил согласиться, и мы повернули к выходу. Выбравшись из ангара, помню, порадовался — наконец-то дядя Сэм обзавелся собственной летающей тарелкой или близок к тому.

Как видим, П. Дж. и его спутники решили, что сподобились увидеть секретный американский летательный аппарат на стадии испытаний. В любом случае можно подивиться, что авиаотряд в полном составе беспрепятственно проник через проходную, прежде чем очутился перед вос-

емью вооруженными стражами. Удивлялся тому и П. Дж., как и другому обстоятельству, что секретный объект размещен в ангаре близ спортивной площадки за пределами регламентированной зоны. П. Дж. рассудил, что летающая тарелка была туда только что доставлена или готовились к транспортировке. Восемь охранников — тоже вещь поразительная. В сутки, выходит, по меньшей мере две дюжины лишних свидетелей. Не проще ли было поставить одного караульного перед опечатанной дверью?

Еще одно, столь же смутное свидетельство.

В начале 80-х годов известный американский психиатр поведал историю своего пациента, понятно, не называя фамилии. В полном объеме — это история душевной депрессии ветерана Вьетнамской войны, офицера разведслужбы. Доктора Бертольда Шварца в том заурядном с точки психиатрии случае привлек единственный эпизод — рассказ пациента о посещении им секретной авиабазы в штате Аризона.

Пациент доктора Шварца утверждал, что он видел пятерых гуманоидов и предметы из летающего диска. Приводить подробности нет смысла — они не более и не менее фантастичны, чем уже рассказанные. Офицера поразили даже не столько эти неземные атрибуты, сколько то, как его знакомый, тоже офицер разведки, предложил и шутя провел — «В нарушение всех мыслимых статей устава!» — в секретнейшую зону. Пациент терзался предположе-

ниями: а не уловка ли это спецслужб с целью проверить реакцию человека, прекрасно сознающего, что он нарушает строжайшие запреты?

Колоритное приложение к рассказу — последующее преследование пациента и его родственников так называемыми людьми в черном, или «мибами»¹, что, казалось бы, явно говорит о мании преследования. Если бы только такие же загадочные истории о смуглоликих типах в темных очках, в темных одеждах, разъезжающих на черных кадиллаках, не рассказывали десятки людей с вполне уравновешенной психикой, но волею судьбы оказавшиеся обладателями ценной информации об НЛО.

Пациент сомневался и подозревал в уловках спецслужбы. Доктор Шварц сомневался и подозревал пациента — не сочинил ли тот все это с какими-то неведомыми целями? Коллеги сомневались в Шварце, — не слишком ли он доверился пациенту?

Снова и снова приходится убеждаться — там, где речь заходит о летающих тарелках, нет конца сомнениям, подозрениям, умолчаниям, недоговоренностям.

Казалось бы, чем больше свидетельств, пусть даже противоречивых, тем крепче уверенность: что-то все же было, не могло не быть, исходя из принципа — нет дыма без огня. Однако многие свидетельства, вроде бы подтверждающие основное ядро ле-

генды, могут служить дымовой завесой, в обилии придуманного и ложного скрывающей некоторое истинное и достоверное. Отправляясь на боевое задание, эскадрилья выбрасывает в небо полоски фольги, и радары противника уже не способны отличить истинные цели от ложных.

Закрадывается мысль: не подброшены ли кем-то все эти анонимные и полуанонимные свидетельства в виде ложных целей, дабы отвлечь внимание от одной или немногих истинных?

Английский уфолог Тимоти Гуд столько сил положил на то, чтобы приоткрыть завесу секретности — он объездил многие страны, добывал, изучал документы, штудировал литературу, вел переписку с уфологами и государственными ведомствами. В результате этих усилий в 1987 году появилась его книга «Сверх-совершенно секретно. Всемирный заговор вокруг НЛО». Однако и Гуд не нашел решающего, неопровержимого доказательства. Мудрые слова сказал ему доктор Пьер Герин из французского Национального центра научных исследований: «Пока мы не будем располагать достоверными сведениями и не получим доступа к секретам разведслужб, никто в точности не сможет сказать, имеются ли физические, конкретные, а следовательно, неопровержимые доказательства существования НЛО». Во второй половине 80-х годов такие доказательства вроде бы появились.

¹MIB — Men in Black — люди в черном (англ.)

Окончание следует

Люся Розанова поведала душераздирающую историю о том, как она стала Розановой и всего добилась. Оказывается, девушки, чтобы сменить без хлопот сочинскую прописку на московскую и быстро прославиться, нужно, во-первых, стать певицей и, во-вторых, попозже возвращаться домой, блестя золотышками на пальцах. Тут-то вас и ожидают... трое. Один с большим ножиком. Орите громче! Судьба придет на помощь. У Люси все так и было. Симпатичный парень разогнал грабителей (и ножа не побоялся), познакомился с Люсиными родителями, оказался композитором, уже работавшим с Аллой Пугачевой и Лаймой Вайкуле, предложил руку и сердце, она согласилась, скоренько перебралась в Москву, с помощью друзей открыла театр... Ну не сказка ли?

Видите, как все просто? Так что кричите, девушки, громче! Да, и еще один совет дала Люся. При нападении надо быстрее скидывать туфли. А там все будет о'кей. Театр откроете.

Поклонники группы «Любэ» до отказа заполнили спорткомплекс «Олимпийский», чтобы послушать сольный концерт своих любимцев. Как всегда, на «ура» — или, вернее, на «бис» — проходили признанные шедеры, такие, как «Не рубите, мужики», «Ночь», «Атас» и другие. Но «Любэ» показала и новинки; лучшей из них, пожалуй, оказалась ностальгическая песня «Трамвай-пятерочка», уже начавшая свою жизнь на «голубом экране». Надеемся, долгую.

И еще мы надеемся, что к тому моменту, когда выйдет этот номер, будут разысканы нахалы, совершившие ограбление квартиры солиста группы Николая Расторгуева, живущего — смешно сказать! — в подмосковных Люберцах. Совсем обнаглел народ. Ни замков, ни бицепсов не боится.

Еще одна забавная и грустная история украсила страницы газет. Известная группа «Крематорий» в одном из домов культуры столицы устроила концерт, средства от которого планировалось передать душевнобольным художникам.

«Люси в облаках с бриллиантами» — так красиво было названо мероприятие. Это название носит так же сборник стихов поэтов «со сдвигом», изданный при помощи популярной группы.

А получился сплошной конфуз. Картины «со сдвигом» висели, стихи продавались. Чинно-благородно. А потом некая дама-искусствовед из Центра творческой реабилитации душевнобольных заявила музыкантам правду-матку, что ей хочется повеситься от их музыки. А вот «ненормальные» стихи и картины такого желания у нее почему-то не вызвали. Затем оскорбился директор вышеназванного центра, заподозривший музыкантов в неверии в его финансовую порядочность. А потом вообще было сказано, что в наше время благотворительностью заниматься стыдно...

Ну не дурдом ли?

Две новые книги достойны внимания любителей рока. Причем про обе можно сказать — впервые.

Впервые в нашей стране издана энциклопедия «Рок-музыка в СССР». Правда, составитель Артем Троицкий, известный рок-журналист, применил более скромный заголовок: «Опыт популярной энциклопедии». Но опыт, как нам кажется, удался — на пространстве в 400 страниц освоена почти вся география Союза, весь алфавит от «А» до «Я» — от ленинградской группы «Август» до ташкентской «Яллы».

Единственное, на наш взгляд, ненужное в книге — это предисловие Андрея Вознесенского.

Как и все его предисловия — ни о чем. Вернее, о себе. В роке «я не специалист», — говорит лауреат госпремии. Понятно — он специалист по Вознесенскому.

И еще одно «впервые». Впервые стихи Александра Башлачева набраны, сверстаны и сброшюрованы. Вышли. Отдельной книжкой. И пусть его главные книги впереди (как страшно это звучит по отношению к ушедшему рок-поэту, но — увы! — это правда), порадуемся и первой ласточке. Помните, он писал:

*Побегу по бумаге я,
Этот путь длиной в строку,
да строка коротка,
Строка коротка...*

Не успели читатели полюбоваться в «Мы» на фотографию Богдана и Сергея — участников дуэта «Кар-мен», как оказалось, что мы поведали о том, чего уже, увы, нет.

Да. «Кар-мен» в этом составе прекратил свое существование. В чем дело? В одной из газет написали, что дело — в одеяле. Каждый, мол, тянул на себя. Другому мало доставалось. И образом жизни не сошлись. Один хотел — по-западному, другой — по-советски, а не как-нибудь там... Разошлись, словом, ребятаки.

Что же теперь? А вот что: король умер, но — да здравствует король! Да здравствует новый «Кар-мен»! Таких криков нетерпеливо ждет новая группа со старым названием, в которой, кроме певцов, еще и пляшут танцоры. При дележе имущества название досталось Сергею Лемох-Огурцову.

А что же осталось на долю Богдана Титомира? Конечно, его знаменитое мужское обаяние! Видимо, именно его он собрался заложить в основу своего будущего, заявив в интервью: мой новый имидж — «это секс-символ на эстраде»... Каждый, значит, при своем. Кто при одеяле, кто при сексе.

Одно жалко. Новый «Кар-мен» собирается уничтожить все теле- и радиозаписи группы с Богданом. Те, что мы с вами так любили. Не стоит, ребята! У вас еще все впереди.

По материалам прессы

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Было время, когда сценическое имя Рэмбо олицетворяло собой антисоветизм высшей пробы, милитаризм и реакционность буржуазной культуры. На него злобно насакивала пресса, обвиняя, клеймя, унижая. Сегодня, когда буйство борзописцев прежнего режима поутихло, их место заняли представители нового мышления, излагающие свои мысли, как правило, малограмотно, но зато столь же безапелляционно, как и раньше было принято. Свобода излагать собственное мнение была понята как необходимость представить все в совершенно ином свете, чем прежде. И вот мы уже видим того же Рэмбо воплощением мужественности, силы воли, геройства духа. Еще неопытное и слаборазвитое общественное самосозна-

Сильвестр СТАЛЛОНЕ - СИМВОЛ МУЖЕСТВЕННОСТИ И ГЕРОЙСТВА ДУХА

ние наше оказалось убаюканным этими свежими ветрами, и вот лицо — полная каша в мозгах у молодежи, которая, кажется, напрочь теряет (или так и не может приобрести) способность к аналитическому мышлению. Так какие же суждения о Рэмбо верны? Давайте вместе проследим за тем, как, когда и почему появился на свет Рэмбо и какие идеалы он воплощает. Тем более что популярность актера, который создал на экране этот образ, необыкновенно высока как за океаном, так и у нас в стране.

Майкл Сильвестр Сталлоне (его фамилия произносится, скорее, как Сталлоун, но мы оставили устоявшееся в печати написание) родился 6 июля 1946 года в Нью-Йорке в семье небогатого иммигранта с Сицилии Фрэнка Сталлоне, работавшего парикмахером. Мать Сильвестра — Жаклин, француженка по национальности, была в те годы главным добытчиком в семье, выступая в хоре «Даймонд хорсшоу». Мысли о собственном деле не покидали Фрэнка Сталлоне, и после длительного периода подготовки он организует и открывает в 1951 году целую сеть салонов красоты под названием «Фрэнк хэйр стайлистс». Так что нищей, как это закрепилось на страницах наших газет, эту семью никак не назовешь.

Сильвестр вспоминает свое детство как одинокое и неустроенное. Несмотря на то что большую часть времени он проводил вне дома, Слай (уменьшительное от Сильвестра) не со-

шелся близко ни с кем из соседей, не участвовал в мальчишеских шайках. Он сторонился сверстников — они дразнили его из-за акцента и небольшого дефекта речи, который был следствием родовой травмы. Слай до сих пор настолько сильно переживает свое детство, что уверяет всех, будто испытал на себе все чувства, которые должен был испытывать урод Квазимодо.

Когда Сильвестру было 11 лет, его родители разошлись. Сильвестр с братом Фрэнком переехали в Филадельфию, где Жаклин нашла себе нового спутника жизни — местного производителя пиццы. Со временем она ушла и от него, переехала в Майами и открыла там клинику пластической хирургии.

К 16 годам Слай сменил дюжину школ, причем из половины был выгнан за хроническую неуспеваемость. «Учителя говорили, что мой мозг спит летаргическим сном и пробудить его они не в силах», — усмехается сегодня Сталлоне. Отсутствие способностей к каким-либо предметам привело Сильвестра в гимнастический зал, где он познакомился с гантелями и от безделья начал усиленно тренироваться, «качая» мышцы.

Так этот парень «въехал» в бурные 60-е годы, когда началась война во Вьетнаме. Мать, испугавшись за сына, решила во что бы то ни стало упрятать его подальше от армии и, используя весь свой немалый запас знакомств, устроила его тренером по физподготовке в привилегиро-

ванный колледж в Швейцарии. Именно там Слай начал играть в студенческих спектаклях. Прошло совсем немного времени, как Сильвестр Сталлоне почувствовал, что сцена — это словно бальзам для его души. Квазимодо впервые ощутил себя человеком.

Дальше — больше. Уверовав в свои силы, Слай с нетерпением дожидается, когда опасность вьетнамской мясорубки окончательно его не минет, с тем чтобы вернуться в Америку и поступить на отделение драматического искусства университета в Майами, куда к тому времени уже переехала его мамаша. Но преподаватели не находят у Сталлоне даже отблеска таланта. «Любое его исполнение агрессивно, это сплошная физика, ни мысли, ни души», — говорят о нем многоопытные педагоги. И Слау вновь приходится решать все по-своему: из верных и таких же непризнанных, как и он сам, товарищей он сколачивает труппу, которая начинает давать представления в подвале церкви по соседству. Но количество зрителей — в среднем два на каждом шоу — не могло удовлетворить тщеславия актеров, и за несколько месяцев до диплома Слай оставляет университет, справедливо полагая, что хорошего напутствия он здесь никогда не получит.

И вот брошенный всеми актер-неудачник бросает вызов судьбе. Он нанимается на временные работы, чтобы не умереть с голодухи (вышибала, уборщик в зоопарке, швейцар), а в свободное время пытается пробиться на

сцену в Нью-Йорке. В 1969 году он находит маленькую труппу, с которой выступает на протяжении двух лет, ему приходится участвовать даже в полупорнографических постановках — но чего не сделаешь ради искусства! Жестокая нью-йоркская жизнь, близость к самым низам американского общества постепенно формируют у Сталлоне творческое мировоззрение: главной идеей его художественных поисков отныне делается желание раскрыть духовный потенциал «маленького человека» Америки. Но воплотит он этот образ совсем не так, как делал до него, положим, Чаплин. «Маленький человек» Сталлоне будет качать мышцы и при первом поводе хвататься за оружие. «Маленький человек» Сталлоне словно насмотрелся легендарных вестернов и решил вырасти до их героев.

Но Сильвестр начинает в кино с малого. Массовка, эпизодические роли — больше похвастаться нечем. Десятки штампованных гангстеров и хулиганов, которые появляются на экране на десяток секунд только для того, чтобы двинуть кого-нибудь по физиономии или смачно выругаться. А ведь актеру уже 30 лет! Слай день и ночь пишет сценарии, повести, романы, его письменный стол завален ворохом бумаг — все впускаю, они никого не интересуют.

Но вот проблеснуло что-то похожее на удачу. Фильм «Лорды из Флэтбуша», вышедший в 1974 году, заметили критики, много писали о нем, а Сильвестр однажды

даже обнаружил собственную фамилию в одной из рецензий, посвященных фильму. Гонорар за роль в этой картине был самой крупной суммой, которую когда-либо получал Слай за свою работу. На эти деньги Сильвестр покупает подержанный автомобиль и едет в Голливуд. В багажнике его машины — кипы сценариев, которые он пытается всучить лучшим американским продюсерам — бесполезное занятие, которое Слай отказывается бросать. Одновременно он продолжает появляться в эпизодах — но не более того. Другой на его месте опустил бы руки — но не Слай. И в итоге победа пришла к нему.

Началось все с озарения в один прекрасный день. Сильвестр сидел у телевизора, наблюдая за боем тогдашнего чемпиона мира по боксу Мухаммеда Али с малоизвестным боксером Чаком Уэннером, бросившим тому вызов. Чак сумел продержаться против чемпиона почти все 15 раундов и лишь в самом конце был нокаутирован. Вот она — история для забойного сценария! Он был написан за несколько дней. Несколько компаний тут же предложили купить его. Наибольшая предлагавшаяся сумма — 265 тысяч долларов. На роль главного героя уже прочили «звезд» — Берта Рейнолдса, Джеймса Каана или Уоррена Битти. Но Сильвестр поставил железное условие: главную роль будет играть он, и никто другой! Решение мужественное, если учесть, что на счету у него тогда лежало 106 долларов, а в семье

ожидалось пополнение — жена была в положении. Переговоры завершились компромиссом: «Юнайтед Артистс» заплатила Слаю за сценарий «всего» 75 000, да еще пообещала 10 процентов от прибыли. Никто в те дни не предполагал, что спустя год эти 10 процентов обернутся для Сталлоне миллионами долларов.

Фильм «Роки» стал киносимволом «американской мечты». По сценарию, рабочему-итальянцу судьба дает шанс в виде одного-единственного показательного матча прославленного негритянского боксера Аполло Крида с «человеком из народа». 30-летний неудачник из местного боксерского клуба, опустившийся и ничего не ждущий от жизни громила с пудовыми кулаками, Роки Бальбоа по совету друзей принимает вызов. И Крид, готовивший эффектное, но легкое зрелище к национальному празднику — 200-летию США, — сталкивается с настоящим американским характером. Зритель видит, как, будто по волшебству, вера в свои силы и упорные тренировки преобразуют не только тело рано обрюзгшего громилы, но и его душу. На ринг выходит уже боец, готовый к изнурительному бою, во время которого Роки не только не сдается, но даже ухитряется несколько раз послать чемпиона в нокаун. В награду по фильму — слава, деньги и признание любимой девушки. То же самое получает и исполнитель роли Роки Бальбоа — Сильвестр Сталлоне.

Казалось бы, он своего добился. Чего еще можно мечтать

в жизни скромному потомку иммигрантов? Но слава — это путь к личной трагедии, безусловная перекройка своей души и сознания человека. Ведь помните, Слай когда-то жаждал стать актером с большой буквы, он и к роли Роки Бальбоа подходил с этими мерками. Теперь, когда он вырвался на простор, стал свободен, мог выбирать любые роли, произошла осечка. Зритель, неистововавший на просмотрах «Роки», отказался принять Слая в ином обличии. Ни профсоюзный лидер в фильме «Ф. И. С. Т.» (1978), ни один из трех братьев в семейно-житейской драме «Райская аллея» (1978) не смогли ничем привлечь поклонников железной воли и стальных мышц. В будущем Сильвестр будет неоднократно пробовать «примерять на себя новое платье», но всякий раз на этом пути его будет ждать неудача.

Единственный выход, который оставил ему кинобизнес, — чтобы не остаться «актером одной роли», нужно стать «актером одного образа». И Слай, видимо, скрепя сердце принимает очередной вызов судьбы и возвращается на потеху публике к роли Роки.

«Роки-2» (1979) и «Роки-3» (1982) — это движение новых лиц вокруг нашего Бальбоа по старой схеме. Роки вновь опускается, потом вновь тренируется, потом вновь побеждает на очередных витках невыносимых ситуаций житейской безысходности. Чем дальше, тем больше экранного времени занимают сами схватки

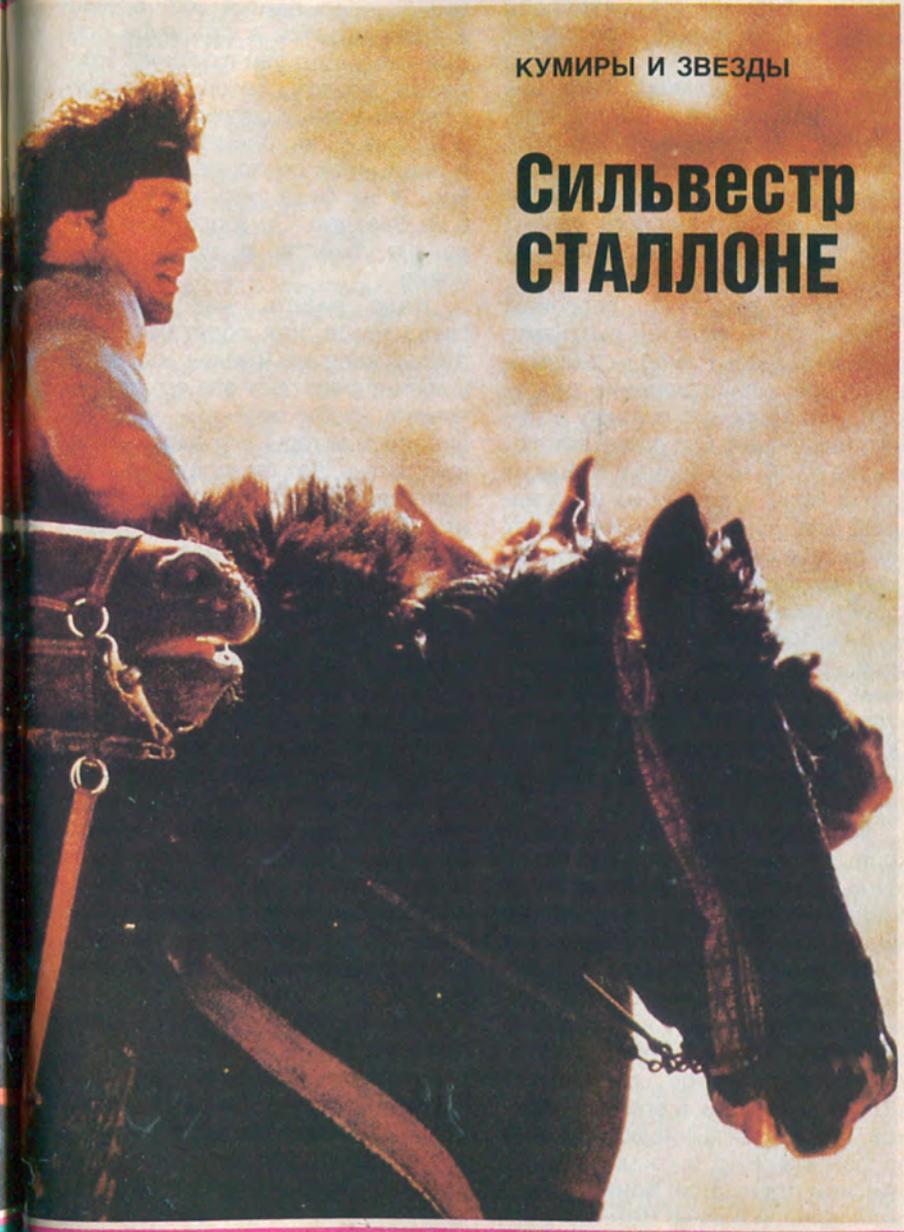
на ринге, то есть то, что было в первой серии кульминационной сценой из нескольких эпизодов. Боксерский матч в «Роки-3» превращается в самоцель, исчерпывающий все скудное духовное содержание фильма. На экране царит, торжествует животная жажда физического превосходства. Цель, отныне поглотившая Роки, — размолотить кулаками такую же, как он сам, гору мяса и мускулов по имени Аполло Крид. Сюжета нет в этом полурежиссерском фильме. Скорее, он похож на жестокий спортивный репортаж о подготовке профессионалов к матчу и о самом матче. Вопиющая примитивность продолжений «рокиады», особенно ее третьей части, заставляет вспомнить время производства картины: «Роки-3» вышел в 1982 году — и в каждом ударе Бальбоа все более отчетливо угадывались настроения рейгановской эпохи. «Американская мечта» отошла на второй план. «Маленький человек» в исполнении Сталлоне готовился защищать свою страну от внешних врагов.

А защищать было от кого. СССР наращивал вооружения, вел войну в Афганистане, недружественные Штатам режимы вырастали повсюду как грибы после дождя (Никарагуа, Гренада). В такой обстановке жесткий курс президента Рейгана стал требованием момента. Массовое искусство, уловив перемены в общественном настроении в пользу «твердой руки» в политике, немедленно откликнулось сонмом пропагандистских произведений

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Сильвестр СТАЛЛОНЕ

(среди фильмов о «твердой руке» — «Красный рассвет», «Вторжение в США», «Огненный лис», «Сверхоружие»). Меж них был бесспорный бестселлер, главный персонаж которого стал с легкой руки Рейгана героем № 1 Америки. Понятно, что воплотил героя — патриотического защитника отечества на экране — не кто иной, как Сталлоне.

Изначально этот персонаж Сильвестра — ветеран вьетнамской войны Джон Рэмбо — задумывался как олицетворение разрушающего здоровую психику военного мышления. Его драма заключается в том, что война и спецы из форта Брэгг сделали из него машину для убийства. Он не может найти себе места в мирной жизни. Поэтому картина поначалу представлялась в пацифистских тонах и, казалось, осуждала милитаризм. Но прошло немного времени, как на поверхность всплыл второй, скрытый смысл ленты. Особенно это проявилось после выхода на экраны продолжений киносериала о Рэмбо.

Интонации фильма «Первая кровь» полны справедливой обиды за этого благородного бойца, которому до сих пор не нашли достойного применения и которым издевательски шпыняют самодовольные, откормленные полицейские, не стоящие и мизинца Рэмбо. Себе на горе. Ибо когда Рэмбо прижимают к стене дубинкой, в его воспаленной памяти вспыхивают жуткие воспоминания о пытках во вьетнамском плену. Все! Конец его полноценной жизни! Ветеран вне-

запно просыпается от спячки и превращается в страшное оружие массового уничтожения. Раздетый донага, безоружный, окруженный враждебными людьми в форме — наконец-то он снова в привычной обстановке на поле боя. И не беда, что это Орегон, а не Вьетнам. Он запрограммирован на убийство в любой обстановке.

Надо видеть, как оживают глаза героя, как обретают упругость и силу его мышцы; как безошибочно работают все его органы чувств, чтобы осознать, чего добивались авторы: вот она, настоящая жизнь, вот он, подлинный герой современной Америки. Непонятый и неузнанный, он вынужден воевать с собственной страной, погрязшей в болоте безделья и самодовольства. Разбудить ее от спячки точно так же, как это сделали с самим Рэмбо, — вот пафос фильма. И еще одна мысль — такие, как он, лишь «на запасном пути», они ждут своего часа. И, естественно, администрация президента Рейгана сумела найти им поле для деятельности: «Рэмбо-2» (1985) — место действия: Вьетнам, поиск пленных; «Рэмбо-3» (1988) — место действия: Афганистан, Слай спешит на помощь своему попавшему в беду командиру.

Эти продолжения, а также снятый в 1985 г. «Роки-4», в котором вообще ничего больше нет, кроме политики и пропаганды (Роки избивает на ринге нашего кэзгбэшника, утверждая превосходство американской крови), создавались исключительно на

потребу общественного мнения, подогревая ростки шовинистической истерии в стране. Если и «Роки», и «Первая кровь» еще заставляли задуматься, вызывали неоднозначные оценки и полярные отклики, были многоплановыми картинами, то их продолжения служили одной лишь идее — превосходства американского духа в мировом масштабе. Это позволило некоторым американским критикам назвать творчество Сталлоне «фашиствующим».

Нам особенно должно быть обидно, что в качестве злейших и циничных врагов в этих картинах предстают наши с вами соотечественники. Неужели американцы столь плохо думают о нашем народе? Или то был «высочайший» заказ? Я пишу эти строки не с целью потребовать запрета на показ сериала о Рэмбо у нас в стране. Просто необходимо сознать, ради чего делались эти картины и каким настроениям в обществе служили. Рука не поднимается написать, что Рэмбо борется не за справедливость — ведь для разных людей справедливость представляется по-разному. Не нам судить американцев — но нам их понимать. Без этого не прожить.

Что ж, несмотря на некоторые уколы прессы, Слай достиг предела: и он сам, и его персонажи получили статусы народных героев США. Но одно не дает ему покоя: доказать свои актерские способности «итальянскому жеребцу» так и не удалось. Чтобы не потерять репутацию, Слау приходи-

лось постоянно выбирать схожие и крайне примитивные «физические» роли. Кроме семи фильмов из двух известных серий, в один ряд можно выстроить: «Ночные ястребы» (1981), «Кобра» (1986), «Взаперти» (1989). Особенно «хорошо» образ полицейского Мариона Кобретти по прозвищу Кобра. За весь фильм он произносит от силы десяток слов. Каменное лицо-маска не оживает даже в том случае, когда он занимается своим любимым делом — истреблением преступников, которых ненавидит с исключительной силой, свойственной героям Сталлоне. Пожевывая неизменную спичку в углу рта, Кобра гордым варягом проплывает по морю крови врагов законности. И не беда, что сам он преступает закон на каждом шагу. На это ему уже дана индульгенция обществом, так полюбившим за последнее время сильную власть.

Что касается пяти других фильмов Сталлоне за последнее десятилетие, то два из них — «Оставаясь в живых» (1983) и «Рейнский камень» (1984) явно не получились, засвидетельствовав в очередной раз, что кардинально поменять амплуа Сильвестру так никогда и не удастся. Фильм «Победа» (1981) необычен тем, что здесь Слай сыграл в созвездии знаменитых актеров Майкла Кейна, Макса фон Сюдова... и легендарного короля футбола бразильца Пеле. Участие последнего объясняется сюжетом картины. В ней речь идет о футбольном матче 1944 года между заключенными не-

мецкого концлагеря и профессиональной футбольной командой нацистов.

«Танго и Кэш» (1989) интересен тем, что на первое место, помимо злоключений героев, выходят сложные взаимоотношения между двумя разноплановыми, разнохарактерными полицейскими, вынужденными работать рука об руку. Фильм почти целиком поставлен нашим знаменитым земляком Андреем Кончаловским, который, правда, в конце съемок заспорил по поводу кульминации в сюжетной линии и, обидевшись на то, что его не понимают, бросил работу.

Но самый любопытный фильм Слая этого периода — «Изо всех сил» (1987). Практически это вариация на темы «Роки». Спустя 11 лет после выхода в свет оригинала старая формула вновь сработала! Правда, теперь Слай уже не боксер, а чемпион по армрестлингу — борьбе на руках, но это не важно. Такую нужную свежую струю в сюжет вносит ход с ребенком — сыном главного героя Линкольна Хока. В этом фильме вновь, как и в первом «Роки», главная цель физического противостояния — не тупое мордование противников, а духовное перерождение, конкретно: стремление завоевать любовь сына, воспитанного без отца в богатой семье деда.

Великая сила искусства! Она действует на зрителей уже многие тысячелетия, и в том числе посредством фильмов Сталлоне. Например, у его Рэмбо — сотни беззаветных поклонников, кото-

рые ставят памятники любимому герою или устраивают конкурсы на «самого похожего Рэмбо». Восхищенные мальчишки качают бицепсы «под Роки» и идут записываться в местные боксерские клубы. Но самое любопытное то, что сам Сильвестр Сталлоне совершенно не похож на своих героев. Сценарии он бросил писать — на что они ему, когда миллионы долларов и так исправно сыплются из нержавеющей машины шоу-бизнеса. Сыном своим он также перестал заниматься. Знающие его люди говорят, что Слай пресыщен жизнью, жен меняет как перчатки, каждый день водит новых любовниц. В прессе появлялись свидетельства о всяких странностях в поведении актера — например, пристрастии к порнофильмам. Говорят, что он даже записывает свои любовные утехы с новыми девочками на видеокассету, а затем днями просматривает свою коллекцию. О личных его качествах ходят слухи, что, дескать, Слай чуть ли не трус и уж наверняка полная противоположность своим героям.

Ну и пусть говорят! К счастью, мы не знаем и не видим ничего более, кроме созданных им образов на экране. А они мужественны, благородны рыцарской благородностью, смелы. Они — герои Америки. И в них в любом случае есть частичка души настоящего Сильвестра Сталлоне. Нужно ли обращать внимание на слухи?

Андрей КОКАРЕВ

ИЩУ ДРУГА

Знаете, ребята, что больше всего поражает в нашей почте? Угадали — ее количество. Но не только. Мы в редакции убедились в том, что в школе вам, наверное, никогда не объясняли, как надо правильно и грамотно оформить письмо. Казалось бы — чего проще? Оказывается, и в этом есть свои правила, которые не следует нарушать.

Что касается «куда, кому» — здесь почти все пишут правильно. Некоторые, правда, пишут два адреса сразу — и редакции, и издательства, не догадываясь, что они — в разных концах Москвы. Помните только, что на конверте надо писать название рубрики, в которую адресовано ваше послание, или фамилию сотрудника (или автора).

Но вот обратный адрес пишут кому как нравятся. Или вообще не пишут. А грамотно надо писать так: в рамочке — индекс, адрес — подробно, не так вот, например: «Стол. 56—78». Поди разбери, что за Стол. — то ли улица Столярова, то ли Столешников переулок. И еще — фамилию и имя в обратном адресе надо писать в именительном падеже. Помните еще, что это такое? Ну вот и хорошо.

Как всегда, много поклонниц индийского кино ищут коллег по слезам, пролитым в темноте кинозала. Вот некоторые адреса:

700146, г. Ташкент, ул. Строительная, 20, кв. 52. Майорова Настя (12 лет).

427410, Удмуртская АССР, г. Воткинск, ул. Верхняя, 11, кв. 170. Чернышева Юлия (14 лет).

167001, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 43, кв. 96. Лопушняк Ирина (15 лет).

У Вани на окне растут шесть видов кактусов. Он хочет переписываться с теми, кто увлекается этими замечательными растениями и станет ему настоящим другом.

630126, г. Новосибирск, ул. Выборная, 110, кв. 72. Мотясов Иван (11 лет).

«Мне 22 года, работаю, учусь заочно в институте, люблю футбол, играю сам и пишу стихи. Хочу организовать клуб любителей поэзии». Стихов журнал «Мы» получает очень много, так что, уверенны, желающие найдутся.

143200, г. Можайск, ул. Коммунистическая, 34, кв. 49. Остапенко Михаил.

И еще — продолжение поэтической темы. Маргарита Маяускайте из Литвы, Светлана Болихина из Смоленской области, Анетта Крыжановская из Тернополя, авторы журнала «Мы»! На ваши стихи написана музыка, и 16-летняя девочка, будущий композитор, хочет с вами переписываться.

308036, г. Белгород, ул. Губкина, 21, кв. 328. Кучева Ольга.

ИЩУ ДРУГА

Каникулы кончились, уроки начались. Поэтому мы решили не увлекать вас адресами музыкальных фанатов. Вернее, их будет немного. Мы знаем, что вы любите этих исполнителей...

...Татьяну Овсиенко:

141650, г. Высоковск Московской обл., Первомайский пр., 9, кв. 55.
Леонов Михаил (17 лет).

...Михаила Боярского:

105203, Москва, ул. 14-я Парковая, 6, кв. 21. Лиля (12 лет).

...группу «ДДТ»:

123100, Москва, Шмидтовский пр., 19, кв. 6. Романова Инна (17 лет).

...группу «Пинк Флойд»:

305006, г. Курск, ул. Ленина, 106, кв. 18. Захаров Антон (16 лет).

...Сандру:

127560, Москва, ул. Плещеева, 6а, кв. 20. Акимова Юлька (16 лет).

Сабине 19 лет, она любит песни «афганцев» и хотела бы с ними переписываться.

370129, г. Баку, пос. Н. Ахмедлы, ул. Н. Туси, 31, кв. 79.
Эюбова Сабина.

Эти ребята тоже носят военную форму, но мы надеемся, им не придется узнать, что такое — настоящая война.

142030, Московская обл., Домодедовский р-н, п/о «Ям», в/ч 56135 «Е». Федосеев Анатолий (19 лет, занимается спортом).

335007, г. Севастополь-7, в/ч 43196 «В». Группа курсантов (они написали о себе: «Все мы молодые, симпатичные, физически развитые ребята).

445025, г. Тольятти-25, ТВВСКУ-«Б»-6. Игошин Дмитрий.

Девочка, которая очень любит читать письма, особенно толстые, писать на них ответы и которая считает, что всегда будет подписчицей журнала «Мы», ждет писем от ребят, которые увлекаются математикой.

617240, Пермская обл., г. Кудымкар, ул. Созонова, 15, кв. 12. Радостева Лена (15 лет).

В «живом уголке» сегодня два адреса:

142117, г. Подольск, ул. Кирова, 72/54, кв. 10. Ларичева Люба (13 лет, любит животных, ее немецкая овчарка — медальстка).

107150, Москва, ул. Подбельского, 1, корп. 2, кв. 23. Лена С. (15 лет, любит лошадей и занимается конным спортом).

Павлику 14 лет, он плохо учится и считает, что по этой причине с ним не хотят дружить одноклассники. Зато у него есть собака, и он разводит аквариумных рыбок. Надеюсь, что у него появятся друзья...

720028, г. Бишкек, 7 микрорайон, д. 16, кв. 25. Рыбкин Павел.

Вполне образованный и добрый по характеру парень, прошедший три года за высоким забором и колючей проволокой, надеется, что найдется девушка, которая ему поверит, которая понимает, что «зек» тоже человек, у которого есть сердце, способное полюбить на всю жизнь.

БССР, г. Могилев, бульвар Непокоренных, 45, кв. 16. Бабич Андрей (18 лет).

*«Кто напишет мне письмо,
Тому совсем не будет скучно.
Пишите все, кому оно
Покажется для сердца*

нужным».

341031, г. Мариуполь, пер. Степной, 39а. Рита (16 лет).

17-летний поклонник у-шу, выпускник авиационно-спортивной школы ДОСААФ, ждет писем от девчонок — посимпатичней и от парней — влюбленней в авиацию и спорт.

680032, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Аэродромная, 15, кв. 154. Озеров Анатолий.

«Я единственный продолжатель нашего рода, и мне надо обязательно выжить в этой жизни. Поэтому я занимаюсь боксом, каратэ-до, дзю-до, у-шу (стиль «длинный кулак»). Жду от своих корреспондентов и корреспонденток откровенных писем об их увлечениях и житухе. Может быть, с некоторыми из них мы по-настоящему подружиться!»

633159, г. Новосибирск, п/о Кашово, п. Новоборск, 12, кв. 7. Сергей И. (14 лет).

Лене 16 лет, она «белая ворона» в своем классе — а все потому, что не хочет из девушки превратиться в «девку». Не красится, не курит, не ругается. Откликнитесь, ребята!

140006, г. Люберцы Московской обл., ул. Космонавтов, 19, кв. 7. Кузнецова Лена.

С читателями «Мы» хочет переписываться девочка — поклонница фильмов с участием А. Шварценеггера.

343116, Донецкая обл., г. Димитров-3, квартал 40, д. 10, кв. 73. Лена З. (15 лет).

Желаем успехов!

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

ВИДЕООБЗОР

Юрий БАХЧИЕВ

Заслуженный интерес у зрителей вызывают так называемые «фильмы ужасов» — жанр, представленный в нашей стране, к сожалению, только на «малом экране». Многообразие, красочность, увлекательные и необычные сюжеты безусловно привлекают поклонников видео. Внутри этого жанра существует множество различных тем и вариаций, но основная задача остается неизменной — заставить зрителя испытать сильные эмоциональные переживания.

В текущем году видеорынок предложил целый ряд интересных новинок:

Новая встреча с маньяком-убийцей и возможностью «жизни после смерти» ждет зрителей в увлекательном мистическом триллере «Первая сила». Лейтенант полиции в исполнении Луи Дайамонда Филлипса («Дезорганизованная преступность», «Молодые мстители») расследует таинственные убийства, совершаемые, как выясняется, членом секты сатанистов. Череду человеческих жертвоприношений удастся остановить... Но сатана дает своему поклоннику «первую силу» — и борьба продолжается!

Леденящие кровь убийства и казни не являются непременным атрибутом фильмов ужасов. Режиссер Гарри Маршалл («Красотка») дает возможность испытать «Боязнь пауков» — болезнь, неожиданно поразившую жителей маленького американского городка. Экзотические пауки, случайно оказавшиеся в доме городского врача, терроризируют его обитателей. Эпизоды борьбы с чудовищными насекомыми заставляют вспомнить такие фильмы, как «Чужой» и «Тварь», и, несомненно, в какой-то мере пародируют их.

Библейское «Седьмое знамение» олицетворяет неизбежность наступления Апокалипсиса. В одноименном фильме цепь злоеших событий окружает молодую семью, ожидающую появления своего первого ребенка. Главная героиня фильма в исполнении Деми Мур («Привидение», «Мы не ангелы») пытается предугадать развитие событий, понять значение злоеших знаков и знамений. С каждым шагом разгадка все ближе, и, разгадав тайну, героиня понимает, что именно от нее зависит существование всего живого на Земле.

Клайва Баркера, постановщика известного фильма «Восставшие из ада», классик ужасно-мистического жанра Стивен Кинг назвал «новой надеждой кинематографа ужасов». Его работа «Ночной народ» безусловно может быть названа лучшим фильмом ужасов сезона. Преследуемые везде и во все времена и все же реально существующие в современном мире монстры и чудовища живут обособленно, скрываясь от враждебного мира людей в необычном городе Мидиен. Герой фильма решает найти его и разгадать тайны «ночного народа», но на его пути стоят многочисленные препятствия. Преодолев их, став полноправным жителем Мидиена, герой узнает, что «народу Луны» грозит смертельная опасность. Увлекательная, надолго запоминающаяся постановка!

Фильм «Коматозники» рассказывает о странных опытах группы студентов-медиков. Кифэр Сазерленд («Молодые мстители») и Джулия Робертс («Красотка», «Стальные магнолии») предлагают своим сокурсникам провести на себе эксперимент с целью решения вопроса — существует ли что-то за границами бытия. По очереди каждый из участников опыта под наблюдением своих товарищей погружается в коматозное состояние и находит там самые тяжелые и неприятные воспоминания. Вернувшись в реальный мир, герои с ужасом замечают, что небытие оставило свои страшные следы и решают исправить совершенные ошибки.

НОЧНОЙ НАРОД (1990)
NIGHT BREED ****

КОМАТОЗНИКИ (1990)
FLATLINERS ***

БОЯЗНЬ ПАУКОВ (1990)
ARACHNOFOBIA ***

СЕДЬМОЕ ЗНАМЕНИЕ (1989)
SEVEN SIGN ***

ПЕРВАЯ СИЛА (1990)
FIRST POWER ***

***** — отличный фильм
 **** — хороший
 *** — неплохой
 ** — ничего особенного
 * — плохой

1 р. 20 к.
ИНДЕКС 70554

